

СОВРЕМЕННАЯ ВОРОНЕЖСКАЯ ПОЭЗИЯ

*По страницам журнала «Подъём»
2009–2016 годов*

Воронеж
2016

УДК 821.161.1=1
ББК 84 (2=411.2) 6=5
С 56

*Книга издана при финансовой поддержке
департамента культуры Воронежской области*

Руководитель издательского проекта *И.А. Щёлоков*
Составитель *В.Д. Лютый*
Редактор *В.Е. Новохатский*
Автор послесловия *В.М. Акаткин*

На обложке — репродукция картины
художника *Ирины Ворошилиной* «Веселая компания»

**Современная воронежская поэзия. По страницам журнала «Подъём»
2009–2016 годов.** — Воронеж: ГБУК ВО «Журнал «Подъём», 2016. — 360 с.

ISBN

Какая она, современная воронежская поэзия? Какие знамена поднимает? К чему с интересом приглядывается, над чем печалится и радуется? И чем вообще отличаются поэтические голоса рубежа столетий? На эти и многие другие вопросы поможет читателю ответить новый издательский проект ГБУК ВО «Журнал «Подъём», представляющий широкую палитру воронежской поэзии за последние годы.

ISBN

УДК 821.161.1=1
ББК 84 (2=411.2) 6=5
С 56

© ГБУК ВО «Журнал «Подъём», 2016.

Виталий Анатольевич Апевалов родился в 1980 году в городе Макеевке Донецкой области. Окончил Борисоглебский государственный педагогический институт. Учитель русского языка и литературы Первомайской средней общеобразовательной школы Эртильского района. Публиковался в журнале «Подъём», коллективных сборниках «Эртиль поэтический», «Дыхание надежды и весны», антологии «Воронежские поэты — XXI век». Руководитель литературного объединения «Эртильская волна». Живет в поселке Первомайский Эртильского района Воронежской области.

Виталий Апевалов

ЗАКЛИНАНИЕ

МОИ КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

Памяти В.С. Высоцкого

Мать честная! Что за жизнь,
старуха страшная:
Ноутбук, и Интернет, и ручки гелевые...
А мне хочется напиться дня вчерашнего
По-над пропастью, где кони привередливые.

Эх ты, сердце, мое сердце, все без отдыха
Погоняешь кнутовищем, непоседливое.
Впереди одни туманы — где взять воздуха?
Как нарочно мои кони привередливые.

Как скакать и не бояться — штука тонкая:
Очертания обрыва неприметливые.
Чуть забудешь — понесутся с песней звонкою
Вслед за ветром мои кони привередливые.

А уж я забуду точно: я забывчивый.
Не помогут и советы надоедливые.
Раз живу наперекор чужим обычаям,
То и кони мне достались привередливые.

ЗАКЛИНАНИЕ

Заклинаю тебя от вьюги,
От наветов и козней тьмы,
От предательства злого друга,
От хулы, сумы и тюрьмы;
От неожиданного в доме гостя,
Череды роковых смертей,

От неистовой в сердце злости
На животных и на людей;
От грабителя и от вора,
От булыжника и петли,
От незначащих разговоров,
Что ты идол и пуп земли;
От неверия в свои силы,
От проклятий родной Руси,
От того, что душа просила,
Что не следовало просить.

ЧИТАЙТЕ, ДЕВОЧКИ, СТИХИ...

Когда по манию стихий
По небу злобно мчатся тучи,
Читайте, девочки, стихи:
Они плохому не научат.

Печаль уйдет, уйдет и гнев,
Как все проходит в этом мире,
И только Рыцарь на коне
Пускай останется в квартире.

Тверда рука, слова как сталь,
Без страха Рыцарь и упрека.
Ваш милый мальчик взрослым стал,
Но до Него ему далеко...

Я знаю: бешенство стихий
Сорвет листву с деревьев сада.
Читайте, девочки, стихи,
Не плачьте, милые, не надо.

О РОССИИ

Говорят, через десять лет
По велению злобной силы
Не останется на земле
Даже памяти о России.
Черный ворон у трех дорог
Хриплым голосом от натуги
Прокричит: «Православный Бог
У Иуды навечно в слугах!
Вы же, мытари и рабы,
Что, наверно, одно и то же,
Крест оставите без борьбы
Фарисеям в змеиной коже».
А они уж начнут кроить,
Да ругать, да паскудить в блюде

Спаса вечного на крови,
Спаса, преданного Иудой...
Пусть пройдет еще десять лет,
Я не верю, что в дали синей
Не останется на земле
Даже памяти о России.

ПЕСНЯ СТЕПАНА РАЗИНА

Эх, душа, не плачь,
Будешь вечно жить,
Зря топор палач
Станет в ночь точить.

Зря зловещий звон
Да тревожный стук,
Будет сладкий сон
К смертной казни глух.

Что не спишь, скорбя?
Краток бранный путь.
На заре тебя
Казнь и каты ждут.

Голова, как ком,
Отлетит к толпе.
У царя закон —
От бояр терпеть.

Подняла душа
Не по силе груз,
Принялась решать
За святую Русь...

Эх, душа, не плачь,
Будешь вечно жить,
Уж топор палач
Перестал точить...

СТАРЫЙ ДЕД ГОВОРИЛ...

Наваждение. Хоть плачь.
Неприятный итог.
Был не в меру горяч
И без меры жесток.

Вышел я на часок
За родимый порог.
А вернулся назад,
Все с укором глядят.

И, конечно, со зла
Старый дед говорил:
«Видно, ты свой талант,
Как собаку, зарыл».

«Дай мне, дед, только срок, —
Говорил я ему. —
Мне бы неба глоток!..»
Ну а он: «Ни к чему.

Да, былъем поросла
Свежесть вешней зари», —
Мне, конечно, со зла
Старый дед говорил.

«Дал бы, дед, я зарок
В искупление зла...
Мне бы неба глоток!..
Да душа умерла.

Вышел я на часок
За родимый порог.
А вернулся назад,
Все с укором глядят.

Нет, на новый приют
Не найдется мне сил». —
«Без души не живут», —
Старый дед говорил.

* * *

Ну что сказать еще осталось?
Я дальше ясно вижу путь.
Пропеть есенинскую радость,
Осмыслить блоковскую грусть?

Греметь раскатами над миром,
А после сделаться дождем
И с горьким привкусом сатиры
Стучаться в окна в каждый дом.

Пропеть невиданные дали
Дрожащим голосом струны
Гитары, прозвучавшей даром
Для всей оглохнувшей страны.

И эхо скорбно отзовется,
Фальшиво пробуя мотив,
В лучах полуденного солнца
Мою печаль передразнив.

НАПИШИ МНЕ...

Напиши мне, напиши,
Напиши стихотворенье
С пылким жаром откровенья
Растрезоженной души.

Напиши мне, как всю ночь
С неба веет холод жуткий
И зима седьмые сутки
Выметает осень прочь.

Напиши мне, напиши,
Напиши, что грустно очень,
Что метель разносит в клочья
Жар страдающей души.

Напиши, что ветер хмур,
Напиши, что окна стынут,
Мир ограблен и покинут
Вереницей белых кур.

Напиши мне, напиши...
Я смотрю в почтовый ящик,
Словно встречи это наши...
Напиши мне для души.

* * *

Здесь намолены сорок тысяч верст,
Здесь рассказаны сотни тысяч снов.
На лихом коне далеко до звезд,
А пешком идти, так не хватит слов.
Здесь загаданы сорок тысяч фраз,
Здесь подслушаны песни тысяч вьюг.
И любили мы, как в последний раз,
Но как равные: ни господ, ни слуг.
Здесь распахана глубина степей,
Здесь намерили океан страстей.
Как бы нам с тобой за сто лет успеть
Напоить коней, проводить гостей.

Здесь Россия-Русь испокон веков,
Необъятная, как славянский мир,
Прогоняла прочь от себя врагов
И звала друзей на почестен пир.

Виктор Степанович Батраченко родился в 1943 году в Перми. Окончил Воронежский политехнический институт. Кандидат технических наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета. Автор более двухсот научных работ и 38 изобретений. Подполковник в отставке. Автор пяти поэтических книг, сборника романсов, а также многих публикаций в периодических изданиях России, США, Армении, Украины. Живет в Воронеже.

Виктор Батраченко

ИСТОНЧАЕТСЯ НИТЬ, УСКОЛЬЗАЕТ ИЗ РУК...

СЛАВЯНКА

Когда «Славянки» слышу звуки,
Себя я чувствую в строю.
Летят в отмашке четкой руки,
В такт барабану левой бью.

Колотит сердце в ритме марша,
Как струны мускулы звенят —
Так шли отцы и деды наши
С оружием в бой и на парад.

«Славянки» звуки тише, тише.
Чуть увлажняются глаза.
Гудки протяжные я слышу.
Теплушки. Проводы. Вокзал.

Уходят в темноту вагоны,
На лицах мертвый синий свет.
Стоят славянки на перронах
И эшелонам смотрят вслед.

* * *

Идешь по жизни напролом, круша
Надежды, судьбы, щедро сеешь горе...
Задумайся о том, как будет вскоре
Ответствовать за «подвиги» душа.

Расправь тобой примятую былинку,
Спаси осиротевшего птенца,
Не вороти от нищего лица,
Кори себя за детскую слезинку.

От бед чужих не отводи глаза,
Пойми: беда не может быть чужою,
Гордись победой над самим собою,
Но не спеши об этом рассказать.

Душою выверяя свои шаги —
Не навреди, спаси и помоги.

ТРАВА ЗАБВЕНЬЯ

Безмолвье. Косяки гусей,
И океана синь густая,
И по распадкам снег не тает,
И ягоды среди камней,
И пачки бесполезных писем,
И в выси лайнеров огни,
И одинаковые дни,
И тщетный счет ненужных чисел,
И краткость слов, и ясность смысла,
И отношений простота,
И стройных кедров высота,
И ярких радуг коромысла,
И в реках рыбы плотный ход,
И чистоты кристальной воды,
И сказки девственной природы
За створкой лагерных ворот...

Сгорели люди, как поленья,
В горниле классовой борьбы,
По бывшим зонам их судьбы —
Сплошной стеной трава забвенья.

* * *

Поступки, жесты и слова
Оттачивая скрупулезно,
Стараюсь жизнь прожить серьезно,
Доделать важные дела.

При этом знаю: жизнь — игра,
В ней то печально, то курьезно,
Но, право, никогда не поздно
Сменить подмости, амплуа.

Я — то любовник, то злодей,
То резонер, то лицедей,
То кардинал, то карбонарий...

С рассвета, с чистого листа
На каждый день пишу сценарий,
Вот только пьеса все не та!

ИСТОНЧАЕТСЯ НИТЬ

Е. Сухареву

На себя из оконной фрамуги, из тьмы,
Словно в честное зеркало, смотримся мы,
Завершая уже паутину плести.
Жизнь проходит, а что остается в горсти?
Что — на сердце и что остается в душе?
То, чего никогда не изменишь уже.
Все плету паутину, как старый паук...
Истончается нить, ускользает из рук...

ПАМЯТНИК ОКУДЖАВЕ

Не узнать когда-то тихого Арбата.
Тут и там торговля бойкая идет...
На себе ловлю я грустный взгляд Булата,
Выходящего из бронзовых ворот.

Может, просто так Булат гуляет,
Может быть, рождается строка,
Может, что-то молча вспоминает...
Рукопись в кармане пиджака...

В небе шарик голубой летит куда-то...
Не спеша, в обнимку парочка бредет...
Вышло все, как в старой песенке Булата —
Часовым любви он сам поставлен у ворот.

МНОГОТОЧИЯ

Расшифруй многоточий следы.
За словами в конкретных контекстах
По три точки... Зачем? Неизвестно,
Что в них скрыто. Как капли воды,
Как следы коготков, как три пули —
Точки. В каждой спрессована мысль.
В многоточиях вся моя жизнь,
Январь, сентябрь да июль.
Разберись в многоточьях чужих
Я едва ли, пусть будут загадкой.
В этой жизни и сладкой, и краткой
Многоточий немало моих...

ВЕЧЕРЕЕТ

Вечереет, поземка метет.
В белых шапках стога у дороги.
Еле движутся ватные ноги,
Что-то давит, тревожит, гнетет.

Сквозь ажурный ветвей переплет
Убывающий месяц двурогий
На пейзаж деревенский, убогий
Ледяное свечение льет.

Над трубою уютный дымок.
Свет в окошке. Я вымотан, взмок.
В двух шагах от тепла и огня

Остаюсь на истертом пороге —
Не уходит никак от меня
Ощущенье неясной тревоги.

НИКТО НЕ ЗНАЕТ

За окошком нехотя светает,
Нудный дождь по городу идет...
Может, что-то и произойдет,
Только этого, увы, никто не знает.

Ветер листья желтые срывает,
Дерево роняет спелый плод...
А весной семя прорастет,
Только этого пока никто не знает.

Журавли за море улетают,
Чуя, что зима уже грядет...
Кто-то здесь их возвращенья ждет,
Только птицы этого не знают.

Время в поисках бесплодных пролетает,
А она поблизости живет...
Может, с ней судьба меня сведет,
Только этого она пока не знает.

* * *

В этом мире жестком, бессердечном,
Где и жизни-то цена — пятак,
Души, очерстевшие, мы лечим,
Глядя наших преданных собак.
Все они, собаки, понимают,
Говорить не могут — вот беда,
Но, собою жертвуя, спасают
И не изменяют никогда.
Мы бываем к ним несправедливы,
Бьем — они лишь поджимают хвост
И отходят, посмотрев тоскливо,
В сторону. Цена собачьих слез
Высока безмерно, неоплатна...
Бил в сердцах собаку. Столько лет
Помню... Стыдно мне невероятно.
Нет собаки. И прощенья нет...

ВОПРЕКИ

Все гребу против ветра, все плыву за буйки,
В перевернутом мире я живу вопреки.
Вопреки чинодралам из присутственных мест,
Тем, что тычут в послушных указующий перст,
Вопреки циркулярам и высшим указам,
Вопреки снам, которым противится разум,
Вопреки аксиомам ученых мужей,
Вопреки понуканью кнутов и вожжей,
Вопреки гороскопам, парадам планет,
Вопреки провиденью, которого нет,
Всем назло и себе самому вопреки
Никогда не плыву по теченью реки!

Людмила Петровна Бахарева (Шевченко) родилась в Сталинграде. Окончила филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета. Работала в редакциях районных газет, почти три десятка лет — редактором Центрально-Черноземного книжного издательства. Автор многих книг стихов и прозы, среди которых «Рассветы», «Знакомые небеса», «Праздники», «Время прошедшее», «На золотом крыльце», «Улица молчаливых львов». Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

Людмила Бахарева

Я В ПЕРВЫЙ РАЗ ЖИВУ НА БЕЛОМ СВЕТЕ...

* * *

А в этих красных фолиантах,
где все Герои СССР,
всех больше — старших лейтенантов,
всем прочим званиям в пример.
Как жалко молодости их,
сгоревших в небе или в поле!
И даже самый лучший стих
не передаст последней боли.

На первых месяцах войны
отец погиб, не став Героем.
В том вовсе нет его вины, —
наверно, так уж мир устроен.
Он не был обойден талантом,
он жил, как все, мечту тая.
Но был он старшим лейтенантом.
В том гордость тихая моя.

* * *

Нет, я — не критик, я — апологет.
Хотите весь прославлю белый свет?
У каждого — душевное зерно,
пусть не всегда жемчужное оно.
И потому — вы даже и не ждете —
я расхвалю тот простенький стишок.
А кто сказал? Быть может, Гете:
все «к истине — хоть крохотный шажок»?

* * *

Ах, как вкусно звучат под ногами
травы росные по утрам!
И душа — как будто нагая:
ни комедий тебе, ни драм.

А потом в автобусе мчусь я,
молчаливая, у окна.
И какое-то новое чувство
порождает моя тишина.

Пролетаю сосняк и осинник —
этот русский пейзаж без прикрас.
И глаза холодеют от синих,
от чужих непростившихся глаз.

* * *

Я задыхаюсь, я встаю
и ковыляю в полумраке,
пытаясь защитить свою
частицу жизни в злой атаке.

Что будет — знаю наизусть.
Пишу, а прочитать не в силах.
Кто поглазастей, знает пусть
значение слов, кому-то милых.

Но если б даже и была
моя строка стройней и выше, —
неужто для того жила,
чтоб накропать вот эти вирши?

* * *

...И не для встреч проснемся мы в раю.

А. Ахматова

В раю, наверно, не до встреч...
У праведных — своя гордыня.
А нам-то, грешным, что беречь?
Нам смех и слезы — все едино.

Иль рассмеемся невпопад,
иль скорчим горестную мину —
мы все свободны, рад не рад:
ни Нобеля, ни Таормины.

Коль разговор с цитаты начат,
позволь продолжить мысль мою:
Цветаева сказала бы иначе...
Она-то ведь проснулась не в раю!

* * *

Забвенно все. История проста.
Но я клянусь, что не забуду
ни желтого лица Иуды,
ни крови, стынущей в расщелинах Креста.

ЕЩЕ РАЗ О ЛУНЕ

Романтик «пишет на стекле
заветный вензель». А прагматик —
будь физик он иль математик —
стоит упорно на земле.
Но вдруг физматик поседелый
в Луну вперяет очеса.
Он понял: пусть пока несмело,
но опустеют небеса.
Совсем! Навек! Уже наука
все распознала наперед!
Невероятная разлука
пускай нескоро, но придет.
Вот почему всегда грустна
божьявленная Луна.
Она-то знает, что грядет.
И стыдно ей за свой уход.

* * *

Неужто в зеркале миров
одно лишь зло отражено?
И нам из всех земных даров
одно страданье суждено?

Но если даже мир свинцов, —
где ж осени очарованье?
И легкой лиры волхованье?
И где ж любовь — в конце концов?!

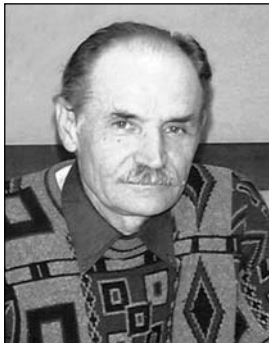
* * *

Я в первый раз живу на свете, —
иначе б знала, где и как,
среди разговоров и бумаг
мне отыскать мой главный знак
и быть за прошлое в ответе.

И я не вижу вещей снов,
(не Пифагор, не Менделеев!)

и я никак не одолею
ни страха пред нехваткой слов,
ни тайны мировых основ.

А те пророки и провидцы,
таланты те, кому легко
пред человечеством явиться,
кто ничему не удивится,
поскольку были далеко, —
они, как стало ясно мне,
не раз бывали на земле.

Виктор Васильевич Беликов родился в 1940 году в селе Новопостояловка Россошанского района. Поэт, прозаик, переводчик, краевед. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Работал учителем в школе, ответственным секретарем районной газеты. Автор книг «Тепло и боль земного бытия», «Охоты чудные мгновения» и др. Член Союза писателей России. Живет в городе Россошь Воронежской области.

Виктор Беликов

СИНИЕ ВЬЮНКИ

СЫНОВНИЙ ДОЛГ

Памяти А.Т. Беликовой

Матушка моя Анастасия,
Свет мой тихий на закате дня,
Для меня ты стала как Россия,
Ты природой стала для меня.

Положи на голову ладони,
Что шершавы, словно сухари,
Пожалей, когда так сердце стонет,
Иль по-матерински пожюри.

Матушка моя Анастасия,
Ты порой являешься во сне
В той хатенке с окнами косыми...
Ты идешь, спешишь навстречу мне.

Вновь безмолвным горестным укором
Ты глядишь, пронзая сон души,
И уходишь в даль по косогорам,
Исчезаешь в заревой тиши.

Что тебя тревожит на том свете?
В чем моя сыновняя вина?
...Просыпаюсь с болью на рассвете.
Мама?.. Совесть?.. Иль моя страна?..

Перед ней я тоже в неоплатном,
В чем-то неосознанном долгу.
И гнетет, что нет путей обратных,
Ничего исправить не могу.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Опять звенят овсянки о весне.
Синицы нежный голос серебрится.
И солнца позолоченные спицы
Незримо вяжут зелень в тишине.
Меня всегда волнует пробужденье
Родных лесов и пенье диких вод.
Я так люблю весенний хоровод —
Все эти свисты, кличи и сраженья.
Не потому ль, что памятной весной
Любовь до дна мне высветлила душу,
Своей любви я верность не нарушу.
И в дни весны она опять со мной.
Она со мною в каждом лепестке,
В дыханье ветра, в зябликовом свисте.
Она в шуршанье капель в нежных листьях
И в каждом оживающем жуке.
Храни ее от старости, судьба.
Не дай увянуть, как цветку-пиону,
Растаять, как серебряному звону
Перепелов в молоденьких хлебах.
Даруй ты ей способность к возрожденью.
Из мелких дрязг пускай встает, ясна,
Как эта вечно юная весна,
Как это безграничное цветенье.

ВЬЮНКИ

Синие, лиловые вьюнки,
Рупоры ликующего лета,
Вы, как люди, спите до рассвета
Вдоль заборов, грядок, у реки.

...Яркие беззвучные звонки
На плетнях моей былой деревни,
На ночь вновь и яростно, и гневно
Сжали вы цветочки в кулаки.

Сгнили те, по хуторам, плетни.
Вместо них — стеною циклохена.
И мыльнянки розовая пена,
Где мелькали пятки ребятни...

Вам ли, милые, казать кулак
В этом сокрушении устоев?
Ваше дело самое простое —
Украшать житейский кавардак.

...Вновь выходит солнце в синеву,
Ласточки стригут небесный купол.
И вьюнки глядят, как глазки кукол,
Лоскутками неба в синеву.

ПРЕДЗИМЬЕ

По пашне промерзлой, гремящей,
По озими хрусткой, седой
Шагаю, охотник бродячий,
Мотаю версту за верстой.
И гончей зарев — как валторна,
Тромбоном — башур выжлеца.
Российские наши просторы
Охотничьи греют сердца.
Кружатся грачи над толокой,
Как хлопья сгоревшей стерни.
И страннику не одиноко,
Тепло и в промозглые дни.
Родная земля под ногами,
И ветры поют в проводах.
Зеленых морей островками
Лески и солома в скирдах.
Печаль, и тоска, и величье,
Где тучи — как крыша шатра.
Безлюдье...Беззверье... Бесптичье...
Глухая предзимья пора.
Лисица под гончими ходит
Большими кругами вдали.
И снится уснувшей природе
Цветение вешней земли.

* * *

*Еще за деньги люди держатся,
Как за кресты держались люди
Во времена глухого Керженца,
Но вечно этого не будет.*

Ник. Асеев. 1956 г.

Еще любовью люди держатся,
Да и к крестам вернулись люди.
Быть может, бесы не потешатся,
Как в дни былые,
в дни, что будут.
Еще не все святое сгинуло
В кровавой ломке чужебесия,
И за знаменами и гимнами
Народа подвиг все же светится.
Еще не все растлили, вымели
Из нашей горестной истории,
Не все из памяти повынули,
Чтоб нас свести до инфузории.
Не все распродано, оболгано.
Плакун-травой страна поднимется,
И все, что мы считаем родиной,
У нас вовеки не отнимется.

Валентина Ивановна Беляева родилась в городе Бурыни Сумской области Украины. Окончила факультет прикладной математики и механики Воронежского государственного университета. Работала инженером на предприятиях Воронежа. Автор четырех поэтических сборников, книги для детей «Лики радужных дождей», книги публицистики «В Советском Союзе секса не было» и других публикаций в отечественных и зарубежных изданиях. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Валентина Беляева

КУРИЛАСЬ ПЫЛЬ НАД ПРИДОРОЖЬЕМ...

* * *

Там желтые соцветья ковыля,
Безмолвие заросшего кургана.
Мелькнет на миг в кустах крыло фазана,
Забрезжит даль в расцветенных огнях,
И затаит дыхание земля.
Ветрами заметенный перекресток.
И рябь едва рожденных чистых блесток
Подрагивает на его камнях.

Там Отрок бледный, потеряв свой дом,
Искал его, блуждая странной тенью.
Ордынская стрела, в одно мгновенье
Блеснув зрачком в малиновом песке,
Качалась мирно в стебле золотом...
Откуда-то ползла на небо льдина,
Восток и запад, слившись воедино,
Мерцали точкой на Его виске...

* * *

Я знаю, ты вышел из мрака и мглы,
Из стен среди поля застывшей золы,
Где кружится вихрем густая поземка,
Протяжно вздыхает унылая мга
И каждую ночь завывает пурга
Над крышами изб и сараев поселка.

Что делал ты там, при мерцавших свечах,
Когда остывал, угасая, очаг?
Как мог ты слышать их — звездные песни
Своих, как в безумстве сгорающих, строк,
Когда лишь безмолвный гранитный острог
Тебя ожидает в задымленной бездне?..

А я? Что же я — из роскошных хором,
Где льется ручьями малиновый ром,
Где светское общество миру известно?
С Олимпа сошедшие братья, друзья,
Артисты, спортсмены, цари и князья...
И только лишь там настоящая бездна...

* * *

«Есть женщины в русских селеньях». Да где ж они, боже?
Где «конь», что скакал сквозь пучины ушедших веков?
Я вижу лишь тени от них, хоть и лишнее прожил,
В зеленой траве на груди крепостных земляков,
Да след от копыт проскакавших в степи рысаков.

«Есть женщины в русских селеньях». О гений Некрасов!
Тебе посчастливилось видеть их звезды в глазах —
Красивых крестьянок сквозь окна твоих тарантасов,
В то время, как солнце играло на их волосах
И верный архангел парил над тобой в небесах.

«Есть женщины в русских селеньях». Селенья-то — где же?
Столица Москва, вся в приплясах цветного огня?
Увы, и не женщин! — мужчин! — мы встречаем все реже,
Что так, без сомнений, сквозь дым среди белого дня, —
В «горящие избы», судьбе оставляя коня...

* * *

Качнется лодка там, на переправе,
Сверкнет волна в серебряной оправе,
Бросая блик на столбик верстовой.
В молчании святом седые клены
Увидят, как легко и оживленно
Играет ветер сорванной листвой...

Мелькнет в глазах далекое горнило
Мерцающих огней в окошке милом
В полночной мгле за каменным мостом.
И звон апреля вдруг услышит осень...
Качнется лодка. Но уже без весел.
На этом берегу моем пустом...

* * *

У старой покосившейся ограды
Молился нищий в жуткой тишине.
А в храме — отсвет пламени лампы
Писал стихи и музыку баллады,
Дрожа на стылой каменной стене.

А осень дань свою мне воздавала:
И лживые листы календаря
Мелькали, словно маски карнавала.
Но я еще, увы, не сознавала,
Что свет блистает золотом алтаря.

Что благовест пронзает крик вороны
И вихрь свистит руладами щегла.
И в сумраке, сочном на микроны,
Со взором старой плачущей иконы
Живой зрачок блестит из-за угла...

* * *

Курилась пыль над придороженьем,
В траве — замшелая верста.
Триоли старого дрозда
Пронзали утренние росы.
Там Нищий Старец с ликом божьим —
Отшельник ли не исправим,
Стоял над холмиком своим
И гладил ствол седой березы.

Какой-то миг... С негодованьем,
Обрушив неба мутный вал,
Над головой его взывал
Какой-то Ветер безызвестный.
А Нищий Старец изваяньем,
Неведом свету и незрим,
Как бедный ангел-пилигрим,
Глядел, как мир плывет над бездной...

Михаил Иванович Болгов родился в 1952 году в городе Воронеже. Окончил электротехнический факультет Воронежского политехнического института. Поэт, коллекционер, президент старейшего воронежского городского поэтического клуба «ЛИК». Автор статей на краеведческие темы в региональной печати. Публиковался в журналах «Подъём», «Странник». Живет в Воронеже.

Михаил Болгов

НЕБОМ ПОЙМАВ ОДИНОКУЮ ПТИЦУ...

РАССКАЗОЧКА

По степи гулял
ветер северный,
Собирал букет
полевых цветов,
Собирал букет
своей злой жене —
Вьюге северной,
душесгубливой.

Он дышал на них —
цветы вянули,
Прижимал к себе —
стебли лопались.
Перебрал всю степь
по цветочку он,
До листочка всю
до последнего.

Он унес цветов
ровно полстепи —
Ровно полстепи
не цветёт теперь.
Удивить хотел
север пасмурный
Красотой земли,
её запахом...

Публикуется в авторской редакции.

Прибежал домой,
 тяжело дыша,
И поставил их
 под иконою.
Погляди, — кричит, —
 дорогá жена,
Что за степь нашёл —
 диво дивное!

И тогда змейй
 вьюга выползла,
От его цветов
 нос воротит свой.
Говорит: «Ждала
 я подарочек,
А ты мне суёшь
 племя гиблое.

Тут ходил сосед —
 мороз северный,
На простой воде
 он цветы сажал,
Целый час он мне
 их выращивал...
Вон, гляди, стоит
 пóлна вазочка!»

Подбежал, глядит
 ветер северный —
Изо льда цветы
 так и йскрятся!
Подышал на них —
 красивей цветут,
А прижал к себе —
 пуще прежнего!

И сказал он тут:
 «Это правильно,
Дорогá жена,
 вьюга хмурая,
Изо льда цветы
 красивей цветут...
Перестань гудеть,
 моя умница!»

И усталый сон
 охватил его,
И приснилось
 диво дивное:
Что он рвал в степи
 изо льда цветы,
На могилу нёс
 солнцу на небе...

* * *

Разрослась жизнь наша вековечная —
Неохватная, высокая и стройная.
Для неё и — отложив продольную —
Развожу я песню поперечную.

Развожу по умыслу и по сердцу
Всяко слово обоюдоострое,
Чтоб ходила песня, как по маслу,
Да во сыром стволу не заедала бы.

И гляжу я, запрокинув голову,
Вижу: гнёзда птицей покидаются.
Стукну в ствол — гудит, как будто колокол,
Чую: корни кулаком сжимаются.

Повалю. Уж никуда не денется —
Грянет оземь, ветви выворачивая.
А я пот утру, пойду гулять и тешиться,
Словно встарь — да на пиле играючи.

СИМФОНИЯ

(Финал)

Словно гриб рос град
Как на грех рос крив
Рос под хрип и храп
Словно краб игрив

Среди прочих злоб
Что хранил урод
Был подземный ход
За черту ворот

Что суть бранн был град
Очень храбр и спор
Знали вор и враг
Ждали знак да срок

И настал тот срок
Всех своих верх бед
Получил град горд
Родовой знак герб

И указ высок
В центр лучей из стрел
Чтоб на створ ворот
Был прибит тот герб

А на нём хоть как
Ни верти сумеь
Даже мог дурак
Тайный ход узреть

Белым днём червь как
Проползает в гриб
Так всяк вор и враг
В этот град проник

Расширял он ход
Углублял его
Так и вырыл он
Под землёю ров

И был холм прежде крут
Вырастал где град
Как пустая грудь
Он под ним ослаб

И с небес тогда
Полился дождь крупн
И омыл весь град
Словно был он труп

Прогрозил гром грузн
И ударил в холм
И пустую грудь
Расколел его

И пропал горд град
По земле шла дрожь
Он был бранн и храбр
Он был крив урод

Был и хрип и храп
Был и взрыд и всхлёб
Землю грыз дурак
Как голодный клоп

А над ним торчал
Что венчал собор
Крест как два плеча
Ветр качал врат створ

Завалил горд град
Ход самим собой
И украл герб вор

Это место враг
Стороной другой
Обегал с тех пор

* * *

Небом поймав одинокую птицу,
Из-под неё твердь земли уберу,
Чтобы она никогда не сумела разбиться,
Рухнув с небес, о земную скалу.

В тягость не будет ей в царстве воздушном
Тело её... И тогда, вне земли,
Мы ощутим, как к друг к другу потянутся души...
Силу — как тяжесть души ощутим.

Если же птица той страшною силой
С криком прощальным уносится прочь,
Я твердь земли вновь под небо пустое задвину, —
Как и привык коротать одиночь.

ВЫБОР

Редкоусая Россия Севера,
Средняя Россия седорóся
и рассыпчатая Южная Россия
к Малорóссии малой на крестины,
прихватив с собой Белоросси́ю,
собрались с подарками своими.

Редкоусая — холодную купель
привезла на облаке гремучем
и накидку драгоценную связала,
самоцветами расшитую по мéху.

Седоросая святой воды собра́ла
на заре с лугов своих серебряных,
солнечных ежей перекупала
вместе с белыми дождливыми ежами,
привезла гостям всем на потеху —
те живым иголкам удивлялись.

Южная немного припоздала,
но зато, когда вдруг заявила
с сотней бочек крепкого вина,
что по рекам и озёрам прикатила
и которое по тайному обряду
специально к торжеству курила,
и огромную белугу в два объёма
на дубовый стол преподнесла, —
небывалый пир за здравье Малой
с новой силой у гостей разбушевался.

Белая Россия удивлялась,
глядя на сестёр своих богатства,

ничего такого не имела
у себя она — в краю болот тоскливых.
Но когда дитя вдруг раскричалось,
неожиданно от голода проснувшись,
когда все от пира оторвались
и не знали, что же делать с Малой, —
нежно на руки она взяла ребёнка
и, поправив его крестик, расстегнула
своё платье и досыта грудью
накормила, спеленала, укачала,
унесла подальше от застолья,
чтоб никто не разбудил малютку...

А притихнувшие было удалые
и лихие, щедрые России
песни затянули раздушевные
зацелованными крепко голосами...

Слыша их, счастливо улыбалась
Белороссия, по степи гуляя,
и, чтоб ни на миг не сглазить счастья,
троекратно через плечи сплюнув,
истово себя перекрестила,
землю, по которой шла, перекрестила,
замерла, на небо засмотревшись,
и к застолью так и не вернулась...

ПОБЕРИГА

Либо либо либо либо
Либо липой заскрипит
Либо лепет лебединый
К нам на землю не слетит
Либо либо либо либо
На земле не наследит

Золотил слезой
Залатал мечтой
Примерял к себе
Примирил с собой

И невидимо
И неведомо
Славесин играл
По-над Недоном

Ибо спас меня
Да спасибо пьян
Да способен ли
К большим радостям

Здесь надежда мне
Как одежда мне
С облаков вино
Исцелебное

Много нечисти
На лице земли
Да с лица её
Мне не воду пить

А вино вино
Свою жизнь пьянить
Так диковенно
Облаковенно

Покаянный и
Богоявный и
Заворо́шенный
Заворо́женный
Лил ветер
Из ведер
Откуда-то
С неба

А небо
Где небо

Да где его
только
не носит

* * *

Сын мой — сон мой
Синь в незримом крае
Слепнем проблеск
На глазах играет

Ген мой — гон мой
За всеми веками
Сгинью лгунной
Пощупальцы манит

День мой донный
Пенит цветер дальний
Данью стонной
Меня облагает

Кинул — мною
В пыль подённых зноев
Канул кровью
Впрок не запасённой

Тенью ранней
Землю облетает
Сын мой — сон мой
Синь в незримом крае.

ВОРОНЕЖИЕ

воронеживбе воронэжное
воронежалёя воронеженá
воронежелáла воронеждала

воронежейволги воронежейвы
воронежеиерёи сворожили диво
воронежестокое воронежеслóвом
воронежалящим воронеженовым

В неба чёрного когтях
 что как ворон аж
У степной земли в зубах
 что колючий ёж
Извивается как уж
 узкоглазый раж
Уронив о камень душ
 наточённый нож

Воронэжие
воронеживбе воронэжное
воронежелёзная твоя воля
воронежелáнная твоя доля

На белóй груди перо брошено
Вороно перо ворона крыла
На конце пера капля кровная
Вороной кровí да запекшейся

А в белых ногах то само крыло
Переломано да истоптано
Да черным-чёрно черней ворона
И вороной луны в небе с проседью

Воронэжия нёбыли
воронежíли — не б́или
воронеживьíми
воронэжными

Говодырь орёт
Черепел кричит
И в недобрый час распускается
вороной цветок
вороной зари
вороной росой причащается

Лепесток один воронá цветка
 воронá мечта

Лепесток другой воронá цветка
воронá судьба
Вороная смерть третий лепесток
шевелит крылом
А последний лепесток
Кем-то вырван и вpletён
Чёрной памяти в венок

Воронéжичи воронéжия
воронéждари воронéжного
воронéжлухи воронéжевы
воронéженки и воронéжури
воронú певцу тот цветок несут
вороной цветок вороной зари
и без лепестка чёрной памяти

На гуслéх певца перетянуты
Жи́лы крепкие воронéжье́вы
Мо́чи нет уже у того певца
Обессíльного с места сдвинуть их
Но и сдвинувши не запеть ему
Столь высокий сказ своим голосом

Значит не ему лепестки срывать
С воронá цветка уцелевшие
Не ему гадать воронéжному
Воронéжию воронéживо́му

Обнимает он вороной цветок
Рану рваную заговаривает
Рану рваную чёрной памяти
Вороной заре своей матери

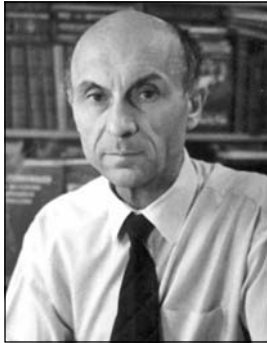
ДАКТИДИЛЛИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Одно сознание первозданной истинности,
И — всё уступит самородку в драгоценности.
Он создан в чистоте случайной дерзостью,
Без всё и вся легирующих примесей.

Но неуютен мир и мне, и человечеству,
Как неуютен сей сонет дактидиллический
Из-за того, что бедн находкой редкостной,
Будь то алмаз иль чувство кристаллическое.

Родившийся заведомым старателем,
Покорный слову, как инстинкт, дремучему,
Ищу неведомые россыпи кристалльные.

Но всё нейдут на ум волшебные созвучия,
Которые б сложил я в заклинание,
Подобное велению: «По-щучьему...».

Виктор Викторович Будаков родился в 1940 году в селе Нижний Карабут Россошанского района. Окончил историко-филологический факультет Воронежского государственного педагогического института. Прозаик, поэт, эссеист. Лауреат литературных премий и.м. И.А. Бунина, и.м. А.Т. Твардовского, и.м. Ф.И. Тютчева, журнала «Подъём» «Родная речь». Основатель и редактор книжной серии «Отчий край». Почетный профессор Воронежского государственного педагогического университета. Заслуженный работник культуры РФ. Автор более 30 книг прозы и поэзии. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Виктор Будаков

ЗАБЫТАЯ РОДИНА

ВОРГОЛЬСКИЕ СКАЛЫ

В. Пескову

Воргольские скалы —
былинный размах,
Славянское здесь городище?
Былое — забытый, развеянный прах?
Так что же, так что же мы ищем?

Печали исполненный бунинский край,
Осколок разбитого мира?
Иль, может, от века потерянный рай
Как призрак небесного пира?

Проехать полсвета, и здесь разглядеть,
Что всюду начала несложны:
Богатому — золото, а славному — медь,
Медь славы меж правдой и ложью.

Младенцу же — песни!

Пропела их мать
На глыбистых кручах Воргола.
А сын ее вырос, и стал воевать,
И пал он, где чистое поле.

И древняя мать горевала над ним,
И вечной была ее песня,
Мол, в мире просторно своим и чужим,
Пришельцу-захватчику тесно!

Развеялись в мире и мать, и сын,
А где — даже скалы не скажут...
Воргольские скалы —
 что кряжи былин,
Как родины древние стражи.

Стоим у воргольских
 былинных камней,
А ветер взмывает и свищет...
Что знаем, что слышим,
 что помним о ней? —
Забывшую родину ищем?!

АУСТЕРЛИЦ

Голуби мира мокнут на крыше,
В Славкове — дождь.
Старый дворец — или эхо услышал?
Странная дрожь...

С этих ли жалких мокрых сокрылий
Падает весть,
Что поразверзлись былые могилы —
Воины есть!

Вновь полыхает страшная сеча,
Страх — у столиц?
И покрывается славою вечной
Аустерлиц!

Ты его грозное эхо услышал
Из глубины.
Словно не голуби мира на крыше, —
Голубь войны!

ГДЕ ЭТО БЫЛО?

Город не польский, город не русский, —
Где это было?
И беззаветно, и безыскусно
Мне говорила,

Юная полька мне говорила:
«Рунце горячи!»
Да не исчислить, когда это было,
Жизнь — не задачник.

Жизнь пронеслась —
 две судьбы не связала,
Знать, не угодно...

Юная полька тихо сказала:
«Рунце холодни!»

Путь в полвесла —
 от причала к причалу,
Не оглянуться...
Так отчего же долго печалит
Польское «рунце»?

Александр Владиславович Бунеев родился в 1961 году в Воронеже. После окончания факультета журналистики Воронежского государственного университета работал в редакциях газет, в сфере общественных связей. Публиковался в журнале «Подъём», в альманахах «День поэзии — 2012», «Ямская слобода». Автор поэтического сборника «Стихи разных лет», книги прозы «Я хочу, чтобы вы были здесь». Лауреат различных журналистских премий. Живет в Воронеже.

Александр Бунеев

ВРЕМЯ ТИХО ПРИЛЬНУЛО К ЗЕМЛЕ

* * *

Мальчик кормит сизых голубей,
Золотые зерна им бросает.
Снова от печали нас спасает
Голубое небо этих дней.

И застывши под небесным сводом,
Мы стоим и знаем лишь одно:
Прорастет сквозь горести и годы
На асфальт упавшее зерно.

2007

В эту зиму монеты лежат на снегу
И вмерзают в искрящийся лед.
Разве что на ходу, на лету, на бегу
Кто-то молча пятак подберет.

Рубль прихватит,
Полтинник, советский алтын
По ошибке положит в карман,
В тесноте убивающих город равнин
Обретет золотой талисман.

Подбирающий деньги российский народ
Бьет поклоны уставшей стране.
А монеты лежат — плавают мартовский лед —
На груди, на ребре, на спине.

А в апреле они растворятся в ручьях.
Обреченно вздохнет старичье.
Чья монета? Чей дождь? Эта радуга чья?
Чья страна? Чей народ? Время чье?

* * *

А в России, как всегда, гужевые облака,
И бетонные березы, и цементные снега.
Недопитая бутылка, недобитая строка,
И запущенные кем-то византийские бега.

Запряженные стрекозы, одичавшие волы,
И кресты, и колокольни в мезозойском янтаре.
И петровские свирели, и дощатые столы.
И святая пьянка в мае и похмелье в январе.

ВОРОНЕЖ

Фыркнул весело ежик под елкой.
Черный ворон спустился попить...
И в стальную кривую иголку
Вдело Время суровую нить.

Шьет и смотрит налево, направо,
Помогает наперстком игле...
Еж уходит в глухую дубраву.
Ворон путника ищет во мгле.

И кроит, и лицует без толку.
И ложатся скупые стежки...
Еж наколет грибок на иголку.
Ворон пададь клюет у реки.

И оставив шитье на ограде,
Время тихо прильнуло к земле...
Дремлет еж в городском зоосаде.
Ворон чучелом спит на столе.

ТРОИЦА

Три ангела слетелись на левкас,
Как мотыльки на пламя яркой свечки.
Один оторван от прохладной речки,
Второй от песни, третий от проказ.

Они попались, словно птицы в сети,
И шесть веков сидят, чего-то ждут.
Не тронут чашу. Речи не ведут.
Не знают, что творится в этом свете.

Но в век седьмой, холодный и простой,
Они вспорхнут, как ветреные дети.
И ранним утром, прямо на рассвете,
Икона вдруг окажется пустой.

* * *

Мне говорит сухое, в перьях, лето
О том, что жизнь прекрасна и длинна.
Что этого июльского привета
Я долго ждал, но не ждала она.

Чудесней нет июльского пространства,
Зажатого забором с трех сторон:
И это золотое постоянство,
И музыка далеких похорон.

Я захочу пройти сквозь это лето
Асфальтом, на котором слой песка,
Где тихий жар полуденного света
Отстоян, как забытая тоска.

Я встречу кошку, может быть, собаку,
Что на меня залает на бегу.
Я расстегну до пояса рубаху,
Но вот разуться, видно, не смогу.

Там, где асфальт в залив травы впадая,
Скрывает цвет забывчивой земли,
Я воробьем, осадков ожидая,
Купаюсь в летней городской пыли.

Я в улицу вошел, но не вернулся...
И ты поймешь на «три, четыре, пять...»,
Что я, играя в прятки, не проснулся,
Или проснувшись, спрятался опять.

* * *

Вот опять две серых колеи
На одной из выбранных дорог,
Где деревья будто не мои,
Где на плечи лунный свет прилег.

Где в повозке дряхлой, чуть дыша,
Думают о солнечной стране,

Где судьба-лошадка не спеша
Прячет взор в лиловой тишине.

Вот привал на несколько минут,
Вот отъезд в немую пустоту.
Променяли лес и тихий пруд
На дорогу, грязь и темноту.

Мы с травы съезжаем в колею.
Чуть скрипит повозка колесом.
Я рукой свободной шевелю
Торбу с пыльным и сухим овсом.

И опять, обрывки снов храня,
Едем мы неведомо куда.
Эхо песен, отблески огня
И ночная стылая вода.

Вот уселся овод на шлее.
Вот и успокоились сердца.
Только всплески в левой колее,
Только в правой всплески без конца.

Ирина Владимировна Глушкова родилась в городе Калач Воронежской области. Окончила художественно-графическое отделение Бутурлиновского педагогического училища и факультет художественного образования Воронежского государственного педагогического университета. Автор трех сборников стихотворений: «Пока журчат святые родники», «Оглянись, прохожий», «Время надежд». Живет в Воронеже.

Ирина Глушкова

УЖЕ ТАК БЛИЗКО ХОЛОДА

* * *

Хочу остаться в тишине.
На окнах дождь слепой рисую.
Я перед болью не пасую:
Она нужна сегодня мне.
Пустые мысли ни о чем
Прохладой по щекам стекают,
И ты устал, я понимаю,
Дверь открывать чужим ключом.
Не я, а жизнь глухой тоской
Тебя в ошибках обличала,
Но ничего я не встречала
Страшнее слабости мужской.
Себя обманом опои,
Чтоб видеть не хватило силы,
Какая тяжесть придавила
Так плечи хрупкие мои.

* * *

Все будет жить: и я, и ты.
И так же будет небо свято.
Багрянец пламенный заката
Окрасит бирюзу воды.
Все будет жить: и голоса,
И шепот кленов у дороги,
И память светлая о Боге,
И вера в мир и чудеса.

Не может по-иному быть.
Как наше не замрет дыханье,
В прозрачном этом мирозданье
Продолжит все любить и жить.

* * *

Расплескалась розовая млечность
В сполохах рассветного огня.
Не осталось улицы Заречной —
Только память в сердце у меня.
Белооким яблоневым цветом
Утром обливаются сады.
Я все чаще думаю об этом,
В прошлое ведут меня следы.
Травы солнцу кланяются в пояс.
К горлу подступает слезный ком.
Родниковой свежестью умоюсь,
Оботрусь зеленым ветерком.
Мхом устлались крыш знакомых скаты.
Есть здесь кто?
Окликну.
Отзовись!
Лишь бурьян качнется виновато,
Заглядевшись в розовую высь.
Тишина плывет в небесном своде,
Звезды осыпая в ковыли.
Господи, куда же все уходит,
За какой предел родной земли...
Господи, а можно ли — иначе?

Все вернуть.
Понять.
Начать.
Спасти.
Что ж так безутешно сердце плачет?
Улица Заречная,
Прости.

* * *

Бабушке

А я готова все сейчас отдать
За тусклый свет родимого окошка,
Где в чугушке горячая картошка,
За синей прялкой старенькая мать.
И легкое дыхание лампад
В углу святом
У радостных иконок.

И голос камыша,
Совсем незвонок,
Баюкает над речкой
Старый сад.
И босиком бессловно,
Наугад,
Глотая ветра встречную
Прохладу,
Сквозь золотые струны листопадов
По розовым лугам бежать назад.
Не веря ни разлуке,
Ни беде,
Уткнуться в мамин
Красочный передник
И с месяцем живым
Служить обедню
Задумчивой, растерянной
Звезде.

* * *

Перекрестки, лестницы, причалы.
И уже так близко холода.
Все опять с далекого начала.
Месяц золотым кусочком льда
В синее окно мое глядится
Из почти вселенской тишины.
Хочется с покоем долгим слиться,
Хочется до боли слов родных.
Звездных рек растерянные блески
Приглашают в лето утонуть.
Лестницы, причалы, перекрестки
Не дают сегодня мне уснуть.
И, когда под утро сном коротким
Я забудусь,
Скрипнет сонно дверь.
Поступью изменчивой и кроткой
Осень проскользнет, как мягкий зверь.

Ольга Николаевна Головнёва родилась в Липецке. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета, в настоящее время — аспирантка. Заняла второе место в конкурсе молодых поэтов Липецкой области, приуроченном ко дню рождения М.Ю. Лермонтова. Живет в Воронеже.

Ольга Головнёва

ДО ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ

* * *

В вечерний час вдвоем с сестрой,
С июльских трав сбивая росы,
Встречать мы бегали порой
Семью, уставшую с покоса.

Как славно было замирать,
Издалека услышав звоны,
И, кто быстрее, смеясь, считать
Товарняков лихих вагоны;

Потом гурьбою прямиком
Идти в распахнутую хату
И пить парное молоко
Под деда взглядом хитроватым...

Как много дней прошло не там,
Как много слов застыло горьких.
Приходим к милым старикам
Лишь в тихий праздник Красной Горки...

И каждый раз, как будто спишь,
Не веришь времени упрямо,
Когда сестру смешной малыш
Встречает странным словом «мама».

И жить бы дальше, как живешь —
Не оглянувшись, проще, тише...
Да только снова глупый дождь
Товарняком стучит по крыше.

* * *

Сиреневый вечер звенел в приближении лета,
Весна в легком платье дышала закатным теплом.
Земля засыпала, дыханием майским согрета,
Туман по долинам стелился парным молоком.

И ночь приближалась, по просекам тихо ступая,
Рукой сине-звездной касаясь уставшей земли.
И в ласковой ночи тонули владения мая,
В спокойствии светлом до утренней нежась зари.

* * *

Он придет в тишине поздней ночи,
Время словно замедлит свой бег,
Сон ресницы смыкать не захочет,
Когда спустится царственно снег.

Самый первый, торжественный, чистый,
Мир вокруг освящая собой,
Белый снег будет мягко кружиться,
Возвращая мятежным покой.

Но бесследно растает он утром,
Станут души людские тихи,
Своей гибелью светлой как будто
Он искупит чужие грехи.

* * *

Розовеет рассвет, словно яблока нежные щеки,
Заискрилась на озере солнечным блеском вода.
Тихой, доброй улыбкой ответил рыбак одинокий
На зарю, будто раньше не видел ее никогда.

В новорожденный день лица стали светлей и чудесней.
Так легко, что вдруг кажется: заново жизнь началась!
И смеется июль звонким эхом, ликующей песней,
Словно утром румяным любовь на земле родилась.

* * *

Теплый луч золотит косогор,
Занимается вечер багровый.
Возвращаются с луга во двор,
Отзываясь лениво, коровы.

Лишь мгновенье до первой звезды, —
Загадать бы желание, может...
Только сказочной трелью сады
Вновь чаруют и сердце тревожат.

Ничего не ушло без следа, —
Так же дышит деревня покоем.
Так же слышится мне, как тогда,
О «калине над синей рекою».

Спят покосы вдали на лугу,
Возвратились касатки под крыши.
И резвится на том берегу
Жеребенок отчаянно-рыжий.

Федор Николаевич Григорьев родился в 1962 году в селе Токаревка Тамбовской области. Окончил Воронежский медицинский институт. Врач, психиатр-нарколог. Автор двух поэтических сборников. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина, президент фонда русской словесности и культуры «Во славу Святых Бориса и Глеба». Член Союза писателей России. Живет в городе Борисоглебске Воронежской области.

Федор Григорьев

БЕРЕГА

К СЛОВУ

Колебался
Фонарь под ветром,
Колебалась
Водка в стакане,
Колебался
Дымок над пеплом
Папиросы, сжатой зубами.
Колебанье передавалось
Стойкам баров,
Телам за ними.
Даже море заколебалось
Колыхать крейсера в заливе!

Все вокруг ходуном ходило,
Содрогалась основ основа.
Прах, сокрытый в гробах,
Знобило.
Слово —
Выжило только слово.

Слово
Выстояло под ветром,
Слово
Высушило стаканы,
Слово
Вздудло огонь из пепла,
Разомкнуло времен капканы!

Мне хотелось,
Чтоб так и было.
Так случилось, что так и стало:

Закипело — и не остыло,
Жаль,
Что жизни
Чертовски мало!

ТРОИЦА

*Деду,
Федору Павловичу Григорьеву*

Злой декабрь. На экране крохотном —
Бесконечный идет балет.
Дед в слезах: «Без Климента — плохо нам...»
Помню точно, что мне — семь лет.

Ночью — снег, и наутро домик наш
Занесен под самый конек!
Проводов обрыв — до Тамбова аж;
Отдыхает школьный звонок...

На расчистку — мужицкой троицей:
Дед, отец и я, суетной:
«Ничего, Федюшок, отроемся,
Откопаемся, — не впервой!»

Так всегда: то Чернобыль вскроется,
То упадок сил мировой...
«Ничего, мужики, отроемся,
Откопаемся, — не впервой!»

Отдохнувшие ли, усталые, —
Покумекают головой,
И лопатую пятипалую,
То есть, попросту — пятерней,

Разгребут, забудят, отстроятся,
Вспашут зябь и засеют клин.
Хоть и грешная, все же — троица:
Рабы Божьи
Дед, и отец, и сын...

* * *

Какими словами мне выразить то, что знакомо
Мальчишке, идущему в жизнь по размытому следу:
Встречая рассвет на ступенях родимого дома,
Не чувствуя, — зная, что завтра отсюда уеду.

Районный автобус, пыля, заскрипит тормозами,
И, с модной клеенчатой сумкой и хрустким пакетом,

Еще раз украдкой встретившись с мамой глазами,
Устроюсь в проходе, коль не было с местом билета.

Сгоревшая церковь, и клуб с провалившейся кровлей,
Старушечьи руки и спящий, как ангел, младенец
Останутся там, за рекой, и в пугающей нови
Желанье вернуться мелькнет, но души не заденет...

СТАРУХА

Бормочет глухо
Да крестит рот.
Как жизнь, старуха,
Кто дома ждет?
В секунду твердо
Замрет клюка,
И голос гордо
Из-под платка:
«Бог дал, в порядке.
Сестра в Туве,
Дочь на Камчатке,
Сынок в Москве.
А мне и надо,
Чтоб хлеб у них
Был бел да сладок,
Как у других».

Пошла до хаты...
Там со стены
Глядят солдаты
Большой войны.
Там за трельяжем,
Где паутень,
Стопа бумажек —
На черный день...

* * *

Дорога к деревне моей перекрыта снегами.
Так станция «Полюс», забытая миром на льдине,
Без признаков жизни дрейфует между берегами.
А где они, те берега на безбрежной равнине?..

Что толку таращить глаза в ожидании чуда,
Сигнала от терпящих бедствие нет и не будет.
Устали они от пустого словесного блуда,
А им виртуозно владеют никчемные люди.

Одна только радость мне светом в морозном окошке:
В саду, где зимуют тимьян и лимонная мята,
Мой старенький дом стерегут две бывалые кошки,
А значит, в апреле у нас народятся котята...

* * *

Управились к Пасхе: над клубом,
Что властью был напрочь забыт,
Вознесся серебряный купол,
Простой оцинковкой обшит.

И стало светлее на свете,
Окончился век-бесприют.
Как куклы нарядные, дети
За мамкой к обедне идут.

Шепнула Наташкина сваха
(Не может без слухов прожить):
В игуменском чине монаха
В приход отрядили служить.

Церквушка — душа, не молельня,
Родное зерно проросло:
Вчера еще звались — деревня,
А утром проснулись — село.

Серега, что с давней подружкой
Страстную гулял напролет,
Червонец в железную кружку —
«На новую церкву!» — кладет...

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат...*

С. Орлов

Забыв бомбежки и пальбу,
В избе, в углу переднем,
Лежит солдат в простом гробу,
Известный и... последний.

Судьба давала имена:
Федот, Козьма, Ероха...
На кухне слезы льет страна
И в трауре эпоха.

А в головах, как перст — один,
Сошедший в мир с медали,
В лицо покойного глядит
Старик. Верховный. Сталин.

Вставай, солдат! Солдат, в ружье!
Последних — не хоронят:

Мы имя высвятим твое
В небесном Пантеоне!

Открыл глаза и встал солдат —
Егор, Демьян, Митроха...
И с ним плечо в плечо стоят
Судьба. Страна. Эпоха.

* * *

Уходит вода, но за ней не уходит Россия,
И даже в золе за зерном прорастает зерно.
Проси невозможного, мама, но только прости нам
Безбожные годы, — так было, видать, суждено.

Мы — массы, мы помним эпохи по собственным стонам,
По вбитым в голодные ребра фамильным перстням.
Так помнит ковыль поименно душителее Дона,
Так помнит пшеница Голгофу тамбовских крестьян!

Нас новое время сечет по хребтам батогами, —
Очнись от бездонного сна, господин и слуга:
Нам нужен не мост, чтоб на Пасху дружить берегами,
А братские руки, чтоб крепче связать берега...

* * *

Е.А. Исаеву

О человеческом, о главном,
О том, что надо напрямик
Идти по жизни русской правдой, —
Мне говорил седой старик.

Как молодого первогодка
На необъявленной войне
Учил меня: прямой наводкой
Ты бей по вражеской броне!

Всего лишь час мы были вместе,
Вела меня его рука.
Он сам был чистой русской песней,
Той, что горька и широка.

И я, поверив ветерану,
Как верят лишь призывники,
Ушел в холодный спозаранок
По бездорожью, напрямки...

Николай Петрович Долинский родился в 1954 году в селе Евстратовка Россошанского района Воронежской области. Окончил Борисоглебский сельскохозяйственный техникум. Работал механиком, художественным руководителем Дома культуры, псаломщиком в церкви. Публиковался в региональной периодической печати, коллективных сборниках. Автор книги стихов «Пусть говорят, что нет уже чудес». Живет в селе Старая Калитва Россошанского района Воронежской области.

Николай Долинский

РЕЧНЫЕ ОСТРОВА

ХОЗЯЙКА

Квартира с видом на сосновый бор,
Он хорошо заметен из окна!
В квартире нету шума, нету ссор —
Хозяйка в ней живет совсем одна.

Но гости все ж бывают иногда,
Проходят в зал, в прихожей сняв пальто.
И с виду — пьянь, и с виду — господа,
Но это все не то, совсем не то.

Хозяйка молча подошла к окну,
Какой у времени неторопливый бег...
Ведь ей давно так хочется весну,
А на сосновых лапах — белый снег.

Где ж ты, весна? Скорей к ней поспеши!
Чтоб зазвенела радостно капель,
Чтоб захотелось ей от сердца, от души
И стол накрыть, и постелить постель.

Поцеловать, прижаться и обнять...
Но в лунном свете за ночным окном
Все продолжал холодный снег сиять,
Сосновый бор усыпав серебром.

СТРАННИК

Над речкою туман прилег с утра,
Под солнцем он прозрачен стал и светел.
Сижу я у потухшего костра
И ворошу остывший серый пепел.

Я не надеюсь что-то в нем найти.
Все, что могло, сгорело понемногу.
Осталось лишь подняться и уйти, —
Уже давно пора мне в путь-дорогу.
Хочу я встретить то, о чем мечтал,
В пути грядущем, на дорогах новых...
И в этот миг вдруг ясно услышал,
Как соловей запел в кустах терновых.
Ловлю я смысл его певучих фраз,
И пусть мне плечи придавили годы, —
Я слушаю его, как в первый раз,
Певца любви, надежды и свободы.
И если я, усталый, упаду,
И ночь меня прохладой овеет,
Тогда костер я новый разведу
И он своим теплом меня согреет.
Когда дойду туда, где меня ждут,
Охватит вдруг приятное волненье —
Душа моя почувствует уют,
А губы — твоих губ прикосновенье.

ПЛОВЕЦ

В потемневшей воде звезды гасят свой блеск,
У костра собрались рыбаки.
И в ночной тишине ясно слышится всплеск,
То пловец посредине реки...
И доносится вслед: мол, куда ты, стой!
Но обратно грести неохота...
Правый берег красивый, но больно крутой,
Ну а слева — камыш да болота.
Говорили ему, что нельзя уплывать.
Опрометчиво это решение.
Если к берегу вновь ты захочешь пристать,
Не позволит вернуться течение.
Он чуть-чуть постоял и к обрыву шагнул,
Знать, имел он на это причину.
Ничего не сказал, лишь рукою махнул,
Прямо с берега прыгнув в пучину.
И течение пловца вдаль куда-то несет,
И назад нету хода ему.
Где он выйдет на берег, где пристань найдет
Неизвестно пока никому.
Мимо спящих в тумане речных островов
Прямоком по глубокой стремнине
Очень многие плыли меж двух берегов,
Ну а кто-то плывет и поныне...

Елена Ивановна Ермина родилась в рабочем поселке Елань-Коленовский Новохоперского района Воронежской области. Окончила факультет иностранных языков Воронежского государственного педагогического института. Работала переводчиком, журналистом, преподавателем. Кандидат педагогических наук. В настоящее время заведует кафедрой иностранных языков в вузе. Автор книги стихотворений «Горький воздух», публикаций в журналах «Подъём», «Волга», «Молодая гвардия». Живет в Воронеже.

Елена Ермина

ГОРИТ ОСЕННЯЯ ЗАРЯ

В ПУТИ

1

Дорога всегда нелегка,
Когда она боль и работа —
Ее пропитали века
Полынью, слезами и потом.

Но солнца золотое кольцо
Горит вдохновенно и строго,
И пыльное гладят лицо
Крылатые внуки Стрибога.

Иди неотступно вперед,
Считая за вехою веху
И слыша, как сердце поет
Навстречу высокому эху.

А если, тоской теребя,
Минутная слабость остудит,
Ты вспомни, как шли до тебя,
И сил ощутимо прибудет.

2

Плещется пламя, как песня,
Жгуче и трепетно — всласть.
Алая веточка треснет,
Прежде чем в пепел упасть.

А за плечами моими
Дышит прерывисто тьма
И окликает по имени,
Будто эпоха сама.

Вот отдохну я и снова
Двинусь туда, где простер
Огненно-ясное слово
Чей-то высокий костер.

Где под созвездием низким
Лунною пахнет рекой...
Светлое кажется близким,
Только идти далеко.

ДЕНЬ И НОЧЬ

1

Там, где рассвет, осторожный и росный,
Влажно и холодно гладил травинки,
Солнце сверкает сквозь рослые сосны,
Теплые тени легли на тропинки.

И отвечает на яркие блики
Встречных полянок веселье живое
Красными капельками земляники,
Желто-зеленой волной зверобоя.

Три пополудни. Такая истома,
Будто уже ничего не случится,
Будто из древнего-древнего тома,
Благоуханна, раскрыта страница.

2

А в ночь — гроза. И ветер отпоет.
И небосвод раздвинется могуче:
Над черным лесом молния рванет
Слепые фиолетовые тучи.
И тьма срастется — будто навсегда.
И хлынет дождь в отравленные реки.
Беспомощно затихнут города,
Сливая в лужи скорбь о человеке.

* * *

Однажды приду. И уйду поскорее.
Мы оба погасли? Не стоит жалеть?..
Ты вслед мне посмотришь. Я буду мудрее,
Чем раньше: и я оглянусь посмотреть.

И ветер, за мной закрывая калитку,
Невесело волосы бросит в глаза.
И к левой щеке паутинную нитку
Приклеит, прилепит, присушит слеза.

* * *

Горит осенняя заря...
Вдыхаю, одолев невзгоды,
Прохладный воздух октября —
Так в сказке пьют живую воду.

Хочу забить пустой искус
Того, что изводило прежде,
И горький, горький, горький вкус
Перестоявшейся надежды.

И в жизни спутанной моей —
Сквозь расставания и слезы —
Слепящий холод тополей
Уже слабей, чем свет березы.

Поскольку дальше буду жить,
Ко мне вернется, может статься,
Свобода помнить и любить,
Свобода петь и улыбаться.

* * *

Смятенный век одежду палачей
Вручал, не глядя, всем, кто облачался.
И стала жизнь ненужной и ничьей.
И мир, как шар на нитке, закачался...

Под взмах повелевающей руки
Из медных труб летят визгливо ноты,
И поднимают небо на штыки
Обугленные ненавистью роты.

И эскадроны, пашки наголо,
Оскалившись, вращаются друг в друге.
И кровь дымит над ядрами голов,
Пока сердца не лопнут от натуги.

В тупом припадке бьется пулемет.
В небытие людей уносят кони...
Ну кто потом все бешенство поймет?
Какой историк прошлое догонит?

Жесток и ослепителен был сплав.
И время сжато яростью и страстью,
И входит в память, нас не разорвав,
Но и себя не дав разъять на части.

ОСЕНЬЮ

А сады почернели...
Такая палитра скупая,
Будто на акварели
Рисунок пером проступает.

Так обуглилось все,
Обнажились движений пружины...
Только пылью несет
От летящей на ветер машины.

* * *

Название пахнет липами.
Деревня на берегу.
Душа-то какая липкая —
Отклеиться не могу.

И помнить как будто нечего:
Шатания по селу,
Холодным осенним вечером
Единственный поцелуй...

Тогда почему случается —
Ну вот тебе тишь да гладь! —
Вдруг так заболеть, замаяться:
Поехать бы, повидать?

БАЛААМ

Много дивных на Родине мест.
И путей обозначено много,
Над которыми светится крест
Православного русского Бога. —

И часовенка в дальних лесах,
И степная дорога до храма,
И святая обитель в горах,
И духовная твердь Валаама.

Здесь и ели, и сосны выросли
В эти камни — как будто от века.
И желаннее нету земли
Для спасенья души человека.

Здесь и храмы, природе сродни,
Тишиной благодатной залиты.
Здесь проходят и ночи, и дни
В непрестанной сердечной молитве.

И высокий восторг звонарей
Устремляется к Господу прямо.
И сияет апостол Андрей
В поднебесных скитах Валаама.

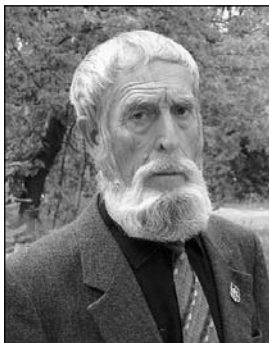
Здесь минуты как вечность идут,
Обретаются доля иная...
Две России здесь рядом живут,
Сотворяясь в небесной — земная.

И на грани великих Россий,
Согревая отеческим взором,
Все стоит патриарх Алексий
В небесах над любимым собором.

Он ведет и напутствует нас,
Укрепляя свободой и верой.
И страданье, и радости час
Отмеряются истинной мерой.

И легко утончается плоть,
Поднимаясь в небесные дали.
Это чистит нам душу Господь —
Глубоко, до ответных рыданий.

И отсюда уже не уйти
Без Любви, без России, без Бога.
И таинственны наши пути.
И единственна наша дорога.

Василий Павлович Жилев родился в 1932 году в селе Гороховка Новокалитвенского (ныне Верхнемамонского) района. Окончил Воронежский педагогический институт. Сорок лет проработал учителем. Публиковался в журналах «Подъём», «Содружество», «Московский вестник», «Роман-журнал XXI век». Автор книги «Донское Белогорье». Член Союза писателей России. Живет в селе Новая Калитва Россошанского района Воронежской области.

Василий Жилев

ЧТОБЫ СВЕТОМ НАПОЛНИЛАСЬ ПАМЯТЬ

НА ТОМ БЕРЕГУ

Тихая, светлая родина.
Где ты? — На том берегу.
Жизнь моя все пройдена.
Вся голова в снегу.

Сколько о том рассказано!
Там мое детство, там.
Сердце навек привязано
К тем золотым летам.

Там, где, не сдвинув брови,
Ждут голубой рассвет.
Там, где солнце в коровник
Цедит сквозь щели свет.

Там, где журчит в подойник
Теплое молоко.
Там, где пасутся кони,
Где на душе легко.

Там, где родные лица,
Говор не режет слух.
Там, где к твоим ресницам
Льнет тополиный пух.

Помню смуглянку в белом.
Помню девчонку ту...

Мне ли смуглянка пела
На жердевом мосту?

Где же ты, прежняя родина?
Вот и на том берегу
Все сокровенное продано
Алчному, злему врагу.

Выгорел неба ситец.
Трудно живет село.
В гости иду, проститься.
Судорогой рот свело.

Род мой славянский вымер.
Встречусь ли ныне с кем?
Чье прочитаю имя
На именной доске?

Избы на ладан дышат.
Где он, старинный лад?
Храм без креста и крыши.
Бывший колхозный склад.

Люди дошли до ручки,
Многие пьют с тоски.
В поле — полынь, колючки,
Ветер, жара, пески.

Тот, кто ломал подковы,
Где он теперь? Бог весть...
Тот, кто к земле прикован,
Здесь доживает, здесь.

ИСХОД

В чернолесье, без троп,
В заколдованном сумрачном царстве,
Среди прелой листвы
И бескрайних низинных болот,
Испытав на себе
Беспредел и земные мытарства,
Брел, не зная куда,
Отступивший от Бога народ.

Как во всякой толпе,
Где соседствуют конный и пеший,
Был неясен исход,
Было множество разных идей.
Исподлобья глядел
Царь лесной — озабоченный леший —
И по кругу водил
Заплутавших в трущобе людей.

Кто-то крикнуть успел.
Угодивши в крутую трясину,
Чей размеренный шаг
Был вначале и прям, и упруг.
Кто-то в сильном бреде
Тонкоствольную видел осину.
И над ней, в синеве —
Ослепительный солнечный круг.

А еще далеко —
С переливами море пшеницы.
И большое село,
Где малиновый звон по утрам.
И красивых людей
Со славянскими светлыми лицами,
Отворяющих дверь
В златоверхий спасительный храм.

ИСТОЧНИК

В грибную октябрьскую пору,
В далеком сосновом заречье,
Следы в перекрест косогору, —
Кабаньи и человечьи.
Оранжевый дым тонкостволья.
Смолистая свежесть. Прохлада.
В истоках земного приволья —
Взаимность высокого лада.
Хронометром чуткого сердца
Отмечено время в дороге.
О нет, не с душой иноверца
Иду к милосердному Богу.
В раскладах печатного хлама
Мне выдали редкую книгу.
Напомнили: «Пуще зеницы
Храни золотые страницы!
Служи мимолетному мигу
Под сводами Вечного Храма».
Но мудрость заплечною ношей
И в зное, и зимней порошей
Трепал, ни на что не взирая,
Под небом свинцовым и синим
От белых часовен России
До пагод буддийского рая.
Иссякло мое многострочье,
Рулоном скрутилась бумага.
И вдруг — сокровенный источник,
Где воздух пьянит, но не брага.
Чистейший и терпкий напиток
Не та круговая сивуха,

Когда сатанинский избыток
Лишает и зренья, и слуха.
Прилягу на жесткую хвою,
Устало прикрою ресницы.
И время взмахнет надо мною
Крылом обессиленной птицы.

НАД ДОНСКИМ БЕЛОГОРЬЕМ

Боже мой! Эти лунные тени
В переулке, на нашем пути...
Среди новых добротных строений
Тех, старинных, теперь не найти.

Досиня побеленные мелом,
В древних шапках соломенных крыш,
Прижимались избушки несмело
К тем сараям, где спряталась тишь.

Под плетнями дежурили кошки,
Точно совы, луну сторожа.
Где-то всхлипы далекой гармошки
Уплывали, в аккордах дрожа.

Те тропинки, что были короче,
Будто сделались уже, длинней.
Мы любили бродить в эти ночи
Среди звездных и лунных огней.

Чтобы светом наполнилась память,
Мы на землю ложились ничком
Средь ромашек, в июльскую замять,
Под звенящие трели сверчков.

Мы теряли из виду друг друга.
Нас по-волчьи преследовал рок.
Нас кружила смертельная вьюга
По кривью, по изломью дорог.

Сколько душ унесла в Запределье!
Мне подкинула снег на виски.
Нет, не маюсь, не мучусь бездельем
На правах пенсионной тоски.

По привычке седлаю Пегаса
Из отпущенных Господом сил,
Чтоб меня до закатного часа
В царство памяти конь уносил.

Невесомую голову вздыбив,
Сквозь забвенье и суетный быт —

В край, где солнце серебряной зыбью
Подкует полукружья копыт.

В край, где живо заветное слово
И поставлена в храме свеча,
Где раздольные песни Кольцова
Над задумчивым Доном звучат.

Там в есенинской взвихренной кепи,
Над донским белогорьем кружа,
Опрокинусь в кольцовские степи,
В чабрецовый полуденный жар.

Станет мир ослепительно синим.
Будет в поле торжественный гуд.
Обрету уголочек России,
Что в народе погостом зовут.

Среди пыльных акаций и кленов,
Средь надгробий и ржавых оград,
Подчиняясь великим Законам,
Лягу вровень с ушедшими, в ряд.

СРЕДИ ВЕЧНЫХ СЕЛЕНИЙ

Жить да жить в нашем яростном мире,
Почитая молитву за труд.
Только в роще, как в голой квартире,
Вдруг качнешься на стылом ветру.

Вдруг накатит горячей волною,
И земля, как волчок, — из-под ног.
И почувствуешь нечто спиною,
Что глазами увидеть не смог...

Берег палым листом припорошен.
В глубине — будто проблески рыб.
Машет гривой каурая лошадь
С меловой крутолобой горы.

Чья-то странная лошадь над Доном
Мне встречается в яви не раз.
И размеренным, грустным поклоном
Приближает назначенный час...

На корме опрокинутой лодки
Я присяду, коль станет невмочь.
Белый сумрак в душе моей соткан.
Не понять — то ли день, то ли ночь.

В зеркалах проплывающих льдинок
Млеют отсветы розовых круч.
В поднебесье, в венце триедином,
Догорает негреющий луч.

Предвечерние зыбкие тени,
Словно змеи, ползут на восток.
Знаю, брат, среди вечных селений
Не прочтешь этих искренних строк.

Так, в юдоли земной, успокоясь,
«До свидания!» — крикну тебе,
Прикоснувшись небритой щекою
К заповедной скрипящей вербе.

Александр Викторович Зайцев родился в 1988 году в селе Нижнедевицк Воронежской области. Окончил естественно-географический факультет Воронежского государственного педагогического университета. Работал менеджером в различных воронежских бизнес-структурах. Публиковался в журнале «Подъём», коллективных сборниках. Автор книги стихотворений «Ведро дождя». Живет в Воронеже.

Александр Зайцев

БУСИНКА

* * *

И чего искать в этом зареве,
Если брешь и плешь ходят около?
Ледяные губы слюнявили
Папироски тлеющий окорок.

Баннный день в аду — это завтра нам,
У меня весна как рука висит.
Скоро снег зашьет-залатает рвань
Из негодных лат и холодных плит.

Почерк сбивчивый — по пенькам бежал,
Через речку вброд — ледаколище,
А когда на сердце лежит печаль —
Ближе капище, но не поприще.

Мне б испить воды — да огонь кругом,
Каждый выдох — словно Рифей¹ обвал.
Говорят, что счастье в краю другом,
И кузнец его не по мне ковал.

Ближе взгляда темный небес оскал,
И забава птицам — звезду клевать.
Мать щедра к младенцу, но без соска
И младенец жрет ледяную мать.

Ведь иную медь не разрубит сталь,
На четыре правды вранье одно ж...

¹ Р и ф е и — от латинского Rhiphael montes — Рифейские горы, так ряд античных ученых называли Урал.

Снег на лбу и веках, дружочек стай,
Я хочу любви заглянуть под нож...

Твоих губ отраву испить,
А потом — беда-не беда,
Из клубочка-сердца вся нить
В забытья чертог завела.

Мел щеки, змеиный бросок волос
Под ударом ветра — шальной стрелы..
Я корнями в боль, словно зубы врос
И твои кнуты, как пирог милы.

Когда все мечты в погребях истлели,
Замерзает плевок, рта не покинув,
И любовь сироткой стучится в двери,
Но пред нею гнутся любые выи.

Облака совьются устами в танце,
Свет внутри тем ярче, чем ночь темнее.
Я проснусь кольцом на любимом пальце,
И засну в руках, как с цветами веер...

* * *

Снежное крошево, вечное палево.
Ручки браслетят стрельцы государевы.
В радостях жизни — крупинки хорошего.
Вечное палево — снежное крошево.
Птицы последние. Небо пропащее.
Сил не хватает менять настоящее.
В боль собираю мгновенья соседние.
Небо пропащее. Птицы последние.

* * *

Слово новое, морозное, жемчужное.
Если поймано единожды — не бейся ты.
Я искал тебя за реками и стужами,
Чтоб в твои тугие косы повплетать цветы.
Зачерпнуть из твоих ведер малой чарою,
Захлебнуться в забытье твоими лунами,
И нести тебя дороженьками старыми
Через время неприкаянное, мутное...

* * *

Я на север послал триодиннадцать душ,
Забросал чередой случайных огней.
Невеселые трубы играли мой туш,
Разноликие боги стелили постель...

По непройденным тропам струятся дожди...
Лишь вчера был живой, а сейчас — корм для крыс.
Все дороги в скатерку — по глади беги.
Все равно упадешь, словно дождь сверху вниз.
За иссинью ветров затухает заря,
Молодая листва отдается ветрам.
Бог проходит по душам, цветами соря,
Мы ступаем ногами по этим цветам...

* * *

Север выслал холодный ветер.
Новый год становится старым.
Настигает сегодня вечер,
Солнце запад багрянит шаром.
На снегу следы чьих-то лапок,
На ушах — лапша не остыла.
Мне опять приходится плакать
По хорошим этого мира.

* * *

Завесь мне глаза шторами облаков!
Полюблю... Молчи и старайся не дышать!
Когда рушится мир, мы вместе будем без слов
Гнutoй иглой поступков время в вечность сшивать.

Завяжи мне глаза лентой ярких дней!
Я люблю... Говори же, пожалуйста, не молчи!
И открой мне небо прекраснее и светлей,
Звезды ярче солнц, но не ярче нашей свечи.

Забери же глаза: мне они уже не нужны.
Я любил... ну и что... вероятно, кризис прошел.
Только горло жжет, и под сердцем — в локоть ножи,
А души осколки забрызгали серый пол.

* * *

Серебрил закат, золотил мосты,
Нес в ладонях свет — расплескался весь.
За его спиной по воде следы,
Но он знал — камнями встретят здесь.
Заплетал в слова переливы лун,
Раздаривши сердце, молил: люби!
Его тихо пели, но пары струн,
Как всегда, достаточно для петли...

* * *

А чего мне не печалиться
За глаза твои серебряные,
За недели эти медленные,
Что весною называются.
Прилетели птицы синие,
А дрозды и сойки вымерли,
И теперь в лесу предутреннем
Пылью листики припудрены.
В повилিকে безысходности
Пропаду во ржи над пропастью
За черемуховым праздником —
Дуракам и в мае маслено.
Медякам и в шапке боязно.
Быть мечтает гайка поездом.
Только рельсов не придумали,
И поэтому внутри болит.
Поливает-выворачивает,
Во все стороны раскачивают
Ожидания с надеждами
И страдания промежду них
Руки, скрученные памятью,
Головы бессонной маятник,
Да подаренная бусинка
На тесемочке на узенькой.

* * *

Наберу я голоса в рукава,
Понесу по Свету божьему.
За зарею с коромыслом краля шла,
Лада шла по росе — босы ноженьки.

Плакать, не найдя приют в горах,
Негоже, даже если дышать не влать.
Соберу я голоса в рукава...
За зарею к Боженке краля шла.

Утро мироточит, а ночь грешна.
Распустились звезды — цветы небес.
Зачерпни мне голоса в рукава...
Прошепчу я миру, что правда есть.

Дарья Валерьевна Зайчикова родилась в городе Воронеже. Окончила юридический факультет и факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Публиковалась в журналах «Подъём», «Бег», в «Литературной газете», интернет-изданиях, региональной периодике. Лауреат «Российского писателя» в номинации «Новое имя» за 2013 год. Живет в Воронеже.

Дарья Зайчикова

ДЕНЬ И ВЕЧЕР

КУБИК-РУБИК

...свет, как масло, срезанный для корок
серой хлебной плоти мостовых...
Утра медный тлеющий осколок
Теплится меж капель дождевых.

На душе, как на чулках, затыжка,
Тронешь — расплзется стон поддых.
Чуть дыша, иду с душой в обтяжку —
Виден каждый мускул, каждый блик.

...в два ряда стежки шагов знакомых...
Чуть видны на ткани мостовых.
Утра медный тлеющий осколок
Пепла горсть оставит мне от них.

Складывай себя, как кубик-рубик,
Сделай день — колечком на сучок.
Ты еще один порожний тюбик,
Потерявший смысла колпачок.

...утра сок до корки неба выжат —
Сышется лучистый спелый жмых.
Остается день, и вечер, иже
Долгий путь — из мертвых до живых.

КАК В ПРИБРЕЖНОМ ПЕСКЕ...

Мне по вкусу копать в словах, как в прибрежном песке,
Разбирать на частицы вселенную столь непохожих
Друг на друга молекул на чашей раскрытой руке,
Как по звездам читая в них явственно промысел Божий.

Я люблю отражаться во вздохе трепещущем вод,
Растворяться по капельке в них с каждым шагом заката.
Я боюсь, что когда-нибудь это тихонько уйдет,
Еще больше — что я не почувствую этой утраты.

Но заметен бег времени, кажется, лучше всего,
Когда там, где вчера надпись «книжный» вовеки и присно,
А сегодня — арбузы, бананы и много чего,
Штукатуркой осыпался в Лету кусок этой жизни.

ВСЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Все продолжается: лето, зима...
Грустно, так грустно... но не о чем плакать...
Жизнь наше прошлое туго вплела
В эти подъезды, деревья, дома,
В синего неба глубокую мякоть.

Медленно в небе плывут облака...
Вымостим улицы счастьем и грустью.
Не о чем плакать: ведь будет века
Помнить земля под следом башмака
Всю нашу жизнь — от истока до устья.

О ДЕЛЕНИИ НА ДВА

Почти неясно, чьи это слова
Слетают с губ моих, меня минуя.
Узлом свяжи пустые рукава,
Не дай мне стать такой, какой хочу я.

Весь помутнел сосуд из хрусталя,
И отраженье в нем уже другое.
Позволь делиться на саму себя,
Чтоб ноль в остатке. Множество пустое.

Но я делюсь по-прежнему на два.
Виню тебя,
не чувствуя утраты.
Любовь по умолчанию права.
А мы
по умолчанью
виноваты.

Николай Григорьевич Калинин родился в 1955 году в селе Краснофлотское Петропавловского района Воронежской области. Окончил Борисоглебское училище связи. Работал по профессии в Белгороде, Воронеже, районных центрах Воронежской области — Петропавловке и Павловске. Публиковался в журналах «Охотничьи просторы», «Подъём», «Молоко», региональных изданиях. Автор книги «Новый день». Лауреат региональных поэтических фестивалей. Живет в селе Елизаветовка Павловского района Воронежской области.

Николай Калинин

ШИПОВ ЛЕС

СПЕТЬ РОССИИ

Сергею Луценко

Голос твой окрепший — стих живучий —
Слышу сверху: «Ну-ка, дотянись!»
Я, конечно, мог бы взять покруче,
Но страшит подоблачная высь.

Спеть России — это ж сколько звона,
Сколько надо опыта и сил!
Я для песни на просторах Дона
Лишь взлететь у Бога попросил.

Я хотел бы, — если Он не против, —
Взяв перо, склонившись у листа,
В тихий час, когда душа в полете,
Навещать родимые места.

УТРО НА РЕКЕ

Ночная снята с берега охрана.
В лесном крыле означилась река.
И гладь воды под толщею тумана
Скорей потрогать тянется рука.

Здесь нет пока ничьих грехов свершенных.
Еще в затоне чавкает сазан —
Рыбак, в его повадках искушенный,
В густой траве затих, как партизан.

Прибрежный куст на пальчиках коротких
Повис в речной туманной бороде...

Случайный стук весла по борту лодки —
И рыба мелочь прыснула в воде.

Движеньем дня встревожена сорока.
След на траве — осыпана роса.
И рыжий хвост в расщелине далекой —
То солнца луч, а вовсе не лиса.

СОЛОВЕЙ

Продержись, дружок, еще навей,
Заглуши в поселке лай собачий...
Так уж он, чертенок соловей,
Хорошо орудует на даче.

Разогрей ты мне, приятель, кровь.
И друзья мои поспать привыкли.
В эту ночь (нет, я не про любовь!)
Погонять бы нам на мотоцикле.

И за руль, конечно, Павлик Бох
Сядет пусть.
Он водит очень лихо...
Где ты, соловей? — иль я оглох.
...Ай, да ночка!
Где ты, милый?
...Тихо.

ДВОЙНИК-ПОЭТ

Свет погас.
Темно и тихо в спальней.
Клонит в сон. Усталость, как броня.
Только снова этот ненормальный
За живое дергает меня.

Мысли вновь, ему противясь тщетно,
Разбрелись, блуждают в дебрях строк.
...Ускользнуть пытался незаметно,
Но ворчит жена — досталось в бок.

И рассвет — он рядом. Нет исхода.
Он ликует: «Выиграли бой.
Стих пленен...»
Идти ведь на работу
Не ему с разбитой головой.

Не его в припухших веках красных
В суматоху бросят — на аврал.

Цепким взглядом вынесут диагноз:
«Ты вчера, дружище, перебрал».

Пробегут глазами по «рецепту»,
И лекарство булькнет предо мной.
И не скрыть тогда, какую лепту
Внес в ночной словесный наш разбой.

«Сам хорош, — скажу, — ввязался в бучу
То пленяя всех, то прочь гоня.
Перебрал...
Но это — частный случай.
И никто не вылечит меня».

* * *

В свой дивный край мой друг меня зовет:
«Увидишь, — говорит, — взойдя на сопку,
Как необъятен здешний небосвод —
И как мир тесен на таежных тропках.

А красотой сравниться — нет мерил.
Мой край суров, но виды здесь покруче.
Любуясь, ты бы шапку заломил
Под сенью кедров стройных и могучих...»

Ну что ответить, как решить вопрос? —
Не видел гор в причудливом тумане,
Но горы меловые, что вразброс,
У нас, мой друг, и каждая — Саяны.

С кургана посмотреть — простор такой!..
Катись себе налево иль направо.
А в царстве дуба строгость и покой,
И вид у всех торжественный и бравый.

О, государев гордый Шипов лес,
Дуб Идеальный и грибные дали...
Поведай другу моему, как здесь
Твоим пером Историю писали.

Как флот Петра в ответ на вражью спесь
Был из твоей сколочен твердой плоти...
О, государев гордый Шипов лес!
Твой дуб, он — стержень на Российском флоте...

Пусть помнит друг: земля у нас одна,
Одна страна в предместьях самых разных.
Но порознь мы и, стало быть, она
Вдвойне любима и вдвойне прекрасна.

ПЛЕЧО К ПЛЕЧУ

*Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню
пали стяги Игоревы.*

«Слово о полку Игореве»

Плечо к плечу. Щиты курганом.
Вокруг не лес — вокруг стрелки.
Вокруг засел степняк поганый,
А в поле — Игоря полки!

...Минувшим днем над степью слепо
Плыл солнца диск. И клич звучал...
Я рядом шел и вдруг (нелепо!)
За знанья двойку получал.

Учили: «Груз программы школьной
Неси — и будет свет в пути».
А я их вел тропой окольной,
Чтоб так от гибели спасти.

...Теперь, как книга, жизнь раскрыта,
Но ко всему в ней нет ключей.
И где, о Русь, скажи, зарыто
Копье твоих бородачей?

Вокруг звенят событий звенья
И давних дней, и что вблизи...
Сомкнись, о Время! —
Нет забвенья
Святому долгу на Руси.

Подайся вспять, сожмись пружиной,
Как Дон-река, прогнись волной,
Чтоб в поредевший строй дружины
Я дотянуться смог рукой.

Для всех, кто жив, убит и ранен,
Скажу я князю:
— Вот, держи!
Я здесь. Я — русский. Мы — славяне.
Да крепнут наши рубежи!

* * *

С природой свой связи уклад.
В природе многое случалось:
Плодами небо застил сад,
Но даже листьев не осталось.

Октябрь вновь захлопнет дверь.
А там метель захороводит.
Но и такой масштаб потерь
Без сожаленья происходит.

И если надо, все бери
Ты у земли и небосвода.
А мне прощенье подари, —
Ведь так нас учит мать-Природа.

* * *

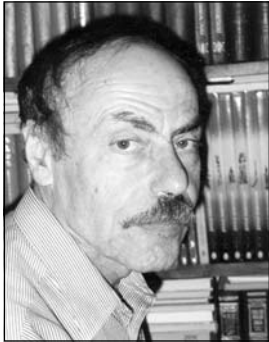
Годы, годы — все на снижке,
Как грибы висят.
Тот из детства — самый близкий.
Этот — шестьдесят.

Жил порядочно, без срама,
Правдой той, что есть.
Почитал отца и маму,
Родину и честь.

Если шел не в цель, а мимо,
В чем-то был не прав,
Кто-то строгий и незримый
Дергал за рукав.

Мне ли, ангел мой хранитель,
Большого желать?
Ты для груза выбрал нити
Прочные, под стать...

Всякий год хранил
и честно,
Бережно вел счет.
И на нити этой место,
Верю, есть еще...

Михаил Матвеевич Каменецкий родился в 1935 году в городе Смела Киевской области Украинской ССР. Окончил Харьковский авиационный институт. С 1959 года работал на Воронежском механическом заводе. Автор книг стихотворений «Вечные приметы», «Травяная струна», «След мимолетный» и других. Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

Михаил Каменецкий

ЗА ДАЛЬЮ ДОРОГ

СОЛОВЬИ

Та песня, которой Фатьянов
на фронте слова написал,
в тылу не сходила с баянов.
Напев ее души спасал.
Во тьме обветшалых бараков
ансамбль Александрова пел.
Вертелась пластинка и плакал
сход женский, что беды терпел,
с войны, на судьбу уповая,
ждал весточек, хоть пол-строки...
Им виделась передовая,
где спят на заре мужики.
За шаг — до бессмертья, до славы,
до «безвести», до лагерей...
Под спящими майские травы,
над ними звенел соловей.
Ах, птица, как трель твоя куца,
как сон, что сморил на росе...
Солдаты с Победой вернутся,
но только не каждый...
Не все...

* * *

Ты навеи, ты навеи, ветерок,
в эти строки, куда пою,
дух ромашки и мяты
и свежесть прозрачных глубин.

Донеси, донеси, ветерок,
ту заветную песню мою
до травинки до каждой,
чтоб знали, как я их любил.
Ты расправь, ты расправь, ветерок,
золотое заката крыло
над простором лесов,
над которым молчит небосвод.
Ты пойми, ты пойми, ветерок,
как ее покидать тяжело
эту милую землю, где Усманка-речка
течет.
Напои, напои, ветерок,
как живую водою, строку,
всем, что ведает Ведуга
и в Рамони играет гармонь.
И когда я иссякну, шепни,
чтоб легла под щеку
бесконечная, вечная
русского поля ладонь.

ПАМЯТИ ПОЭТА СЕРГЕЯ ОРЛОВА

С волнением небольшую книжку эту
открою и, забыв про все, прочту,
как будто в дом к любимому поэту
вдруг постучусь и не спеша войду.
И расплывутся строчек очертанья.
А на пороге встанет он, живой,
герой пропахших порохом преданий,
веселый парень с русской головой.
Мы допоздна с ним засидимся двое
у огонька неяркого в тиши.
Он мне, как другу верному откроет
заветное из глубины души.
Ночь озарится дальними кострами
в моторном реве, в скрежете брони.
Меня перезнакомит он с друзьями,
сам молод и отважен, как они.
И вспомнит грохот взрывов, чад тротила
и злую дробь осколков по броне,
и горестные братские могилы
в своих краях и в дальней стороне.
И все, что сердце ведает и разум,
не пропуская слов, ни одного,
из первых уст — не
по чужим рассказам,
услышу и пойму, чем я обязан
святому поколению его.

КАК СЛАДОК МОЙ КРАЙ...

В Смелянщине милой,
где вишни цвели,
где Тясмин сверкал
в берегах тополиных.
Меня напоила дыханьем
земли,
печалью и песней своей
Украина.
Пропахший колосьями
в зное полей,
украинский ветер
мне пел в колыбели,
украинский вечер
пронес до купели
на ласковых крыльях
своих журавлей.
И помнил всегда я:
за далью дорог
есть дом, где вовеки
не буду я лишним,
и сад, где в апреле —
цветущие вишни,
и верба, что наш
осеняет порог.
И даже шагнув
за последний рубеж.
Я радости воспоминанья
не скрою:
как сладок мой край,
как прохладен и свеж
притясминский ветер
рассветной порою.

* * *

В лучах заката голуби летели.
Не те ли, белокрылые, не те ли,
что в детстве не забывшемся, когда-то
кружились в небе над отцовской хатой.
Свеча луны горит на краснотале.
Не та ли, одинокая, не та ли,
что в юности, у самого начала,
тропинку нам с тобою освещала.
В груди займется сердце вдруг от боли.
Не то ли, молодецкое, не то ли,
что в синеву, крылатое, летело,
не ведая преграды и предела.

Подводит время мой итог чертою.
Не тою ли последнею, не тою,
за коей никогда тропа иная
нас не сведет с тобой, моя родная.

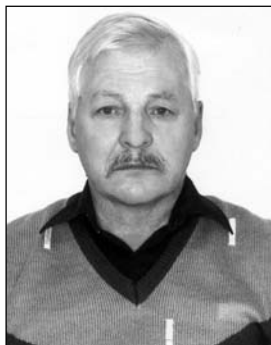
ПАМЯТИ НАШИХ МАТЕРЕЙ

Оплакала Россия похоронки
и вечно помнить их дала
наказ...
Суровых буден тыловых девчонки,
кто воспоеет и кто оплачет вас?
Страна вас, как солдат, тогда теряла,
невыполнимых средь ее потерь.
Вы ласковыми были матерями
Нам, пацанам, уже седым теперь.
В бараках сыновей вы не будили,
к своим станкам вставая до зари...
Вы замуж в двадцать лет повыходили
и вдовами остались в двадцать три.
Вы не дожили до победных маршей,
до наших свадеб, до своих внучат,
и числитесь сегодня среди павших,
с войны не возвратившихся солдат.
Без вас прошли все будни и застолья,
без ловких ваших рук и добрых глаз...
Порой и радость обернется болью,
и станет темным самый светлый час.
Лишь в памяти, всех наших дел
основой,
вы над забвеньем встали в полный рост.
Ваш долгий взгляд из детства
фронтового
неугасим, как свет далеких звезд.

ТОПОЛЬ

В шумном городе, не во поле,
где простора вольный дух,
отрубили ветки тополю,
чтоб не сеял белый пух.
Потрудились, отчекрыжили
аж до самого ствола,
как из тела душу выжили
и сожгли ее дотла.
Но над ветками спаленными,
не признав лихой удел,
вновь победными знаменами
листья к небу он воздел.

Грозовой нависнув тучею,
он кому-то застил свет...
И решили плоть могучую
до земли свести на нет.
Помня ствол исчетвертованный,
не признав лихой удел,
пень пророс ветвями новыми
и листвою зашелестел.
Словно в поединке выстрелил,
брызнув яростным огнем.
Но его канатом стиснули
и свалили хмурым днем.
Стерли пот, из сил повыбились...
И тогда из-под земли
вдруг литые корни вздыбились
и ветвями проросли.

Анатолий Иванович Кобзев (1945–2012) родился в городе Моршанске Тамбовской области. Окончил испанское отделение романо-германского факультета Воронежского государственного университета. Работал электриком в совхозе, учителем в сельской школе, преподавателем в вузе, переводчиком на Кубе и в Кампучии, заместителем главного врача больницы по экономическим вопросам, главным редактором многотиражной газеты. Автор четырех поэтических сборников, изданных в Воронеже и Москве.

Анатолий Кобзев

ПАЦАНЫ СОРОК ПЯТОГО ГОДА

* * *

Из какого мы времени родом?
И какую бедой рождены?
Пацаны сорок пятого года,
Недородные дети войны?
Нас еще до победных салютов
Материнских морей глубина
Укрывала от нехристей лютых,
Но и там находила война.
Мы хватнули что есть от эпохи.
Раньше времени стали мудрей.
Что с картофельной синей лепехи
Доставалось нам от матерей?
Обезумев от эвакуации,
От голодных ребяческих глаз,
Как могли они так не бояться,
Чтоб решиться на рвущихся нас?
Распузатившихся от рахита,
У вокзальных задавленных касс,
От нагрянувшего менингита
Сколько выжило маленьких нас?
После мая, казалось бы мирных,
В сорок пятом рожденных ребят,
Сколько нас подорвалось на минах,
На чужих и своих? Скорбный ряд
Ребятишек чахоточных вижу, —
Трубным кашлем на цыпочки встав,
С окон копать вагонную лижут.
Провозили их целый состав.
Ну а те, кто в концлагерных муках,
Не родившись, сгорели в печах?

Этих мальчиков рученьки-руки
В наших сильных раздалися плечах.
Ну а те, кто в глухой перспективе
Несведенных отцов-матерей
Ни в каком не остались активе?
Этот ряд всех длинней и страшней...
И такая вся наша порода.
Мы недаром на свет рождены,
Пацаны сорок пятого года,
Всенародные дети войны!

МАМА

Я скоро уже не увижу,
Как мама тихонько идет
Тропинкой к забору поближе
С утра поливать огород.
Подземною гулкой водою
Враскачку ведро норовит.
И платье на ней выходное.
До странного праздничный вид.
Ты что это, старая мама,
Как в гости куда собралась?
С порепанных пальцев смывала
Вчера огородную грязь.
Весенней веселой водою,
Осеннею грустной водой.
Ведь мама была молодой,
Какою была молодой!
Та с хлебом пустая кошелка,
Морозов тех черных литье,
Войны парашютного шелка
Венчальное платье ее.
Я все это заново вижу.
Поселок. Засушливый год.
Усталая мама за вишни
Ушла поливать огород.

КОЛОДЕЦ

Гремела цепь, и шлепалось ведро,
Расплескивая воду, шло обратно.
И женщина пружинила бедро,
Спокойное и мягкое сквозь платье.
Пронзительные пятна голубей
Полуденную оторопь взрывали.
Израненные пчелы умирали
В прохладной золотистой глубине.
Колодезные бухли этажи,
С краев цветущею деревянкой перло,

Как билось, руку к сердцу приложи,
Ключа засеребрившееся горло!
Колодец чистили под Троицу всегда.
Отца в крутую темень опускали.
С песком и глиной мутная вода
Шла на-гора тяжелыми рывками.
Колодец жил. Под вечер уставал.
Холоднячком к рассвету наполнялся,
Оглохший ключ луною баловался,
Ритмично накаляясь добеда.
Капли потаенной жесткий хруп.
С боков угрюмо рельсы выпирали.
С годами гнил, заваливался сруб,
Сначала его как-то поправляли...
Чугунную колонку во дворе
Поставил дядя Коля с сахзавода.
Окончена терпужная работа.
Ключей не слышен чудотворный бред.
Колодец ямой душною молчит.
От ямы той детей оберегают.
И люди, хоть кричи им, не кричи,
Теперь туда помой выливают.

* * *

Нацветовавшись, уходило лето.
Несло душистой пылью тишины.
И напоследок так игралось детям,
Что в играх забывались до луны.
Тягучие, расплавленные воды
Насквозь проголубели синевою.
Тянулись с сеном под вечер подводы.
Возы качало силой наливной.
И в платье, на прополке порыжевшем,
Ты собирала теплые цветы.
Любимейшая из любимых женщин,
Счастливая незнанием беды.
Сорвавшиеся скорые дожди
Пугали птиц на ветках бересклета.
Хорошая была на свете жизнь!
Нацветовавшись, уходило лето...

ОЛЬГА

Полжизни прожив понарошку,
Пройдя разводные суды
Я вез любимой на Отрожку
Полузамерзшие цветы.
Метался в путанице льдистой,
Калитки рвал в чужих дворах,

Искал я домик неказистый,
Завьюженный тараня мрак...
Она сидела и вязала —
В стекле морозном чуть видна.
Шатнувшись в форточку, сказала:
«Я вас впущу, я тут одна».
Ее глаза во мне плескались
Балтийской серой синевою,
Пробившейся в соленых скалах,
Тревожной северной травой.
Меня сносило в полуметре
Неудержимо, вскользь, вразброс —
Ее волнистым светлым ветром
С лица взлетающих волос.
Она подкидывала в печку
Горящий дымно уголек,
Укутывала зябко плечи
В пуховый материн платок.
И снова жизни я поверил.
Опять пришла ее пора.
Я подходил к скрипучей двери,
Я шел излучиной двора.
Она дворняжку отгоняла.
Руки шершавая звезда
Из меха черного сияла.
«Когда увидимся?» — «Всегда»,
Безумствуй, смертная отвага
Темно вскипающей крови!
Главенствуй, атомная тяга
Ошеломляющей любви!

* * *

Я эту женщину люблю,
Ее тревогу — быть со мною
Я жизнь теперь не тороплю
Такой короткою весною.
В продрогшем сереньком корытце
Стирает женщина белье...
Мне было б незачем родиться,
Когда бы не было ее.

Зоя Константиновна Колесникова (Покорная) родилась в селе Елизаветино Бутурлиновского района Воронежской области. Окончила исторический факультет Воронежского государственного педагогического института. В настоящее время заведует музеем Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Автор восьми сборников стихотворений, среди которых — «Для сонаты из снов», «Я жду весны», «У вечерней воды». Член Союза писателей России, директор Воронежского регионального отделения «Литературный Фонд России». Живет в Воронеже.

Зоя Колесникова

КОРАБЕЛЬНЫЕ СОСНЫ

* * *

Когда-нибудь в тебе воскреснет лето,
Как свет всеослепляющий во мгле,
И женщина, воспетая поэтом,
Пройдет по засыпающей Земле.
Но и тогда уже за гранью света,
Как струны, память тихо теребя,
Та женщина, любимая поэтом,
Однажды станет вечной для тебя.

* * *

Горестным ликом креста
День обрывается снова.
Словно сорвался с моста,
Падает так бестолково...
Падает брошенный день,
Падает невыносимо...
Как обгоревший плетень
Падает в прошлую зиму.

* * *

Как поздно пришло пониманье
твоей гениальности мне,
летающей в твоём мирозданье
по чьей-то великой вине.
И небо предвечное стынет —
одно из немногих небес
среди обозначенных линий,
где ты не пропал, не исчез.

* * *

День предосенний в мареве тумана.
Течет река, изгибами блестя.
И нет на свете фальши и обмана.
Наивен мир и весел, как дитя.
И плеск волны душе роднее,
чем жизнь, которая проста,
Но и сложна, и чем сложнее,
тем проще с чистого листа
начать неистово движенье,
дабы взойти, воспрячь, восстать.
И чудных дней ее круженье
как бы впервые принимать.

* * *

Мы почти что привыкли к российским высоким лесам —
там набухшие почки у тоненьких теплых осин...
Прошлогодний ковыль тянет венчики грез к небесам,
заполняя собой эту вечную млечную синь.

На исходе апрель. Подрастает подлесок. Нездешний
проникает сквозь явь неизбежный избыток весны.
В придорожном кафе остановимся, будем неспешны,
И отныне пойдем, как великие дали ясны!

* * *

Наверное, весна, коль вишня зацвела,
наверное, судьба, коль по ночам не спится...
А в ранние часы звонят колокола,
наверное, пора нам о душе молиться.

Мне снился дикий сад. Там тихо. Даже птицы
давно уж не поют, почувствовав разлад:
не надо повторять, что можно притвориться
и даже защититься, пусть без щита и лат.

Тебе сходить с ума, а мне заметно вянуть
среди людей чужих, среди холодных стен.
Шагнуть, чтоб не упасть. Мучительную память
вдвоем стереть с листа. И ничего — взамен.

* * *

У ветра весеннего запах особый,
здесь каждый листочек дает аромат:
весь мир воплотился в медовые соты
и возвеличился вновь во сто крат.

И город молчащий, звучащий, горчащий
вбирает высокие токи весны...
Сияющий чистый фонтан говорящий —
играющий символ воспетой страны.

И счастливы двое в его первовластье,
И это впервые за многие лета...
А ветер весенний не знает о счастье —
его возделает он в образе света.

* * *

Уходит лето в край полынный
и ветер треплет ставни грубо.
И тень сужается до линий,
там, где особый запах утра.
Рябит река. И теплый ветер
раскачивает деревья...
Нет замечательней на свете
тех дней, где всякие слова
не могут выразить значение
всего, чем мы живем и верим,
что этих чистых вод свечение —
как в рай распахнутые двери.

* * *

Первые приметы увяданья,
только небо — чистое, как лен...
Облако закрыло мирозданье
и прошел по свету долгий стон.

В этом мире все уже звучало...
Тополь серебристый у окна
был любви таинственным началом,
а теперь и суть ее видна.

В этом невзыскующем пространстве —
тихо и светло наверняка.
В нашем занебесном постоянстве
солнце, дождь и смертная тоска.

* * *

Корабельные сосны увидеть,
по осеннему лесу идти.
Никого из людей не обидеть, —
никого из зверья — на пути.

Где-то там, на восьмом километре,
Белый ангел средь белого дня,
размышляя о солнце и ветре,
бережет и жалеет меня.

Огорчит меня это участие, —
я коснусь его ангельских рук:
пусть узнают со мною о счастье
муж любимый и маленький внук.

* * *

Жизнь. Она бескрайняя была.
Солнце заходило к нам на крышу,
где сквозь нить протиснута игла,
где дорога вверх и даже выше.

Завтра, предпоследний сделав шаг,
кто-то очень мудрый отзовется,
нас не станет вечности лишать,
и вернет на небо наше солнце.

Алексей Алексеевич Колесниченко родился в 1995 году. Окончил лицей в поселке Рамонь Воронежской области. Публиковался в альманахах «День поэзии ВГУ», «Стихоборье-2011». Лауреат фестивалей «Рамонский родник», «Парус надежды», «Стихоборье». В настоящее время студент Высшей школы экономики. Живет в Москве.

Алексей Колесниченко

ГОРОД

* * *

На скамейке у заросшего погоста,
У часовни под иконой и зарницей
Городницкую тоску по благородству
Душит бродская мечта о загранице.

Хоть люблю места, откуда родом,
Где права на рост даны судьбою,
Все же манит сероглазый Лондон,
Будь хоть трижды Тауэр тюрьмою.

Там не сыщешь городецкий вензель,
Дождь идет, холодный и не братский,
Только нет нужды седую Темзу
Красить кровью площади Сенатской.

Не в ходу там ни рубли, ни гривны,
Да и Кембридж вам не Царскосельский,
Только там, где делит Землю Гринвич,
Не построят лагерь Соловецкий.

Караул у резиденций ставят,
Но не для охраны. Так, для фото...
И, хотя король на пьедестале,
Короля лишили эшафота.

Манит Лондон рыцарскою сказкой,
Манит Лондон, голоса Биг Беном,
Но звенит роднее — Петропавловск,
Держат дома дедушкины гены.

Ведь из детства помнит, верно, каждый:
Сколько волк ни ешь овсяной каши,
Где родиться довелось однажды,
Там и жить, и умирать не страшно!

НА РАССВЕТЕ

Если тебе повезло не спиться,
Если в окне догорает лето,
Если в четыре утра не спится, —
Можешь со мною встречать рассветы.

Думай обширнее — утро вместит.
Утро бросает дома и семьи.
Здесь все так странно. Что врозь, что вместе.
Хочешь на запад — идешь на север.
Розе ветров без шипов не больно,
Но лепестков не рождает новых.
Хочешь любви — получаешь бойню:
Есть пострадавшие — нет виновных.

Хочешь быть честным — умей быть вором.
Много ли толку от водки в ступе?
Если мечту обнесут забором,
Сколько процентов людей отступит?
Сколько у бога людей — рабов ли?
В нашем раю что ни снег, то сажа.
В строгом суде, что зовут любовью,
Нет адвокатов — полно присяжных.

Вдоль горизонта машины воют.
К нам, что ни лето, приходит домна.
— Кажется, солнце.
— Рассвет с тобою.
Можно идти под охрану комнат.

ГОРОД

Распрямляя крылья, мысли, ноги,
Сквозь финальный снежно-зимний сон
Я пойду по окружной дороге
В этот город — новый Вавилон.

Вдоль весны оторопелый звон:
Люди-капли, покидая норы (море),
Едут в город — новый Вавилон
И совсем немного от Гоморры.

Старый век плюется грязью в Дон.
На Дону, не защищен от ветра,
Виден город — новый Вавилон
И дорога в сорок тысяч метров...

Ей конец — у ста бетонных плит.
Ей начало — у природы лона.

Я вдыхаю воздух и гранит
У кирпичных башен Вавилона.

Это город без древесных крон,
Этот город — рай металлолома,
Этот город — новый Вавилон
И совсем немного от Содома.

Этот город — столкновение лиц,
Это город пробок и заборов.
В гнездах стаи вавилонских птиц,
Городское хищничество в норах.

Город страха или град-герой?
Город-книга или город-зона?
Вижу небо и советский строй
В проводах и шпалах Вавилона.

Этот град — хитросплетенье рек,
Где граница берега условна.
Этот город — новый Человек
И совсем чуть-чуть от Вавилона.

* * *

Ранний апрель — инкарнация осени:
Перерождается тихо и вкрадчиво.
Цвет глинозема с нетающей проседью,
Грязь на дороге, ведущей до дачного
Мелкого рая. Заборные хлопоты,
Двери на петлях скрипят (проржавевшие),
Немноголюдно, и как-то безропотно
Щурятся окна сквозь ставни несвежие.

Стаял февраль. Длился до неприличного
Долго: два месяца прозой классической.
Север цыпленком из плена яичного
Вылез из снега на свет — электрический.
Реки наглеют: границы потеряны,
Но, понимая весенние чаяния,
Падают с душ глыбы льда и уверенно
Тают, стекаются в море печатное:

В море рифмованных слов многогранное,
В тучи стихов в ожидании шторма.
В небе луна. Небо звездами ранено,
Небо из раны течет в мои шторы,
Шторы хранят подоконник и ставни,
Ставни выходят на крышу соседскую.
Выколи глаз! — впору дворники ставить:
В окнах туман, как на нарах подследственный —

Тих и угрюм. Не проснуться к полуночи,
Не выходить на крыльцо через заднюю,
Не проходить мимо винных и булочных
Сквозь переулки безлюдно-безладные,
Не убивать любовь рациональностью,
Не собирать сентименты и оспины, —
Надо быть радостным. Внешнею радостью.
Только весна — инкарнация осени.

* * *

Спокойной ночи, Русь. Разрушены посты,
Горит периметр границы — чтобы греться.
Через огонь прут саранчой переселенцы,
Наводят мирной оккупации мосты.

Спокойной ночи, Русь. Бояре и князья,
Набравшись духа, дружно предали законы.
Лишая подданных моральной обороны,
Их мирной бомбой превращают в обезьян.

Спокойна ночь. Но беспокоен сон.
В бреду свободных СМИ ей что-то снится...
Быть может, Лев с Драконом захотят сцепиться
И узким глазом наблюдают сквозь кордон?

Спокойной ночи, Русь. Ее потенциал
Дрожит от страха перед бомбой без заряда.
Хватает одного лишь брошенного взгляда,
Чтоб разобраться, что за зверь ее создал.

Спокойной ночи, Русь. Ее хотят забыть.
Свобода вырастила темпы деградации,
И ее род забылся в сне разврата нации, —
Нас с детства учат только по течению плыть.

Спокойной ночи, Русь. Мы слышим этот стон:
Ее душа за нас болит и сердце бьется...
Но мы уверены: когда она проснется,
Забудет все, что было, как кошмарный сон.

* * *

Давно, шесть тысяч лет назад,
Еврей первый раз запели
О том, кто свой Эдемский сад
И мир придумал за неделю,
Научных вопреки идей
Зверей и птиц создал несметно
А также парочку людей
(Двух белых — неполиткорректно!).

А дальше начался бедлам
До самого Христова хлева...
Не грыз бы яблоки Адам —
Нашли б ему другую Еву!
(Хотя, раз Бога прогневил
До высших степеней, наверно,
Не просто яблоки любил,
А продавал мешками неграм).

Да, вышло так... И вот уже
Шесть тысяч лет под небом стоны.
Нанял бы, Боже, сторожей
И баб пооставлял бы дома,
Чтоб неповадно было впредь
(Поняв где розги, а где пряник)
Под райской яблоней сидеть
И флиртовать с ползучей дрянью!

Из-за одной какой-то твари
Делись теперь на рай и ад...
Закреть бы на ночь бестиарий
Да ворота в Эдемский сад!
...Был змей умен, хитер и лих,
Плоды манили из-под кроны...
Отнял бы яблоки у них
И подарил бы им гормоны!

* * *

В тот день, когда зима доела грязь,
Ссыпая пепел, дым домов курила,
С экранов чем-то липким льстила власть,
Страна пила, веселием бурлила,

Впервые видел кто-то небосвод,
А чей-то пульс расплылся в длинной строчке,
Земля вступила в новый хоровод
Вокруг одной огромной рыжей точки.

О да! полна знамением пора,
Хотя все те же фонари, витрины,
Кому-то жизнь — театр, кому — игра,
А мне — одна застывшая картина.

Да что уж там! Одна сплошная мгла
Да те же стрелки с тем же сонным бегом.
Когда-то здесь подняли новый флаг,
Теперь — законсервировали снегом.

Что Новый год? Один зеленый куст,
Какой цветной, такой же и бесцельный.

В карманах руки. Под ногами хруст.
В затылок, в спину чей-то взгляд. Прицельный.

Век ожидают праздничной среды.
День пятый — снова все утонет в водке.
Прошел десятый. Сохранят следы —
Статистика и новостные сводки.

Прошел декабрь. И многие прошли.
Ни отдохнуть, ни выспаться... Куда там!
Лишь сплетни вслух кружат вокруг земли
Да ледяная на экранах дата.

Пройдем и мы. Когда-то все пройдет.
Материя — обман. Но что за нею?
Глядится небо в белый гололед
Да фонари, витрины каменеют.

Виктор Владимирович Колесниченко родился в 1948 году в селе Покровка Приморского края. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Работал в строительных организациях, сфере народного образования, преподавал в Центрально-Африканской Республике. Публиковался в региональной периодике, в коллективных сборниках и альманахах. Сочетатель книги стихов «Есть два крыла, два смысла, два пути» (совместно с Еленой Матросовой). Лауреат региональных поэтических конкурсов, фестивалей авторской песни. Живет в Воронеже.

Виктор Колесниченко

ТАМ, ГДЕ ЦВЕЛ НЕЗАБУДКОЙ ЗЕНИТ

* * *

Мир ловил, не поймал. Да и плюнул.
И не нужен я больше ему.
Это прежде и легким и юным
Я ступал в непроглядную тьму.

А теперь, когда козыри биты,
Выхожу на открытый простор,
И ни эха не надо, ни битвы.
Самый тихий у нас разговор.

ДОРОГА

Те, кто был от меня
на судьбу впереди,
Кто дорогу торил,
чьи маячили спины,
Постепенно в туман,
за черту, уходил,
Оставляя дорогу пустынной.
По обочинам пыль
и присохший бурьян.
Возле глаз горизонта полоска.
Бесконечный простор,
от которого пьян.
И присыпанный след,
чуть заметный,
отцовский.

* * *

Липы над темною речкою.
Красный застывший закат.
Под отплавшею свечкою
Плотно наплывы висят.

Облачной твердью нетающей
В край, где светло и покой,
Плыть бы да плыть затихающей
Теплой молочной рекой.

* * *

То моросит, то потянуло дымом,
То вдруг промочит бешеным дождем.
Какое счастье с нами рядом было,
Когда мы и не ведали о нем.

То ветрено, то знойно, то дождливо,
А то гроза вдруг полыхнет огнем.
Такое счастье бьется в наших жилах,
Что и не надо думать об ином.

Смеркается. Туманы по низинам.
Прощаемся осенним хмурым днем.
Какое счастье в наших долгих зимах!
О, только б жить, не думая о нем...

* * *

Стоял июль. Гудело лето,
Как печка. Пчелы. Синева.
И жизнь сполна была одета
В нарядное, в цветы, в слова.

И это было не одеждой,
Не кожей даже, а нутром
Большой и обжитой надежды,
Уже назначенной на слом.

* * *

Еще деньки как будто светлые.
А по оврагам иней лег.
Речная даль рябит под ветрами.
И под ногой хрустит ледок.

Еще ручей триндит простуженно.
А заводь сплошь застеклена.
И стекло крошево над лужами.
И, как свинцовая, волна.

И лес сквозит, уже без листика,
Уже без птичьей суеты.
И даль светла. И снова пристально
В нее, пустую, смотришь ты.

ДЕТИ, БЕГУЩИЕ ОТ ГРОЗЫ

Картинка в истрепанной книжке
Из давних негаснущих дней:
Бегут от грозы ребятишки,
А молнии блеск все страшней.

Такое случилось на свете
Со мной и страной моей!
Бегущие в ужасе дети
Несутся быстрее и быстрее.

* * *

Жизнь не сложилась, и уже едва ли
Ей вымолить удачу повезёт.
Кого-то в церкви долго отпевали.
Она ждала. Крестилась. Весь приход
Заполнен был. А ей хотелось
Побыть в тиши, побыть наедине
С тем, кто её измученное тело
Спасти бы мог. На сумрачной стене
Заката луч блеснул как обещанье.
И стало легче. И не ей одной.
Как будто жизни приоткрылась тайна,
Чтоб даровать спасенье и покой.
Брела домой, стараясь не встречаться
Ни с кем глазами и в душе храня
Тот чистый миг надежды и участия
На склоне обезболенного дня.

* * *

Леса стоят заснежены, угрюмы.
Застыли. Замолчали. Вправду спят.
Какими они были в том июне,
Не могут вспомнить, да и не хотят.

За их полой, за пологом подлеска,
За пазухою снега и тепла,
Живая жизнь себе сыскала место,
Клубком свернулась теплая зола.

Но встрепенется, но еще воскреснет,
На цыпочки привстанет в тот же миг,
Когда на солнце пятна все исчезнут,
Когда оно опустит воротник,

Потянется, зевнет ленивой кошкой,
Вберет апреля звонкое тепло.
И я плету для ягоды лукошко.
И солнце бьется птицею в стекло.

* * *

На беленом холсте января
Лишь кровавый шиповник проступит.
Как повязка на ране, заря
Кровянится сквозь снежные стружья.

Птица редкая молча взлетит,
Оставляя колючую осыпь.
Там, где цвел незабудкой зенит,
Ветер низкие тучи проносит.

Нахлобучим треух до бровей.
Рукавицы подтянем плотнее.
До февральских лазурных полей
Доживем, добредем, доболеем.

Юрий Иванович Копысов родился в 1949 году в поселке Чепецкий Зуевского района Кировской области. Учился на физфаке ВГУ, окончил Борисоглебский пединститут. Долгое время жил в Крыму, где работал журналистом, инструктором по туризму. В начале 80-х годов учился в Литературном институте им. М. Горького. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в журнале «Подъём», в коллективном сборнике «Антология поэзии ВГУ». Автор и исполнитель бардовской песни. Живет в городе Боброве Воронежской области.

Юрий Копысов

ЛИСТ НЕВЕСОМЫЙ УПАДЕТ

* * *

И плеск весла.
И запах трав.
И ветка под твоей рукою...
Да где, в каких еще мирах
найдется что-нибудь такое?

Чтоб так же в сумраке листвы,
в объятьях зелени весенней
земные пели соловьи
для всей мерцающей
Вселенной?

* * *

О Боже, какая эпоха была,
а все-таки жили. И книги читали.
А главное — пели. И даже мечтали.
И даже вершить успевали дела.

Читали стихи! До рассвета, до слез.
И подлость за тыщу шагов различали.
Героев своих, не стеснясь, качали.
И были Герои! Пусть даже без звезд.

И подвиги были — не нынешний гам.
И Родине в жертву себя приносили.
И снова из праха вставали и жили
по меркам своим и своим чертежам.

Им Вечная память и Вечный огонь!
Надеюсь, хоть этот огонь не потушат.
Наивные, чистые, гордые души —
о них одинокая плачет гармонь

и в парке вечернем поют соловьи,
и замерло все до рассвета.

О, Боже,
неужто тот мир без следа уничтожен
и нам не протянет ладони свои...

* * *

Неожиданный снегопад.
Неожиданная судьба...
Я ловлю твой влюбленный взгляд
и тихонько схожу с ума.

То смеется, то плачет метель,
улетая то вверх, то вниз.
Я всю жизнь бы отдал тебе,
только где она —
моя жизнь?

ЮНЫЕ СТИХИ

В самые темные ночи декабрьские,
где снегопады тихи,
пишутся юные, пишутся страстные
и золотые стихи.

И ничего, что виски поседевшие,
что холоднее любовь.
Все соловьи, в те года не допевшие,
в сердце слетаются вновь.

* * *

Колыхнулась занавеска —
Там луна.
Профиль твой качнулся резко.
Вся видна

Ты, как на ладони Бога.
Мой каприз.
Повернись ко мне немного,
Прикоснись.

Прикоснись, избавь от боли,
Доктор мой.
Перепил я вольной воли
Не с тобой.

* * *

Осенний дождик вдаль уйдет,
И солнце выглянет, смеясь.
И я влюблюсь, как идиот,
В очередной последний раз!

Я вспыхну горячей огня
и скину кепку и пальто.
А дама глянет на меня
и скажет: «Нет... опять не то!»

ВЕЧЕР

Лист невесомый упадет
на спящую тропинку сада.
И два твоих прощальных взгляда
последний поезд увезет.

Туманный день наденет мглу.
Обманом тень захватит крыши.
Закат, лучом случайным вышит,
уснет на скошенном лугу.

Волнуясь, погаси огонь,
окно открой в огромность мая —
и первая звезда ночная
скользнет на теплую ладонь.

Юрий Васильевич Корчагин родился в 1949 году в городе Воронеже. Окончил механический факультет Воронежского государственного инженерно-строительного института. Служил в армии. Работал инженером на различных предприятиях, с 1992 года — на Юго-Восточной железной дороге. Автор пяти книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Юрий Корчагин

ВЬЮГА

* * *

Мечется по полю вьюга,
Снег разметая по насту.
В спину толкает упруго,
Бесцеремонно и властно.

Двигается белой стеною,
Слева заходит и справа.
С гиканьем, свистом и воем,
Кружит, как бесов орава.

Мокрой холодной массой
Хлещет в лицо мне жестоко.
Словно посмертную маску
Лепит с живого до срока.

То ли погибель пророча,
То ли злосчастную долю,
Бешеный вихрь многоточий
Вьюга разносит по полю.

* * *

Встает глубинная волна —
Петуший гребень,
И превращается стена
В песок и щебень.

Крушатся храмов купола,
И меркнет слава.
И у державного орла
Слетают главы.

Сметает грозная вода
Могучим хлестом
С лица земли и города,
И кладь погостов.

Как Тамерлановской орды
Полугримаса,
Вершит поспешные суды
Слепая масса.

Ведома дьявольской рукой,
И раз за разом...
Когда же Бог толпе людской
Дарует разум?!

* * *

Нас учили думать по шаблону,
Педагогам доверять незряче.
Чтоб скользили мысли по наклону,
По наклону вниз, а не иначе.

А различных вольностей попытки
Тут же непременно пресекались.
А идеи новые в избытке
О заслон цензуры разбивались.

Только я скажу вам по секрету,
Что, рождаясь, творческие мысли
Научились обходить запреты,
И в Стране Советов не провисли.

Но теперь, когда табу не стало,
И мораль — с ума сошла старуха!
Этого нам только не хватало:
На поверхность выползла чернуха.

* * *

Мне грезится, что снова ты со мной,
Что голос твой воочию я слышу,
И листья тихо падают на крышу.
Часы проббили полночь за стеной...

Твои ладони на моих плечах,
Я чувствую их легкое касанье.
Но нет тебя, и лишь твое дыханье
Еще колеблет пламя на свечах.

Еще прекрасных глаз манящий взгляд
И образ твой стоит перед очами.
И все, как прежде, только спать ночами
Мне не дает тот тихий листопад.

* * *

Лежит босоногий мальчишка
В высокой траве у реки,
И рядом раскрытая книжка,
Немного поодаль — очки.

Он может лежать здесь часами
В плену у фантазий и грез.
Глаза закрываются сами,
Следя за полетом стрекоз.

Лицо расцветает в улыбке,
Блаженной и глупой слегка.
Мечты легкомысленной рыбкой
Скользят по волнам ветерка...

Но, замки воздушные руша,
Уносится детства ладья.
Так вдрызг разбиваются груши
О серый асфальт бытия.

И все, что беспечно и босо
Гоняло наперегонки,
В муку перемелют колеса
На мельнице жизни-реки.

Лев Константинович Косыков родился в 1940 году в городе Воронеже. Учился на филологическом факультете Воронежского университета. Трудился на разных работах. Публиковался в журналах «Юность», «Москва», «Подъём», альманахе «Поэзия», коллективных сборниках. Автор книг стихотворений «Кассиопея», «Ветвь», «Благодарение». Живет в Воронеже.

Лев Косыков

СВОБОДНО ДЫШИТ НОЧЬ ЗЕМНАЯ

* * *

Я в тамбуре стою, глотая слезы.
Летят на крыльях встречные леса.
О, как белы мучительно березы!..
Как монотонен говор колеса!..

Отныне нет ни смерти, ни разлуки.
И кажется, что я уже готов,
Как дерево, стоять, раскинув руки,
И не считать ни дней и ни годов.

* * *

Все гораздо проще стало,
И вечерние снега
Не сравню я, как бывало,
С балеринами Дега.

Среди уличных свечений
Снег ведет свой плавный бег.
Он хорош и без сравнений,
Потому что — просто снег.

Он валит стеною плотной,
На минуту, на века,
Молодой и беззаботный,
И задумчивый слегка.

На века иль на минуту? —
В этой снежной тишине

Почему-то, почему-то
Снова видишься ты мне —

Юной, робкой и влюбленной,
И, как много лет назад,
Рукавичкою зеленой
Машешь мне сквозь снегопад.

* * *

Я не могу надежную безвестность
Сиюминутной славе предпочесть
И детства заповеданную честность
Сменить на кратковременную честь,
Когда за неудачами моими
Деревья и созвездия следят
И юноша, носивший мое имя
Всего пятнадцать лет тому назад.

* * *

Крик чайки жалобен и тонок
Над глубиной лазурных вод,
Как бы беспомощный ребенок
На помощь старшего зовет.
Но чем помочь сейчас, когда
Над морем Крымская гряда
Лежит лиловой полосой,
Когда высокий южный день
Полднейной полон синевою
И, преломленная волною,
Струится мачта по воде?

* * *

О нет, я не способен на измену
Моей земле, моей зеленой, где
Узнали мы решительную цену
Любви и хлебу, слову и воде,
Где пот, и честь, и боль нам въелись в поры,
Где выпало нам мыслить и дышать,
Где были мы детьми и на которой
Мы звезды научились различать.

УРОК ГЕОГРАФИИ

Разложена физическая карта,
Как много обольстительных имен:
Аддис-Абеба, Генуя, Джакарта,
Коломбо, Ла-Корунья, Лиссабон!

Пока, вертя указкой деревянной,
Учитель вел обыденный урок,
У нас под пальцем плавала Лозанна,
Гвадалахара, Ковентри, Бангкок.

Томили нас изысканные дали:
Оттава, Сан-Антонио, Далянь...
А рядом с нами жили и звучали
Елань-Колено... Анна... Лебединь...

* * *

Высокий правый берег. Над обрывом
В покое равнодушно-молчаливом
Скорей погост, чем кладбище — тут есть
И мраморы, и крашенная жесьть,
В одном ряду кресты и обелиски...
Кто под плитой, а кто и без прописки,
Здесь, в черном слое отческой земли,
Мои деды и прадеды легли.

А нынче май теплом и светом красен,
Все зелено, и день настолько ясен,
Что на пологом левом берегу,
Не напрягаясь, видеть я могу,
Как тропкою между стволов сосновых,
Могучих, меднокованых, мачтовых,
Идет мужчина, встречных веселя,
Ногами выплетая вензеля,
И вполпьяна лукавая гармошка,
Мотив перевираяючи немножко,
Наяривает бойко страданца,
Где нету ни начала, ни конца.
И звук летит по вольному простору,
По-над водой и по обрывам — в гору,
В одно соединяя близь и даль,
Размах души и тайную печаль,
И все живое с вешней синевою
И с русской великою рекою,
Что тут не так, как дале, широка,
Но катит через годы и века.

* * *

Дождь перестал, и на сердце светлей.
Гроза уходит облаком лиловым.
Блаженно-горький запах тополей
Не передать ни музыкой, ни словом.

Слова бессильны. Лучше промолчать, —
Делить с листьями поровну блистанье,
И горьким их дыханием дышать,
И влажное их слушать лепетанье...

* * *

Чтоб не погас огонь во мгле,
На нашу долю выпал случай
Прожить на золотой Земле
Среди созвездий и созвучий.

Скрипит гусиное перо,
И в темной сердцевине мира
Великолепно и остро
Горит негаснувшая Лира.

Нам перед нею отвечать,
Она усердьем нашим правит,
Хоть наша скромная свеча
Ей блеска вовсе не прибавит.

* * *

Тот *День поэзии* прошел в особом роде —
Попомню я его, покуда жив:
Тогда мы выступленье на заводе
В обеденный давали перерыв.
В отчаянно прокуренной бытовке —
Комбинезоны, ватники, спецовки,
Нехитрая закуска на столах,
И вены, словно грубые веревки,
У каждого синели на руках.
Покуда ненастроенная лира
Не огласила звуками эфира,
Сидел профкомом согнанный народ,
Кефиром запивая бутерброд.
Нас было почти поровну — рабочих
И гениев, стихи читать охочих.
Как прав поэт: *слова, слова, слова...*
Рванули мы, кто в лес, кто по дрова:
Одни рубили воздух в ритмах броских,
Другие пели плавно о березках,
И сам я, развевая волоса,
Про волны завывал и паруса
И про иное многое. Но честно
Я понимал, как это неуместно.
Пока в устах свободный реял стих,
Я слушателей наблюдал своих

И видел в людях чувство превосходства,
Достоинство, а в общем — благородство.
«Ведь это не взаправду, а шутя,
Пускай его — потешится дитя!
Пой, ласточка, тебя мы не осудим,
Играй, порхай, но не мешай ты людям.
Курнуть бы всласть да замочить козла,
А тут тебе стихи — ну и дела!»
Войдя в кураж, под собственные трели
Мы под конец порядком обалдели.
Но вот финал. Хлопки вовсю гремят,
Нам руки жмут, спасибо говорят.
И — врозь пути: одних ждала работа,
Другие вышли гордо за ворота.
Была весна. Упруг и легок шаг,
И нараспашку душу и пиджак!
И, празднуя поэзии победу,
Вели мы оживленную беседу
О наших удивительных стихах
И менее значительных делах.
Но в памяти мелькало особливо,
Что на вокзале продается пиво
И что, пожалуй, тамошний буфет
Еще не закрывался на обед...
.....
И с той поры прошло немало лет.
Иные дни, иные эпизоды,
Но этот почему-то не забыт,
Он вечно молод, и меня сквозь годы,
Как уголь, жжет тяжелый старый стыд.

* * *

Ты с грустью говоришь: «Не повезло...»
Ты охаешь: «Эпоха... поколение» —
И требуешь удачи, где могло
С привычным делом справиться терпенье.

Как это просто! Главное — уметь
О славе не заботиться нисколько
И, чистовик перечеркнув на треть,
Не сожалеть и начинать сначала.

* * *

Опять ни счастья, ни беды.
Свободно дышит ночь земная,
И голубая кровь звезды
Струится, не оскудевая.

Окутан мощной темнотой,
Полночный мир высок и строен.
И легок воздух слюдяной.
И я с тобою, ночь, спокоен.

* * *

К чему упорство странного труда?
Зачем твоя настойчивая лира
И день, и ночь, как полая вода,
Удваивает зыбко образ мира?
И где тут смысл? И почему душа,
Раздвоенная, мучится блаженно?
А жизнь, пожалуй, как ни хороша,
Но без твоей хвалы несовершенна.

* * *

Превозмогу я все печали,
И всем смогу я пренебречь, —
О, только б видеть эти дали!
О, только б слышать эту речь!

Наталья Владимировна Косякина родилась в городе Воронеже. Учится на факультете журналистики Воронежского государственного университета. Публиковалась в журнале «Подъём», региональных изданиях и альманахах. Участник и лауреат ряда областных и городских поэтических конкурсов, среди которых «Стихоборье», «Культпоход—2014». Живет в Воронеже.

Наталья Косякина

БЕГЛЕЦ

* * *

А ты очень тихий поэт.
Руки на ощупь белые.
Голос живет в траве —
Тихое а капелла.

А я завтра жду Грозу
(Солнце с другим поладило.)
И сердце болит, как зуб.
Теряет волну, как радио.

Нас не готовят для
Верности — это вымысел.
Нас на закате дня
Кто-то из пачки выбросил,

Выдавил, только пыл
Где-то под кожей теплится.
Кто это, кто он был?
Видели, только нет лица.

Маленький я беглец.
Чувственная горошина.
Слабая, но в седле,
В платье цветном изношенном.

Мало кому сестра,
Мало кому понятная,
Только тебе, из трав,
Я проступаю пятнами.

В небо глядим внизу.
Завтра мой план исполнится —
Я напою Грозу
(Грозы — мои поклонницы),

И полечу — пускай,
Крохотной и не понятой,
Главное — чтоб за край,
Главное — чтобы по небу.

* * *

Сматывай удочку,
Мальчик, сидящий на месяце.
Рыба тупа и пьяна от плохого кино.
Время свихнулось: не вверх
И не вниз ведут лестницы —
В бок. И отрезан от мира
Творитель снов.

Маленьким рыбкам
Смертельно не хочется вырасти.
Грудь, усы они в страхе
Вдыхают в себя.
Взрослые все абсолютно несчастны
Поблизости.
В радиусе трех галактик.
Они не спят,

Вечно кричат на пустое пространство,
Плачутся.
Дети, успейте,
Успейте себя сглотнуть.
Счастливы в этом мире
Лишь мать-и-мачеха
Да подорожник.
Отсюда такая муть,

Грязь на небесной поверхности
Нашего озера.
Глаз мироздания
Веко на нас спустил.
Мальчик ловил и лечил нас,
И он не бросил нас —
Мы не хотим его
Целительных сил.

Мы целовались с тобой,
Чтобы вдруг не повеситься,
И в подворотне наткнулись
На лестницу вверх.

Значит, не все потеряно,
Мальчик на месяце.
Мы начинаем путь
От хвоста
К голове.

* * *

А я когда уйду,
Все вместе соберитесь
(пусть в тоненький листок,
но вместе легче жить).
В большом мирском бреду
Мой не был колоритен.
Поместитесь и в стол.
Вас в ящик бы сложить,
Стихи мои. Следы
Открытый и закрытый
Моей входной двери
В неделю пару раз.
И кто меня берег,
Их так же берегите
От катастроф, пожаров
И бездумных глаз.

Оставляю огонек
В тумане безразборном.
Испуганный ребенок,
Живой летучий ток,
Вот это — мой итог,
Процесс, состав. И форма —
Стихами с двух сторон
Исписанный листок.

Артур Георгиевич Ктеянц родился в 1983 году в городе Баку. Окончил Воронежский экономико-правовой институт, Россошанское медицинское училище. Работает артистом в Россошанском драматическом театре. Публиковал стихотворения и прозу в журнале «Подъём». Живет в городе Россошь Воронежской области.

Артур Ктеянц

ТОНКИЙ ХОЛСТ

ВЕРЕ

Спит одиночество при свете,
А по ночам беспечных судит.
На этой маленькой планете,
Повсюду люди, люди, люди...
А с ними, как с опасной бритвой,
Нужна, как минимум, сноровка.
А помнишь, по твоей молитве
Воскресла божия коровка?
Родная, чудо — это норма,
Когда Отечество и небо
Одно и то же. Бойся Формы,
Важна Идея больше хлеба,
Для тех, кто долго жил без кожи
И, наконец, нашел ту Книгу,
В которой путь начертан. Боже,
Я дорожу в ней каждым мигом,
И снова чувствую, что ожил.

Ты помнишь, ты, конечно, помнишь,
Той связки порванной крючок,
Как ты тогда пришла на помощь,
Три пальчика собрав в пучок.
И боль знамена опустила,
Пропал отек, сдавивший вену,
Как только ты перекрестила
Мое распухшее колено.

* * *

Из меня ведь когда-нибудь вышибут дурь,
И запястье стянут тугим ремнем.
Очевидцы цунами и страшных бурь
Начинают на Вы говорить с огнем.

Без контекста язычества, где огонь
Есть омега и альфа, где ряд причин
Скроют линию жизни, закрыв ладонь,
Забывая, что это лишь след морщин.

Я из тех, кто не будет на брачном пиру.
Я мешал себе. Строил не храм, а склеп,
Как дыхание мешает срастись ребру.
Как бордюры мешают тому, кто слеп.

Одиночество — компас, веди, веди.
Сквозь большие пески, где шипит змея.
Их там семь миллиардов, а я один.
Это, знаешь ли, алгебра бытия.

АНАПА

Я хочу жить в Анапе, где в августе море цветет,
И ценить «не сезон» за отсутствие тел на пляже.
С продавцами паленых вин обсуждать продажи
И с ужасом думать, что где-то сейчас метет.

Там еще будет греческий Храм, одинок и пуст,
Потому что забыли все мы про день субботний.
Проще в баре, с утра, пару тысяч разбив по сотни,
Приумножить холодным пивом орехов хруст.

Будет время ползти по песку, вместе с ним и жизнь
Станет, как бы за рамки того, что она конечна,
Как конечно общение пульса с мышцей сердечной,
И терпение того, кто для мести купил ножи.

В центре города будет бар, где за 300 рэ
Старый бармен нальет мне сомнительный виски с колой.
Обгоревшие плечи под белой футболкой поло,
Будут ныть, как мизинец, впервые познав баре.

Ничего не проходит — вот истина этих мест.
Забывается? — Да. Но ведь память имеет право
В подсознание лить из забытых грехов отраву,
Беспричинной в кавычках тоски образуя перст.

Седина все уверенней будет дружить с висками,
Однотонную молодость вымазав белой краской.

Станут пресными пляжи, и воздух покажется вязким.
Буду несколько раз в году улетать в Тоскану.

Потому что не дело это, мечтать о море,
Если видел сто раз, как с волною причал сражался.
Потому что привык. Потому что уже зажрался.
Так случается с каждым, и это совсем не горе.

АЛЛЕ

А Бегбэдер сказал, что три года живет любовь.
Он не знает о нас, как не знает про день сова.
Территория чувств разрушает закон любой.
Девять лет миновало, а наша любовь жива.

Этот воздух быстрее водки сбивает с ног.
Я на тонких холстах научился писать грозу.
Это тоже поэзия — строить из красок слог.
Девять зим пролетело, а мы ни в одном глазу.

Суетливый декабрь, всего лишь один из тех,
Кто спешит к рождеству в сновидениях увидеть знак.
Растоплю ледяных скульптур первородный грех.
Девять весен растаяли, я и не понял как.

ДЕТСТВО

В детстве все было ясно. Варенье — пир.
Садик — тюрьма. Убивать насекомых — грех.
Там где кончается коврик — кончается мир.
Мама — вселенная. Папа — сильнее всех.

МАМЕ

Расстояние от дома до школы —
тропа сквозь лес.
Вечер вязнет в сосновых смолах,
загнав занозы.
Тяжело ведь смириться с тем,
что твой сын балбес,
И собраться, чтоб грозный отец
не увидел слезы.

Кипяток на куриный кубик
и твердый хлеб.
Две солдатские койки,
казенные стол и стулья.

Вычитай из уныния в кубе
«Общажный» хлев,
И получишь помойку
В квадрате людского улья.

Пыль скользит по перилам,
А ежик спешит в туман.
Скоро травы поток увидят
В речном канале.
Помнишь, ты говорила,
Что я напишу роман?
Написал. Он в апреле выйдет
В большом журнале.

В каждой прозе, родная,
Важнее всего конец.
Он способен исправить сюжет,
Умывая руки.
Есть усталость иная,
Где веки залил свинец.
Я счастливый отец,
У тебя золотые внуки.

Людмила Ивановна Кузнецова родилась в селе Дмитришевка Липецкой области. Окончила Воронежское областное культурно-просветительное училище, Всесоюзный заочный лесной техникум. Автор четырех поэтических сборников, книги прозы «Спираль времени». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Людмила Кузнецова

ТОНКАЯ ВЕРБА

* * *

Приду на правах долгожданного гостя.
Ветра протрубят вразнобой.
Февральское солнце у кромки погоста
зависнет громадной звездой.

Мне все незнакомо — и домик осевший,
и ряд черно-белых картин.
Откуда же чувство родства и воскресший
прообраз из горних глубин?

Седой человек затепляет лампаду
и смотрит в окно без конца —
не дочь ли идет по замерзшему саду,
не сын ли стоит у крыльца?

Искрятся от снега покатые крыши.
Старик крестит стылую синь,
чтоб там не вздыхал, обреченно поникший,
Возничий межзвездных пустынь.

Мороз заскрипел. Кони тронулись рьяно.
Мгновенье — и нет ездока.
В сугробе снегирь заколотится, гляну —
ни дома, ни старика...

* * *

Забываюсь и снова иду в никуда.
Перспектив никаких, как и смысла.
Виртуально встают небоскребы-года,
событийные даты и числа.

А сирень закипает, а кофе горчит.
Вьется дым сигареты пахучий.
Чей-то взгляд проскользил, нереальный почти...
Неужели мой давний попуччик?

И никак не пойму — почему же нельзя,
как и раньше, в коротенькой юбке
по перилам легко и без страха скользя,
совершать роковые поступки.

Ведь во мне еще лета немереный срок
и душа за буйки заплывает...
Но старуха из зеркала крутит висок
и расслабиться не позволяет.

* * *

Лето жизни сквозь узкий прищур
зацепилось за тонкую вербу.
Рано утром двух птиц отпущу,
двух бездольных — Надежду и Веру.

Будет небо лиловым костром
полыхать над желтеющей рощей.
Покосившийся домик — на слом...
Так, наверное, лучше и проще.

Волчьей ягодой скалится куст.
Не судьба, знать, досадный случай!
Сколько хочешь зови — не вернусь,
заплутаю по жизни дремучей.

А когда невзначай забреду
к водам Стикса иль к стрелам Амура,
помяни мя на том берегу
черствым хлебом иль черным загулом.

И остынь. Старых драм обелиск
пообветрится шквалами с севера.
Улюлюкая, с горочки вниз
жизнь покатится срубленным деревом...

* * *

Я жду чудес. Они меня не ждут.
У них свои разметки и лекала.
На глаз крою из ленточек-минут
подобие эдемского начала.

Какой простор для праздного житья!
Ни средств и ни поддержки не имея,
мое искусство кройки и шитья
достигло совершенства апогея.

И нет чудес. Есть — проходной итог
подлунных струй на ярмарке тщеславья.
И стражник, отпустивший под залог
пустое чувство самолюбования.

О небо! Ниспошли мне благодать —
цветною нитью обереги вышить.
Всем страждущим попутчикам раздать,
и выдохнуть, и выдержать, и выжить!

* * *

Пятистенка с соломенной крышей,
полный угол икон — все богатство.
Остальное на ладан уж дышит...
Огород — добровольное рабство.

А куда ж без него? Он кормилец!
Наскребутся копейки с грядки...
Годы жизни, сплетясь, притаились
там — за хатой, в разошедшейся кадке.

Хлеб да щи, да по праздникам каша.
Летом легче, не то, что зимой.
Как тростинка суха баба Маша —
ох ты, Господи, боже ты мой!

На стене фотография мужа,
где-то сгинувшего на войне.
Дряхлый кактус — он вроде не нужен,
да прижился... Пусть чахнет в окне.

Сколько жить-горевать здесь осталось?
В небесах... там... почти вся родня!
Уж позвали б к себе... То-то радость!
Не зовут. Только слезно глядят...

Как суставы болят. Не по силам
заготовить поленницу дров...
Сколько их в необъятной России
вечных тружениц, вечных вдов!

* * *

Разлетелись ворóны и вóроны,
затянулись разрывы слюдой.
Мне пора в чужедальнюю сторону
за живую и мертвой водой.

Где от пристани и до пристани
лики праведников и икон.
Заплетать в основание истины
непреложный библейский закон.

Отогреться у счастья чужого
(солнцетканны его берега),
и бесчестного, мелкого, злого —
возлюбить своего врага.

Кошмы в ноги ему персидские,
соболей по плечам не счесть,
на ступени дворцовые, склизкие,
чтоб залезть ему и не слезть...

На Руси колоколен множество,
не иссякнет святая вода.
Вражья сила от звона скукожится,
расплывется, как дым, без следа.

Мне пора на хрустящем пергаменте
крупной вязью сплестать письма,
где в рифленной оправе орнамента
дорогие стоят имена!

Василий Иванович Куликов-Ярмонов родился в 1949 году в селе Горки Алексеевского района Белгородской области. Окончил Острогожский аграрный техникум, отделение журналистики филологического факультета Воронежского государственного университета. Около 40 лет работал журналистом, в том числе главным редактором районных газет. Автор четырех сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Живет в городе Острогожске Воронежской области.

Василий Куликов-Ярмонов

ГОРИЦВЕТ

* * *

Какое небо голубое!..
Какие дали и снега!..
А вспомни, солнышко, с тобою
Нам жизнь была не дорога,

Когда не знали друг о друге... —
И как мы только жить могли
Без этих далей, песен вьюги,
Благословения Земли?!..

* * *

...И солнце греет, ветер веет;
И жить бы, жить... но нет страны...
И Фекла мужа Ерофея
Все ждет с Неметчины... с войны...

Изба сносилась... кура квочет
Там, где амброзия – стеной;
И, чем ни ближе к долгой ночи,
Тем ближе образ тот... родной.

— Ах, Ерошок, твой пыл солдата
Ярмо осилил за троих, —
Страну ты спас от супостата,
Но как нам выжить при своих?..

— Откликнись, Ера, с того света, —
Последний вздох мой на кону.

Ты там живешь — здесь жизни нету, —
Зачем ушел ты на войну?!..

— Ты поднимал в атаку роту,
А внукам — это ж мы с тобой! —
Ты не поверишь, нет работы, —
Возьми их в свой смертельный бой,

Чтоб знали в радости и в тризне,
Ценя свой Дом, свободный Труд,
За что сердца и даже жизни
В святой России отдают...

... И солнце греет, словно в мае;
И Божья льется Благодать...
А Фекла жизнь не понимает,
Да и не хочет понимать!..

* * *

Наше мироустройство — всего лишь
То, что мы начертали себе, —
Разве, други, орла приневолишь
Крест поставить на горней судьбе?!..

Только мы, сердцевиной холопы,
Заменяли, печаль затая,
Столбовые дороги на тропы,
На безволие — смысл бытия.

* * *

Как тягостно без молнии,
Без грома на весь мир, —
Февральское безмолвие
С восьми и до восьми —

Оно как наваждение
И в сердце, и в ночи...
А жизнь — одно мгновение...
Дыши. Внимай. Молчи...

* * *

Вдруг отойти — какой резон
Уму, Душе, Земле, Вселенной, —
Когда порой весенне-пенной
За горицветом горизонт
Возникнет метою мгновенной —

Боль между Небом и Землей?..
А по степи — все горлицы
И солнце, солнце-аналой...
Но Сердце, — голос вешней, —
Всевышним так и не согрето...

* * *

Переспелым, пустым горохом
Годы ссыпались ни во что.
На чего же я жизнь угрохал —
Эту воду сквозь решето?

А как пела-то, занимаясь
И трубя о заре!.. заре!..
Что казалось, вослед за маем
Только маям быть на дворе.

Так и вышло: судьба измаяла
Сердце-душу в труху-лузгу...
Я хватаюсь за мало-малое, —
Плачу в голос — петь не могу.

* * *

Когда молчат мои колокола
В Подлунном Царстве и в груди озяблой,
Душа моя — мой птенчик без крыла —
Стремится выжить среди весенних яблонь,

Парящих вольно майскою порой
На рубеже и вихря, и покоя...
Судьбу прошу: — Калитку приоткрой...
— До счастья дай дотронуться рукою...

Судьба молчит... Молчат колокола...
И Мирозданье словно онемело...
И жизнь, я понимаю, отцвела...

И снова я, как в детстве, неумело
Средь майских яблонь бьюсь... — и без крыла
Взмываю в зев небесного предела.

* * *

Ночные огни...
Над огнями бездонное, темное небо...
Поди сохрани
И душу, и сердце, коль глухо и немо

Окрест и в мирах,
Да и в сердце, в душе и в стреноженном вздохе,
Коль водит мираж
И хрупкой лучиной сгорают эпохи!..

* * *

День — сиянье!.. Благо!.. Я же
Выдыхаю, как пою:
— Взор мой грузен. Шаг мой тяжек.
Я — невольник на краю

Света-тени, то есть жизни, —
Что за Божья Благодать?!..
День, как рай, безукоризнен,
Только доли не видать.

* * *

И солнца теплые потоки,
Что льются днесь,
Что льются впрок,
И Вещий Свет звезды высокой,
И грома добрый говорок... —

В груди, в крови клубится роem,
Восходит благостно в зенит
Укорененное, родное,
На чем подлунный мир стоит.

* * *

И дни, и годы, и века
В объятых жизни истощатся —
И вздрогнет Времени рука,
Освобожденная от счастья

Держать Вселенную в узде;
Сердец настанет облегченье;
И ляжет мрак; лишь кое-где
Проглянет звездное свеченье

Как обновленной тяги знак... —
И жизнь, извечно молодая,
Взовьется вновь, но я, чудак,
Ее дары не разгадаю...

Зинаида Федоровна Лаврова родилась городе Кейла (Эстония) в семье военнослужащего. Окончила экономический факультет Воронежского государственного университета. Работала ведущим инженером-экономистом в Воронежском конструкторском бюро химавтоматики. Печаталась в журнале «Подъём» центральной и областной периодике. Автор двух поэтических сборников — «Совпадение с сердцем», «Звезда любви, звезда печали». Живет в Воронеже.

Зинаида Лаврова

РЯБИНОВАЯ КИСТЬ

* * *

Меня любовь в объятиях держала,
И бега дней не замечала я.
Очнулась я, когда она пропала,
А заодно и молодость моя.

Я лучшие минуты вдохновенья
Из родниковых вод ее брала
И счастлива была одно мгновенье,
А далее как будто не жила.

* * *

Вой метели, бег пера,
Кошка дремлет у камина.
В снежной замяти двора
Жутко, холодно, пустынно.

В доме тихо и тепло
Я за пестрой занавеской
То ль самой себе назло,
То ль зиме седой в отместку.

Стих слагаю о весне,
О любви — а как иначе?
Лишь с собой наедине
Безотрадно сердце плачет.

И ему не все равно:
Знать, оно не позабыло,

Как тогда — давным-давно —
Нас с тобой метель кружила.

Губы нежные твои,
И глаза твои, и руки
Говорили о любви
И молчали о разлуке.

Не померкла, не прошла
Та зима — жива поныне.
А душа не помнит зла
И хранит свои святыни.

* * *

Все обыденно-просто:
Чуть качнулся вагон,
Застучали колеса,
Уплывает перрон.

И пропал он из вида,
И на сердце легла
То ль печаль, то ль обида,
То ль осенняя мгла.

Дали взглядом окину —
Там, за крайней избой,
Полыхая рубином,
Клен стоит молодой.

Молодой и прекрасный
В смене ветреных дней
И навеки причастный
К тайной думе моей.

* * *

Цвела весна. Свежо синели дали,
Причудливые плыли облака,
И никогда мы толком не считали
Того, что нам кукушки обещали:
Мы верили, что нам даны века...

* * *

Весенняя Муза не знает печали,
Осенняя Муза сомнений полна,
Поскольку туманом обложены дали
И церковь за двести шагов не видна.

И если весна — это символ надежды,
То осень — как позднее пламя любви.
И сердца порывы безумны, как прежде,
И годы не гасят желаний в крови.

И вот она — сказка из огненных листьев,
Из запаха полуувядших цветов,
Из греющей душу рябиновой кисти,
Из главных, вполголоса сказанных слов.

* * *

Чтоб завтра мне судьбу переиначить,
Сегодня ей «спасибо» говорю:
За лиру, что, подобно ветру, плачет,
А тот огонь, в котором я горю;
За встречу, что судьбой моей не стала,
И за мечту, что вдаль меня звала,
И за надежду, что не умирала,
А молча, терпеливая, ждала.

* * *

На Руси колодцы нынче редки
Где вода отменно хороша,
У которых добрые соседки
Поведут беседу не спеша.

Но мелеют с каждым годом речки,
В запустенье отчие дома,
И дрожит оплывшей белой свечкой
Церковь над вершиною холма.

* * *

Памяти Сергея

А год на диво урожайный,
Кислинкой пахнет дом и сад.
Куда ни бросишь взгляд случайный,
Повсюду яблоки лежат.

Они вчера в листве атели,
Но ветер налетел с полей —
И крупным градом полетели,
И покатались по земле.

На кровлю падая ночами,
Они тревожат чуткий сон —
И отзывается стихами
Душа на их прощальный стон.

* * *

В чем наши села виноваты
И перед кем? Не первый год
Спят заколоченные хаты,
В бурьянах сад и огород.

И что-то важное пропало,
И голос детский не звенит.
Бежит лишь речка, как бывало,
И дуб листвою шевелит.

* * *

Моя Россия, луч мой золотой,
Твои глаза в тревоге и печали.
Но расцветают с каждой весной
Теплом земли разбуженные дали.

В лесопосадке свищет соловей
О юности, о нежности, о счастье,
Вздыхает ветер в сумраке полей —
И уплывает, как туман, ненастье.

* * *

Простить тебе я многое смогла,
И даже то, что забывать не надо.
Неслышным шагом осень подошла
И замечает беды листопадом,

И зажигает новые костры,
И засыпает старые обиды...
Как перелески молодо пестры!
Как вечны левитановские виды!

И кто придумал этот листопад?
Смиряется душа перед зимою...
Как плавно листья по ветру летят!
Какой красой сияют неземною!

Игорь Владимирович Лукьянов родился в 1947 году в Пхеньяне (КНДР). Окончил Борисоглебский государственный педагогический институт. Служил в армии. Работал на стройке, помощником мастера на трикотажной фабрике. С 1980 года — журналист борисоглебской районной газеты. Автор 14 поэтических сборников, многочисленных публикаций в журналах «Подъём», «Аврора», «Наш современник». Член Союза журналистов и Союза писателей России. Живет в городе Борисоглебске Воронежской области.

Игорь Лукьянов

НА ТАЛОМ СНЕГУ

УДАЧА

Брал за хвост я удачу,
Но вырывалась удача.
Улетала она —
Золотого сиянья порыв.
Может быть, я об этом
Когда-нибудь
Тихо заплачу,
Стариковские слезы
На старый пиджак
Уронив.
Эти слезы
Я с детства запомнил.
Так плакал
Мой дядя укромно
На вечерний приступок
Веселого дома присев.
Пел Утесов о море,
Любимец тех лет
Всенародный,
И шумело застолье
Во всей повоенной красе.
И в какой там старик
Изболелся тоске и тревоге —
Было мне не понять,
Но я видел в тот вечер
Остро,
Что сиял рядом с ним
Луч закатный
На теплом пороге,
Как удачи,
Умчавшейся вдаль
Золотое перо...

* * *

Банален мир от кочки до небес.
Банален и застоем, и прогрессом,
Как волка ни корми — он смотрит в лес,
Как жизнь не возноси — мы смотрим в детство.
Спасибо ей за все, что приобрел —
За ту в листе садовую дорожку,
За тесный с керосинкой коридор,
Где бабушка мне жарила картошку...

* * *

*К картине Алексея Саврасова
«Грачи прилетели»*

Зацерковная даль.
Заревые лучи.
Мне оттуда
О чем-то горланят грачи.
Я гляжу —
И души оторвать не могу
От разбросанных веток
На талом снегу...

* * *

Забывтые старые раны
И свежие поздние раны
Мне стали дороже удачи,
Они мне победы милей.
Лишь с ними
Я что-нибудь значу —
Сурово молчу или плачу
Среди золотого тумана
Рассветных осенних полей.
Лишь с ними
Средь тихого луга,
Когда предночная округа
Домишками дальними блещет,
За лес провожая закат.
Могу я задумчиво слушать,
Как грустно считает кукушка
Далекие лучшие годы,
Что вновь повторятся навряд.

ДЯДЯ МИТЯ

Безответный старик
Дядя Митя — дундук.
Неудачник.
Чудак.

Ольга Ивановна Лукьянова родилась в городе Новошахтинске Ростовской области. Окончила Луганский педагогический институт. Работала в различных периодических изданиях Луганска. Публиковалась в журналах «Подъём», «Молодая гвардия», «Студенческий меридиан», коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Горлинка», «Свет мой вечный». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Ольга Лукьянова

ЗА БЕЛОЙ ГОРОЙ

Годы мои, словно странники, где-то
Лесом бредут, утопая в снегу.
Отцеловав алы щеки рассвета.
Оттанцевав на родном берегу.

Тихо пройдут в огневые воротца.
И — рассчитайся на первый, второй...
Годы мои, вы резвей иноходцев
Скроетесь в дымке за Белой горой.

Не оступиться бы, ласковый Боже!
Все еще здесь. Обнимаю «братков»,
Что с каждым мигом родней и дороже.
Пусть не нажили добра сундуков.

Некуда деться от страстных объятий.
Матушка Божья пасет голубков.
Годы мои все в березовых платьях.
Им до земли поклониться легко!

Господи, я ли Небесной Царице
Не расшивала слезами подол?
Годы мои все от слез светлолицы.
Как им уйти, не оставив следов?!

Александрю Нестругину

Запоздало нынче бабье лето.
А терновка слива — синий мед.
И колючки на венец поэтам,
чтоб не баламутили народ.

Запоздали чувства. А приветы
Нынче слать и вовсе не с руки.
Наберу колючих дымных веток.
Опущу в печаль твоей реки.

И собьются веточки в веночек.
Приплывет он прямо в краснотал,
Где ты бродишь средь замерзших кочек.
Не велик, но вовсе уж не мал!

Впрямь чудак из старой доброй сказки.
Ты возьми веночек тот, возьми.
Колко жить — да не Христовы страсти!
Птиц последних с лаской покорми

Хлебной крошкой, ягодой рябины.
Бог простит грехи твоей реки.
Будете вы Господом хранимы,
Мудрые Расеи простаки.

Будете вы петь на свете Божьем
О краях, где Дон, что молоко.
Не уйти с ведерочком порожним,
Коли любишь слишком глубоко!

* * *

Посиди на крыльце, да поохай.
Ангел-осень с медовой свечой
Гонит августа сладкую похоть.
Грустно руку кладет на плечо.

Что поделаешь — Божья расправа!..
Нить рябины тепла на груди.
Плачут тихо и ласково травы.
Я сажу на крыльце посреди

Виноватого белого света,
Вспоминая былые грехи.
Ангел-осень у Бога в поэтах.
Шепчет на ухо слезно стихи.

В Книге Жизни трепещут страницы.
Небо косы покрыло платком.
Где-то звон колокольный томится,
Не звонивший сто лет ни по ком...

Сергей Евгеньевич Луценко. Родился в 1980 году в городе Павловске Воронежской области. Окончил Современную гуманитарную академию и Воронежский государственный аграрный университет. Работал машинистом, оператором, слесарем, журналистом. Публиковался в журнале «Подъём», «Берега», коллективных сборниках. Автор поэтических сборников «Стихи», «Дом на камне», книги рассказов и очерков «К неведомым берегам», «В заколдованной стране». Член Союза писателей России. Лауреат Исаевской премии молодым поэтам Воронежской области (2015). Живет в городе Павловске Воронежской области.

Сергей Луценко

БЛАГОСЛОВЕНИЕ БЕЗДНЫ

ВОТ ОН, СТИХ МОЙ...

В.Д. Лютому

Вот он, стих мой нерукотворный,
В шапке, сбившейся набекрень,
Громкий, дерзостный, непокорный
И небритый который день!

Шутовской прикрываясь маской,
Через лужи и зыбкий свет
Он походочкой залихватской —
Прыг да скок — все один ответ...

«То-то, думает, набуяню,
Докажу, что не лыком шит.
Да за мной любой в окяне,
Словно посуху, побежит!

Ишь, наука — в три пальца свистнуть:
Засвищу — ошалеет Русь.
Чем в каморке забытой киснуть,
Во все тяжкие — эх, пущусь!..»

Но измучившись праздной гонкой,
Отрезвев от лихих пинков,
Постоит в уголку тихонько,
Шасть к двери — да и был таков...

Отряхнув от окурков ноги,
Он в распахнутый небосвод,
Тихий, радостный, одинокий,
Полевой дорогой идет.

ВЕК РОДНОЙ, ВРАЖДЕБНЫЙ...

Век мой, зверь мой.

Мандельштам

Не найти среди владык
Милосердных, добронравных.
Мглистый ветер, грозен, дик,
С ними шепчется на равных.

Ветер мора и войны,
Ветер дыбы и проклятий,
Виноватых без вины —
И распятых правды ради...

Помню сгибших, помню всех...
Что же делаешь ты с нами,
С дочерьми и сыновьями,
Век родной, враждебный век!

И куда бежать, куда?
Скрыться где-нибудь — не вздумай.
Сил в избытке? Не беда!
Погибай себе без шума...

Спит в короне голова,
Зубы скалятся от скуки —
И вращают жернова
Обездоленные руки...

* * *

Под пенью сиверко веселого,
Назло зачинщику апрелю,
Луна из луж лакает олово
И утирается метелью.

Скривив с похмелья злую рожицу,
Морозец, крадучись садочком,
Сует иголки под кожу
И тихо щелкает по почкам.

Внимая вести непроверенной,
Деревья все насторожились.
Один лишь дуб самоуверенный
Стоит, по-стариковски жились...

Я истомлен упорной жаждою,
Я изможден болезнью редкой:
В ладонях отогреть бы каждую
Нерасцветающую ветку!

Да, видно, в путь пустился поздно я
По неразгаданному следу —
И торжествует мгла морозная
Свою последнюю победу...

Что ж, кроме варева кромешного
Тебе и крыть сегодня нечем?
Запомни: ветви сада вешнего
Сквозь пальцы расцветут под вечер.

ДЖАМИЛЯ

Полыхала вешняя земля...
Где же юность наша, Джамиля?

Серебрятся волосы мои,
Первый снег ложится на поля.

В час любви мы встретились с тобой —
Развела дорога нас, пыля...

Где ты, полоняночка, поешь,
Веселишь какого короля?..

Я дышу на темное стекло,
Я спешу в холодные поля,

Гасит ветер крыльями зарю
И метель встает, беду суля...

Разве ты не видишь мой костер,
Голос мой не слышишь, Джамиля?

БЛАГОСЛОВЕНИЕ БЕЗДНЫ

*...и да благословит тебя благословениями
небесными свыше, благословениями бездны,
лежащей долу...*

Бытие

Благословение бездны,
долу светло лежащей,
Долго ли, слышишь,
Ждать тебя на Руси?
Вспышки ночами —
Чаще они, все чаще:
«Господи! Грешный свой мир спаси!».

В церкви стреляют —
что же запыстья в гирях?

В школе стреляют —
все по моей груди!..
Не замыкайся, Господи,
в междумирьях —
И Апокалипсис отведи.

Падают звезды.
Тянутся вдаль дороги.
Должен ли мир погибнуть,
Разве он — тьмы оплот?!
Что же так долги слезы,
Что же так злы тревоги?..

Божий завет подъямля,
Радуга вновь встает!

СОСНЫ ЖДУТ

Те же сосны — может, чуть пониже —
В юности шумели надо мной.
Те же ветры шарили по крыше,
Те же звезды лили свет родной...

Что же изменилось? Отчего же
Я вот так потерянно стою?..
И мерцают мартовские лужи,
И дрожат у мира на краю.

На земле, печальной и прекрасной,
Сколько остается мне дорог?
Неужели в горести напрасной
Я теперь до срока изнемог —

И не будет ни любви, ни смеха,
Ни стихов, ни ярости, ни слез?..
И грохочет сумрачное эхо,
И слетают годы под откос...

Погоди, еще воспряну! Видишь —
Это сосны выстроились в ряд.
Все они, из дому только выйдешь,
О Дороге вдруг заговорят.

Светлана Алексеевна Ляшова родилась в селе Тхоревка Воронежской области. Окончила отделение журналистики филологического факультета Воронежского государственного университета. В настоящее время заведует Старокалитвянской библиотекой. Автор нескольких поэтических сборников, среди которых «Не загоститесь на земле», «Сорвется серп луны», «И вновь побеждает любовь». Член Союза писателей России. Живет в селе Старая Калитва Воронежской области.

Светлана Ляшова

НА ПОВОДКЕ УХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

* * *

Решил ты: вот выбью дурь!
А это была не дурь...
И так двадцать лет прошло —
Коту, так сказать, под хвост.
А дамы вокруг, — «глазурь»!
Блистают, хоть очи жмурь.
Корове ж зачем седло?
Зачем проходимцу холст?..

И можно бы проще жить,
Немножечко лгать, как все.
Да вот не дает душа,
Вернее, ее размер.
А тут что важнее? — Прыть!
Веселым баблом шурша,
Успеть, чтоб «привял» сосед.
И всюду: размен, размен...

А я, как туман, плыла...
Но каждый решил: игра!
...Замедлен мой зыбкий мир.
А здешний — жесток и быстр!
Легка или тяжела
Доставшая сердце мгла?..
Но тут отдохнул Шекспир!
И мы перекинем лист.

Ах, те, кто вот так со мной
Столкнулись, круша-любя...

Что молодость? — Бездна бурь:
Глазаста, стройна, смела!
Вращается круг земной,
Уходят года, трубя.
Решил ты: вот выбью дурь!..
А это душа была.

* * *

Тот — предал, и этот — слегка.
Подумаешь: всех предают!
Сияла любовь, высока,
Да вся изувечилась тут.
Тот — «любит», и этот — «зовет»,
Да каждый себе на уме...
И падает солнце с высот,
И свет умирает во мне.
...Неволи непрочная нить
И воли суровая нить.
И некому верность хранить,
И не с кем неверность делить...

* * *

Надвигается зыбкий вечер,
Осыпается тонкий лед.
Никогда я тебя не встречу,
Ничего не произойдет.

Дышит радость моя на ладан,
Редким снегом усеян луг.
Ничего от тебя не надо.
Ты не вышел на новый круг.

Остекленные рощи никнут,
Обреченные витражи.
Так что некому даже крикнуть:
Удержи меня, удержи.

Исступленно вода застыла,
Отраженью небес под стать.
И о том, как тебя любила,
Забывать пора, забывать.

Завтра будет такое утро, —
Отрезвят меня холода,
И промолвлю легко и мудро:
Никогда уже. Никогда.

* * *

Мудры монахи и старухи,
А мы бесславно немудры.
Как черноземы из-под плуга
Немягкомудры до поры.
Ясны холмы и небосклоны.
Весна. Плоды не сочтены.
И этот гонор Антигоны
Не для аграрной стороны.

* * *

Опять отлетает листва,
Рождается утро во мгле...
Никто не имеет родства
На этой этапной Земле.
Ничто не имеет границ:
И лес на ладони, и луг.
И люди небеснее птиц,
Им только летать недосуг.

* * *

На поводке уходящего солнца
Таксой медлительной тянется день,
И современник с лицом кроманьонца
Водит проспектами хмурую тень.
Город как город — сиренами вспорот,
Скорая помощь — скорлупка скорбей...
Но для надежд есть бесспорнейший повод:
Кормят старушки с детьми голубей.

* * *

В сюрреалистические будни
И в коммунистические сны,
Где краснó, плакатно и простудно,
Наши души туго вплетены.
Все мы понемногу рисовали
Снег и кровь, но с рук сошло пока...
Разве что из пыточных подвалов
Хлынула кровавая река!
Что же мы, беспамятные внуки
Тех, кто в прах вштрихованы давно?
Но художник потирает руки
И грунтует снова полотно.
В полночь, переругиваясь глухо,
Выползают краски за порог...
А в окне, помахивая ухом,
Здорово ухмыляется Ван Гог.

Екатерина Александровна Макушина родилась в городе Воронеже. Окончила юридический факультет Воронежского государственного университета, адвокат. Публиковалась в журнале «Подъём», поэтических сборниках «Молодежь и культура», «Стихоборье-2012». Участница Воронежских областных совещаний молодых литераторов 2013 и 2016 годов. Живет в Воронеже.

Екатерина Макушина

ДОМ ИЗ БУМАГИ

* * *

В багряный осенний вечер
Ты тихо выйдешь из дому.
И небо как будто вечно,
И все на земле знакомо.

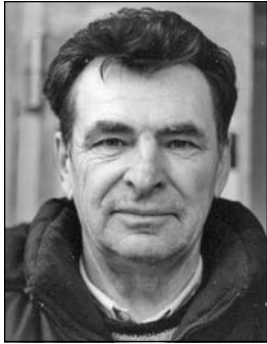
За ситцевой занавеской
Проглянет неяркий свет.
Ругнувшись длинно и резко,
Она улыбнется вслед.

Доверчивый и упрямый,
Пойдешь за мечтой о лете.
...А был ты ей — после мамы —
Дороже всего на свете.

* * *

Из бумаги я склею дом
с узорными ставнями,
Разброساю кругом цветы
мелкими пастельными.
И, быть может, мы с тобой
окажемся равными,
Осознав: для нас еще
ничто не потеряно.

А швырнешь в огонь —
листы не оставят памяти,
Вознесется к небу зола
да тоска безмерная.

Николай Ильич Малашич (1940–2014) родился на хуторе Дёмовка Холмынского района Черниговской области. Окончил Военно-техническое училище войск ПВО, Литературный институт им. А.М. Горького. Служил офицером в Советской армии. Автор десяти книг стихотворений и прозы, среди которых «Обнова», «Все лучшее у нас от Бога», «Бесстрашие любви», «Жизнь и похождения русского офицера».

Николай Малашич

ПРЕДРАССВЕТНЫЕ ОБЛАКА

* * *

Наше небо еще не осевшее,
Наши травы еще зелены.
Счастье,
В юности нас не нашедшее,
Да коснется твоей седины.

Тишина над рекою остывшею,
Чуть звенит голубая вода.
Бьется сердце,
Тебя полюбившее,
«Навсегда... навсегда...
навсегда...»

* * *

Если при жизни нас разлучили,
То после жизни нас не разлучить.
Если при жизни мы не долюбили,
То после жизни нельзя долюбить.

Так и останемся — рядом! — недолюби.
Рядом — в раю! — у небесной реки,
Где все влюбленные — сизые голуби,
Недовлюбленные все — чужаки.

Рай — не Россия, не безлюбове,
Не бесталанье. Там все — благодать.
Недолюбившим настолько там больно,
Мучиться — рядом и рядом — страдать.

От безлюбования нету лечения...
Нет и в раю, если нет и в миру.

Господи, не обрекай на лишения,
Хоть после жизни, когда я умру...

Есть безупречно высокого племени, —
Грозы в глазах, и огонь, и печаль, —
Но ведь пришлась мне она не ко времени.
Недолюбовинка.
Искренне жаль!..

* * *

Солнечный день апреля.
Полой воды поток.
Шелкового пырея
Перышки под кустом.

Поле как будто дышит.
Озимь чуть-чуть парит.
Роцца, вздыхая, слышит
Жизни весенней ритм.

В эту хорошую пору,
Праздничную весьма,
То открывается взору,
Что отобрала зима.

Каждая почка — набухшая,
Каждая птица — поет
И для потомства будущего
Гнезда повсюду вьет.

«Помни о смерти?» Не надо!
Светлым апрельским днем
Сердце горит — о радость! —
Только живым огнем.

* * *

Предрассветные, лиловатые
На фоне темном облака.
По форме все — замысловатые,
Витиеватые слегка.

Чудно их контуры меняются.
В какой-то странной суете.
То сходятся, то разлетаются,
Как бы живые, в высоте.

Как перед свадьбою невесты,
Зарделись. Солнце не взошло,
Но облака уже задеты
Его лучом, его теплом...

Александр Иванович Мальцев родился в 1948 году в селе Лесополяна Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Работал в Воронежской области учителем, директором школы. Служил в органах МВД. Публиковался в журнале «Подъём», региональной печати, коллективных сборниках. Автор четырех поэтических книг. Живет в поселке Бор Рамонского района Воронежской области.

Александр Мальцев

МЕЛЬНИЦЫ

СТАНЦИЯ НИЖНЕДЕВИЦК

*Поезда усталые...
В памяти росчерк лиц...
С детства во мне составами
Станция Нижнедевицк!*

Из ранних стихов

Здесь,
В родном для меня захолустье,
Деревенские мальвы цвели...
На картошке, на щах и капусте
От сохи, от плетня, от земли
В люльке ивовой с громким криком,
По-крестьянски пошитый лыком,
Из пеленок спеша в мужики,
Я все крепче сжимал кулаки.

Чтобы в травы скорее, к солнцу,
Где букашит лохматый шмель,
Слушать, как скрипит у колодца,
Важно кланяясь, журавель.

ТЫ МОГ БЫТЬ УБИТЫМ

Ты мог быть убитым, а вовсе не пленным,
И наспех зарытым войною-бедой.
В огромной могиле с братвюю военной
Лежал бы в Крыму под высокой звездой.

С войны б не дошел до родного порога,
И мать бы не встретил, не стал мне отцом.

Завистливо глядели мы вослед
Велосипедам редким на дороге.

Зато, когда полуторка в пыли
Показывалась где-то на дороге,
Неслись за ней и ног не берегли...
О, как легко тогда носили ноги!

ПОМНЮ

Ту камсу на газете,
Пену пива и слов,
Помню гомон в буфете,
Толчею мужиков.

Отвоеваны страны.
Боль испита до дна.
Гомонят ветераны
Над бутылкой вина.

С костылями у стойки
У буфетчиц Марусь
Просит дяденькой водки
Победившая Русь...

СО ДНА ПАМЯТИ

— А ну, глазастый, вдень в иголку нитку, —
меня просила бабушка. Она:
— Какой там леший балует калиткой?
Посунется, глядит за занавеску.
Со вздохом оторвется от окна,
пошепчется с Царицею Небесной

И: — Ну, где ты, дед? Телка поить пора.
Сыпни курам, корове дай немножко.
Тут, глянь, их сколь — делов опять с утра,
а ты там затеваисси с картошкой...

— Не гомони, тут хворост не горит,
тут под загнетой ничего не видно.
Ну, пшел, проклятый, свет загородил...
Мычит телок. Телку и так обидно.

Кот на приступке жалок без тепла,
но печь тепла еще не накопила.
Плывут дымы над крышами села,
и дед впотьмах по сениям ищет вилы...

Их жизнь текла, и суетно стекла.
Она, как сон. Она — неповторима!
Там на погосте, на краю села
они лежат. Не проходите мимо.

МЕЛЬНИЦЫ

А еще было мельниц в округе, не счесть,
По ольшанским, ореховским кручам.
Где без крыльев, сходящие просто в навес,
Где крылами от ветра скрипучи.

Было форсом тогда увисеть на крыле.
Поднимали все выше и выше!
И сходилась все в точку внизу, на земле,
Чуя сердцем, как жердочки дышат.

А потом, как с обрыва, дугою и вниз!
И — как маятник, что на исходе,
Чтоб потом, как награда медалью: гордись!
Или что-то еще в этом роде.

От подобных игрушек в хребтине мороз
Даже нынче, когда вспоминаешь...
Но и в этом есть что-то, коль в сердце пронес —
Как себя ты иначе узнаешь?

Лишь сейчас, в этой мере жестоких забав,
В этой степени страха и риска,
Нахожу я разумность и степень добра,
Разнесенно в пространстве и близко!

Вот поэтому, встретив знакомых, узнал:
Как там мельницы те, а как эти?
Мне ответил знакомый — снесли «наповал»,
Как и не было мельниц на свете...

Как и не было бревен на конус вверху,
Шестерни наверху деревянной.
Даже привод на жернов, — он тоже в труху...
В душу ветер сквозно, окаянно.

СЕЛО ОЛЬШАНКА

Памяти Валентины Золотаревой

Месяц светел, белеют хаты,
Темен лес и блестит вода!
Как таинственные палаты
Соловиный сад у пруда.

Выше церковь. За ней, далече,
Там, на самом верху, ветряк.
По холмам, будто шаль на плечи,
В лунном свете лежат поля.

К ветряку и туда, за мельницу,
Заворачивает тропа.
Редко кто-то случайно встретится,
Чтобы скрыться опять впотьмах.

Лишь старухи пройдут с узлами,
С вечной ношей в своих руках.
С голубыми, как небо глазами
И мечтою, развеянной в прах.

Пробредут по-старушечьи бережно,
Скрипнут двери, прольется свет.
Спит Россия ночная, безбрежная,
И конца ее отдыху нет.

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

— Эй, памяти старая лошадь,
Поймаю — не дрогнет рука!
Так гибнуть выходят на площадь
Отжившие сроки века.

Из детства излом и провалы,
Изорванный в клочья бетон.
Тут долго земля пустовала,
Как не затихающий стон.

И мы уже стали большими,
И жизнь понеслась мимо глаз
Внасквозь пропыленной машине,
Вовсю нажимая на газ.

...Вот тут она ахнула — бомба,
Вот тут и оставила след;
В кустарнике клочья бетона,
А больше свидетелей нет...

ДЕРЕВЕНСКИЕ УСАДЬБЫ

Говорят: патриархально,
Говорят мне, что смешно
Восторгаться днем пасхальным
И смотрением в окно.

Дорожить дерюгой в доме
Из старинного тряпья,
И вдыхать тепло и томно
Запах спелого жнивья...

Но во мне зовущестъ далью,
Пыль и хлопоты дорог.

Я люблю избу, фатально
Повалившуюся вбок.

В явь во мне:
хмельные свадьбы,
Топот пляса, пьяный гик,
Деревенские усадьбы,
Бабьих споров шум и крик...

В тишине мне больно уши,
Брошено стоят сады...
Луг не нужен, дом не нужен,
Конь не помнит борозды.

Как же быть? Что стало с нами?
Даль молчит, и холм, и лес.
Нет навоза под ногами,
Пуст сарай и гол навес...

Сергей Васильевич Матыцин родился в 1979 году в городе Воронеже. Учился в Воронежском государственном педагогическом университете на факультете русского языка и литературы. Тренер-преподаватель по спорту, обладатель черного пояса по каратэ. Публиковался в журнале «Подъём». Автор четырех поэтических сборников. Лауреат многих литературных конкурсов и фестивалей. Живет в Воронеже.

Сергей Матыцин

НАУЧИТЕ МЕНЯ ЗАБЫВАТЬ О ПЛОХОМ

* * *

Иду не по шпалам, шагаю по рельсе.
Прогулки по шпалам — сплошная фигня.
И поезд навстречу мне не интересен.
Иду на него, ну, а он — на меня.

Я сроду не числился в самоубийцах,
И жить обожаю, и смерть не люблю...
И дальше шагаю, а поезд все мчится:
Уже расстоянье стремится к нулю.

Я вижу огонь в его круглых глазницах,
Но он не растопит в глазах моих лед.
Я сроду не числился в самоубийцах
И точно уверен — он первым свернет.

Мне надо туда, ему надо оттуда,
А путь лишь по рельсам,
по рельсам без шпал...
Мы прибыли оба. И это не чудо,
Что каждый туда, куда надо попал.

МАСТЕР

Мой смех звучит отдельно от веселья,
Отдельно сплю, отдельно вижу сны.
Я мастер слов отдельно от беседы
И мастер битв отдельно от войны.

Меня, как страх, отдельные малюют,
Чтобы отдельно стало им страшней.
Не грустно мне за жизнь мою такую,
Отделена от жизни грусть о ней.

И мне уже практически не больно,
Хотя болят отдельные места.
Отделен я — и этого довольно.
Я — мастер. Мастер с чистого листа.

* * *

Примеряла река
Облака, как наряды.
Из души рыбака
Песня, как из засады,

Вылетала о том,
Как заплыл он на лодке
На тот берег, где дом
Кареглазой красотки.

Заблудилось весло,
Солнце село на мели
И на волнах зажгло
Все цвета карамели.

Но ушла в камыши
Кареглазая рыба...
Песня есть у души,
И за это спасибо.

* * *

Что нужно бродяге?
Лишь ветер да воля,
В любой передрыге
Счастливая доля.

Что нужно бродяге?
Лишь чистое небо,
Немного отваги
Да сказка про небыль.

Что нужно бродяге?
Лишь крепкие ноги.
Ни рвы, ни коряги
Не портят дороги.

Что нужно бродяге?
Хорошая битва.

Где копы и стяги,
Да в сердце молитва.

Что нужно бродяге?
Лишь за поворотом
В глазах, полных влаги,
Родные ворота.

* * *

Прокричит где-то белая птица,
Или рыба о том промолчит,
Чтоб вовек не смогло позабыться
То, что где-то там слева горит.

Или это не слева, а в дáли
Слышен запах сожженной листвы...
Жаль, что чайки не то мне кричали,
И что рыбы молчали, увы.

Эхо криков и эхо молчанья
В тишине растворились одной...
Не по запахам, а подсознаньем
Понимаю, что пахнет весной.

КАРТИНА ЧЕРНЫМ

Черная птица на черную ветку
С черными листьями села в ночи.
Черная кошка, как черная метка,
В черной траве, притаившись, молчит.

Черные звезды на уголь похожи
Где-то меж угольно-черных ветвей.
Черные замыслы черный прохожий
В черной скрывает загадке своей.

Черное вытерло черные грани,
Черным по белому буквы горят.
Черная пропасть на белом экране...
Подпись: Малевич. «Черный квадрат».

* * *

Среди серых собратьев и бурых,
Тех, что были и будут всегда,
Выделялся он черною шкурой,
И бледнела пред ним чернота.

Он матер был, силен и опасен,
Но однажды какой-то порой,
Свою душу в любовь разукрасив,
Повстречался с волчицей одной.

Все так было и просто, и ясно,
И волчата у них родились.
Только коротко волчье счастье.
Коли волк — так и волчая жизнь?!

И однажды, вернувшись с охоты,
Тушку зайца сжимая в зубах,
У норы он увидел кого-то
При ружье и в больших сапогах.

Тот снимал ловко шкуру с подруги,
Что-то хрипло при этом ворча.
И безмолвно чернели в округе
Черно-красные трупы волчат.

Как убил, даже сам не заметил,
А потом как-то глухо завыл...
И, оттуда уйдя на рассвете
Уж не черный, а белый он был.

ВЕСЕННИЙ РОМАНС

Я хочу сочинить Вам одной свой романс о весне.
Пусть споют Вам одной его все прилетевшие птицы.
Я Вас видел сегодня во сне... И растаял весь снег,
На дорогах, полях и глазах, разливаясь водицей.

Я хочу рассказать Вам все то, что имею в виду,
Что Вы снится мне каждую ночь и все многие ночи.
Я хочу подарить Вам упавшую с неба звезду.
Но звезда все на небе горит, видно, падать не хочет.

Ну и что, ну и пусть, все равно ее Вам подарю,
Завяжу ее прямо на небе я бантиком алым.
Вместо ленты возьму возгоревшую утром зарю,
Чтобы Вам хорошо и тепло по весне этой стало.

Я хочу сочинить Вам одной... Я уже сочинил
Лишь одной Вам романс о весне —
Мой весенний подарок.
Тают слезы снежинок, упавши на слезы чернил,
С юга птицы летят, и волнуется чья-то гитара.

* * *

Отучите меня делать больно другим,
Я себе делать больно уже разучился.
Из меня никудышный герой получился:
Все геройство мое — только пепел и дым.

Научите меня забывать о плохом,
Научите, как верить и помнить заветы,
А еще научите добру... а потом,
Как плохой ученик, я забуду об этом.

Делать больно другим и себе буду я,
Буду жизнь прожигать, чтоб сильнее дымила,
И в процессе пойму, что не нужно мне было
Обучаться у вас бытию жития.

И тогда стану я, как и вы, мудрецом,
Но учить никого ничему я не стану.
Буду просто ходить с очень умным лицом
И с улыбкой давить каблуком тараканов.

* * *

Я, сам себе Иванушка Сусанин,
Водил себя обманутым врагом,
Где ветра нет, и мухи не кусают,
И на халяву пахнет шашлыком.

Все это проржавевшее, пустое...
Лишь только пепел, только прах и дым.
Оно мизинца моего не стоит,
Как и все то, что было вместе с ним.

Ну вот и все... Меня ласкает пресса,
Я раздаю автографы толпе...
И остаюсь по-прежнему повесой,
К тебе прилипшим, будто бы репей,

Мое ты горе — призрачное счастье...
Тебя моей дорогою несет,
Но на пути ломаются запчасти,
И я чиню упрямо это все.

Я сам себе устроил перемены,
Чтоб ветер дул в лицо, чтоб благодать.
И чтобы были парочкой моментов
Пространство шага и о чем мечтать.

* * *

Я стою на мосту. Он гудит. Он бежит подо мною.
Спотыкаясь, скользит по асфальту в холодном поту.
Он не может смириться с молчанием и пустотою.
Он стоянье мое ускоряет... А я жду и жду.

Я стою на мосту. И ищу. И не вижу чего-то.
Не могу отыскать. Не могу дотянуться-долезть.

Жду в движеньи его исправленья моих недочетов,
Где вина-не-вина, как тот суслик — не видно, а есть.

Я стою на мосту. И его ускоряю движенья.
И не чувствую в липкое мясо простоянных ног.
Я, себя не меняя, меняю мосты-привиденья,
Берега, направленья маршрутов, покрытья дорог.

Я стою на мосту. Ну, а он, будто шарик воздушный.
Подо мной подлетает, движением ветра гоним.
Я себя не менял и не буду менять... Но мне нужно
Отыскать-отыскать-отыскать... то, что не оценил.

Наталья Милякова родилась в селе Аношкино Лискинского района Воронежской области. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета. Работала преподавателем русского языка и литературы в сельской школе. Публиковалась в журнале «Подъём», региональной периодике, альманахах, коллективных сборниках. Живет в Санкт-Петербурге.

Наталья Милякова

ЖЕНЩИНА, ИКОНА И СВЕЧА

ЗИМНИЙ ВЕТЕР

Стынет время от встречного ветра,
Снег сдувая с сапог, словно пыль.
И секунды его в долях метра
Возвращают из прошлого в быль.

И от ласки его, как от смерти,
Не уйти никому, никогда.
На дорогах своих он, поверьте,
Ходит рядом со всеми всегда.

Вот и здесь на безлюдной дороге,
Далеко от родного крыльца,
Где избитые в кровь мои ноги
Тем страданиям не видят конца.

Зимний ветер меня растревожил,
Разбудил в душе праведный звон,
Где, у церкви крестившись, я ожил
И с молитвой стоял у икон.

Оттого сгреб я душу в охапку,
В поздний вечер под утренний свет
И как кролик, попавший в удавку,
Понял поздно того, чего нет.

И в ночи, в бездорожье шагая,
Вспоминаю березовый вид.
И в степи, на ветру замерзая,
Засыпаю от прошлых обид.

Сердце часто с душой на распутье,
С полной чашей судьбы на виду.
И, уставший, на белую грудь я,
В снег России своей упаду.

* * *

Не за памятью пришла,
Постучалася.
Больно лютая зима
Разгулялася.
Возле печеньки твоей
Греюсь, стужная.
Всех девчонок веселей
И ненужнее.
От того, что у меня
Очи синие.
А как сяду да взгляну —
Некрасивая.
Бойко вымолвлю словцо —
Не покаюсь.
Бойко выйду на крыльцо,
В пляс пускаюся.
Да хранит мое жильё,
Как пророчество,
Многоликое мое
Одиночество.

* * *

За горою небо плачет,
Облака теплом помяты,
В синий омут снова прячет
Теплый ветер руки мяты.
Далеко до звездной выси,
Мост мечтаний? Больно шатко.
Не подруга желтой рыси
Звездопадная лошадка.
Дребезжи в кустах сирени,
Шумный ветер, пой и смейся.
Под слова игривой трели
Упади, звезда, согрейся!

* * *

За окном не под снег снегири...
Как завьюжило, как закружило.
Некрасивые руки свои
Я, как мертвые крылья, сложила.

Крепкий виски с зимою на дне
Пахнет стужей, острогом и ложью.
Больно, больно и лишь в глубине:
«Что ж, любимый, на все воля божья».

* * *

Все писала письма девушка,
Мол, живи свободной, пей
Сок березовый да небушко —
Умер старый соловей.
Умер в роще, за околицей,
Где любил до зорьки петь.
Похоронен богомолицей,
Коей завтра умереть.
Мол, наденешь платье рыжее,
В косы ветер заплетешь.
Подвенечная, бесстыжая
В дом разбуженный войдешь.
Но случайною бессонницей
Возвращает мне земля
Старый дом да за околицей
Горький голос соловья!

* * *

В седину берез упали тени,
Знала я: вернешься навсегда.
Отцвести ресницы не успели,
Но успели отцвести года.
Ты хранил молчанье гробовое,
Путь души — снега и фонари,
Как ты жил за той простой чертою
Незабвенно-стонущей любви?
Странник мой, судьбу тебе пророча,
Круг дорог сомкнула в крест звезда,
На земле, одетой в вечность ночи,
Отдаляют голос поезда.
Грешник мой, останови ладони.
Дай в глаза забытые взглянуть,
Захлебнуться в непонятном горе
И в блаженной радости уснуть.
Воскресать из прошлого так поздно,
Я же вновь простила сгоряча.
В тихом доме полночью беззвездной
Женщина, икона и свеча...

* * *

Ничто не может превозмочь
стремления к высокой цели:
звезда и дерево, и ночь
стоят у детской колыбели.

Ребенок разомкнул уста
и наши звезды полетели
от колыбели до креста
и от креста до колыбели.

* * *

Я жил сомнительно и слепо —
дороги побоку вели,
но молния упала с неба,
а тишина — из-под земли.
Я понял это напоследок
и видел молнию во сне,
когда потомок мой и предок
еще не умерли во мне.

Выходит, есть на свете сила,
помимо кровного родства,
которая провозгласила
свои наследные права.

* * *

Деревья никогда не спят
и — во саду ли, в огороде —
чуть ветер — листья шелестят,
по человеческой природе.

Есть заповедная страна,
где все по-своему неправы,
но помнят наши имена
деревья, облака и травы.
Они живут накоротке,
чужую память опекая,
и поминутно окликаая,
на шелестящем языке.

* * *

Жизнь устаканилась,
и понемногу
определилось ее существо:
я направляю послания Богу
и получаю ответы его.

Если идти по течению Леты,
то получается, как ни крути,
что доставляются эти ответы
через людей незнакомых почти.
Вон, рыбачок у причала шаманит,
я подойду, за спиной постою;
он обернется и запросто глянет
с облака
в самую душу мою.

* * *

Когда мы отправимся в царство теней,
которые свет охраняют,
окажется, что ни друзей, ни коней
на этом пути не меняют:
никто не умрет, никого не убьют,
красивые лошади скачут,
живые друзья на застолье поют
и русские женщины плачут.

* * *

Эта Родина проще простого,
эта правда, как небо, стара.
У кривого столба верстового,
наконец, оглянуться пора.
Сколько всякого было-случалось
и случается в ней до сих пор! —
и земля под ногами качалась,
и стреляли друг друга в упор.
Но, какого-то лешего ради,
представляется мне, например,
будто жили по вере и правде,
будто слушали музыку сфер.
У кривого столба верстового
подымается дым без огня.
Эта Родина проще простого,
эта вера от пули меня...

* * *

По одной из лунных траекторий,
как и все, через немного лет,
уходя без лишних аллегорий,
погашу невыгоревший свет.
Там, где оседает позолота
на седые лунные холмы,
сколько и кому платить по счету
самоутверждающейся тьмы?

Если время ходит по спирали,
а спираль раскручена во мгле,
то выходишь к свету.

Но, едва ли,
по пути, ведущему к Земле.

* * *

...и на кого же, спрашивается, пенять,
если не все бессмертны, по крайней мере?..
Я не могу постичь,

но могу понять:
каждому воздается

по высшей вере.
Где-нибудь за терриконами наших дней,
за рубежом галактического кошмара
вера неистребима,

и перед ней
время имеет форму
Земного шара.

* * *

В угаре любви,
в апогее застолий,
на позднем параде остывших планет
я вдруг понимаю, что Божьею волей
от жизни уйду,
а от вечности — нет.
Случается то,
что не может случиться
на этой планете и, как не крути,
живая душа безотчетно стучится
в Господние двери
на Млечном пути.

УДАЧА

Никого ничем не попрекая,
наконец, увидел наяву,
почему судьба моя такая
и благодаря чему живу.
Слава Богу, что не позабыли
феи, серафимы, соловьи,
женщины, которые любили,
и друзья хорошие мои.
Слава Богу, в лучшие мгновенья
честно удается заслужить
пониманье и благоволенье
тех, что жили или будут жить.

Александр Гаврилович Нестругин родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Окончил юридический факультет Воронежского государственного университета. Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Подъём», «На любителя. Русский литературный журнал в Атланте» и других. Автор семи сборников стихов. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина, международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце», им. С. Есенина. Живет в райцентре Петропавловка Воронежской области.

Александр Нестругин

МОЙ ВЕК ИЗНУТРИ ВЫГОРАЕТ...

* * *

Как шуршит, шелестит, шевелится толпа!
Сердце медлит, сверяя: «Свои — не свои».
...А под кронами дней — ледяная крупа.
И опавшей листвы ледяные слои.

Жизнь моя, ты случилась судьбой, не игрой:
Ветер встречу — да секущие брызги крупы...
Как пружинит, как дышит лесной пережной,
Когда вновь ухожу от набитой тропы!

Он еще не промерз... Он листвою согрет —
Этой вот, ледяной... Но верней и сильней —
Той, что падала тут — там, за тысячи лет —
И упруго кружит меж тяжелых корней.

И ее не собьет ледяная крупа —
И потуги подошв моих — тяжких, литых.
Недвижима, незряча, глуха и слепа —
Та листва отогреть эти кроны летит...

* * *

Чем я живу, упорствую,
Стужу горячий лоб?
Честней горбушка черствая
Ванильной спеси сдоб...

А как же те — «элитные»,
С рублем наперевес?

За кодовой калиткою
Ночами ходит лес...

За кленами, за елками —
Стоит судьба, не роль.
Что уведет проселками
Менять ваниль на соль.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Памяти друзей-поэтов

Здесь не заказывают столик...
Здесь, где мой день еще не стих,
Шумит листвой Ионкин Толя
В ряду осокорей донских.

Здесь все и вечно, и мгновенно...
Здесь крайобрывный шепчет вяз
Чуть слышно, но — проникновенно,
Как мог один Никулин Стас.

Здесь вновь в гортани вязнет слово,
Что и не снилось, да сбылось...
Как взгляд Геннадия Луткова —
Свет родины сквозь чернолоз.

Они меня уже не видят —
Сквозь плеск листвы, сквозь жизни гуд.
Они навстречу мне не выйдут,
Здесь, у обрыва подождут...

* * *

По осени, когда судьба ложится решкой —
А где пчелиный звон, а где шмелиный гуд? —
Отавный молочай задел меня усмешкой
От холода темно залиловевших губ.

Он удалью быллой — по грудь мне был! — не грезил,
Он цвел, но с делом тем к чужим в глаза не лез.
И виноватым был, что был под корень срезан,
И виноватым был, что не засох тот срез.

Он не взмывал, не вис сиреневым салютом, —
Стелился по земле, как в непогоду дым.
И виновато я ответил почему-то,
И виноватым я остался перед ним...

* * *

— Запаливши десятки Одесс
(Дым майданный — ошую),
Что вы ищете, слезыньки, здесь?
— Украину большую!

Нами Львов окликает Донбасс...
— Как же вас пригостили?
Как же, слезыньки, встретили вас?
— В каждый дом нас впустили...

И погост нам распахнут, и храм...
— Что же вы загрузили?
— Снятся горько — и тянутся к нам
Те места, что взрастили...

* * *

Мы — братья, но друг друга судим, —
Набрав слова обид свинцом.
И очужевший Днепр не чуден —
За дымным Северским Донцом.

По крику смертному, по стону —
Мы долю страшную кроим!
...И беженцы выходят к Дону —
С Донца горящего, к своим...

* * *

Эх, люди, люди-человеки,
Родня моя с клеймом «совка»!
Сколь ни мети теперь сусеки,
Былого кончилась мука.

Метя и сея-высевая
Остатки над пустой сумой, —
Нет, не испечь нам каравая,
Не сесть за стол большой семьей.

А в закромах — темно и сорно...
Но все же дела нет верней —
Ощупкою тугие зерна
Искать в полове этих дней.

Им, зернам тем, не быть помолом:
Они сойдутся, по горсти,
Чтоб в поле темном, в поле голом
Упав — отчизной прорасти.

* * *

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь» —
Здесь, где лишь в счет кукушкин верило детство, здесь,

Где поднимались дети — и внуки обочь растут,
Где — сквозь терны, раздето — тянутся ко Христу

Отповедь, проповедь, заповедь — правдою без лакун,
Где окликают за полночь Авель и Аввакум;

Где — не дерюгой серою, дыбою без улик —
Клонится к слову Сергия поле, где жил кулик;

Где голова Емелькина, красная на миру,
Катится к почерневшему — в ужасе — топору;

Где все идет аллеею, — в бронзе, поверх голов, —
Благословенье Ленина — золоту куполов;

Где, — что я там ни вытворю, не целовав креста, —
С бабушкиной молитвою ждет меня темнота...

* * *

Не ткал узоров — и не вытку...
Чиню знакомое до слез
Мемориальной зябкой ниткой —
Все руки исколов, внахлест.

И мне не страшно и не горько,
Что я почти не вижу шва —
И непослушная иголка
Порой в укорах не права.

Ведь жизнь сквозящая — не пальцы,
Где нить вжимается в канву.
И в кровь исколотые пальцы
Еще родней слепому шву...

* * *

Строка, от честных слез незряча,
Не мимо ль родины глядит?
И кто-то скажет: «Хватит плача!»,
На сотни строк таких сердит.

А мы уроним очи долу —
И нашу боль, и нашу жаль, —

Чтоб не глядеть в глаза глаголу,
Что крепко-крепко губы сжал.

И покиваем на стихии:
На слом времен, на власти дурь.
Держать глаза всегда сухими
Непросто в непогодь и хмурь!

И новый повод нам для плача:
Страна сбивается с пути —
Строка, сама от слез незряча,
Ее пытается вести...

* * *

То скины, то фаны брусчатку к себе примеряют...
Как старый торфяник, мой век изнутри выгорает.

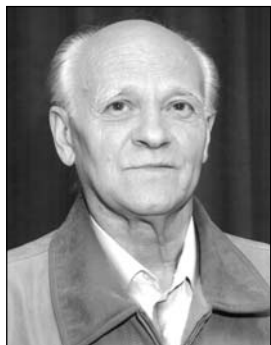
Хоть мною не выдан — для новой эпохи не торен,
И даже не виден — сквозь сизую мгу мониторов.

Где лево, где право — соврет нам дорога чужая,
Сады и дубравы — и нивы, и небо — сужая.

Где искры, где пламя? — а Несторов перья слезятся.
Не имущим срама с отчизной уже не связаться,

И меркнет их слово, что звало на подвиг, на жертву:
Обугленный провод смотали штабные снабженцы.

Но правда живая все шепчет мне: «Веруй и помни...»,
К себе прижимая еще не сгоревшие корни.

Владимир Максимович Нефёдов родился в 1938 году в селе Монастырщина Богучарского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Около 50 лет проработал в сфере образования. Публиковался в журнале «Подъём», региональной печати. Автор поэтических книг «На выдохе — строка», «Долгая дорога» и др. Живет в селе Новая Усмань Воронежской области.

Владимир Нефёдов

НЕВЕДОМЫЙ ГОРОД

ДОМОЙ

Я покидал Лазурный берег Крыма,
Все виденное в памяти сведя.
Он, этот край, и впрямь неповторимый...
А мне роднее капельки дождя,

Те, что над лугом только прошумели,
Сбивая пыль с цветочных лепестков,
С присвистом пение хохлатки-свиристели
И утра рыцарей — горластых петухов.

Мне дороги и запахи, и звуки
Донских причалов, плесов и левад.
И чувства, обожженные разлукой,
При встрече обостряются в сто крат.

Да что, скажите, здесь души не тронет,
Когда все сердцем впитано смальства.
Душистый ландыш тянется к ладони —
Свидетель неделимого родства.

* * *

Умру, не хороните мое сердце,
На душу не берите лишний грех.
Оно молчит, устав от горьких специй,
Чем потчевал его двадцатый век.

Чуть-чуть покоя,
И так может случиться,
Что оживет, забудется в энный час.
Негоже ему тлену предаваться,
Своей любви не исчерпав запас.

* * *

*Воробьи летают стаями.
Одинокими — орлы.*

В. Фёдоров

Мне грустно одиночество орла.
Всевышним созданный для стаи,
Я верен ей,
В ней жизнь моя прошла.
А если время крылья обломает,
Не свыкнусь с одиночеством,
Я знаю...
Тоскливо одиночество орла.

* * *

Периферийный милый городок,
Ты для меня иных столиц дороже.
И нашему родству не мерян срок,
Хотя я год от года не моложе.

Москва и Курск, Ростов и Краснодар...
Да мало ль где судьбою я отмечен?
Ты всюду был со мною, Богучар,
С послевоенной первой нашей встречи...

Быки телегу еле волокли,
Прохладой вечер заползал за ворот.
По времени — проехал полземли,
Но где же он, неведомый мне город?

Вдруг сказочно звездностью огни
Упали, мягкие, на склоны ветровые.
Такими мне и помнятся они,
Перед мальцом представшие впервые.

Что мне она, не вечность под луной?
Луна сама не вечная...
И все же
Я рад закономерности иной:
Чем старше я, тем город мой моложе.

ОДНОСТОРОННЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Прошла ли жизнь или пройдет —
Таков удел ее извечный.
Я ж не трамвай,
Чтоб взад-вперед.
Нет разворота на конечной.

* * *

Сливаются капли, свежи и прозрачны,
Водичка к водичке — уже ручейки.
Чутье ль помогает (а что же иначе?)
Им выйти к желанному руслу реки.

А речка о море далеком мечтает.
Торопится — тесно в родных берегах.
Не знает, что горько-соленою станет,
Что это расплата в обмен за размах.

Пока не пугают морские течения,
Но шторм оборвет эту нежную нить...
Так нам за мечты и свои устремленья
Однажды приходится тоже платить.

Станислав Николаевич Никулин (1937–2011) родился в селе Михайловка Шпиколовского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Работал ответственным секретарем областной газеты «Молодой коммунар», заведующим отделом поэзии и ответственным секретарем журнала «Подъём». Автор восьми сборников стихотворений, среди которых «Сентябри», «Земные голоса», «На расстоянии сердца», «Соловьиная молитва».

Станислав Никулин

ШЕЛЕСТ ДЕРЕВЬЕВ

**ВОЗЬМИ НА СЧАСТЬЕ
СНЕГИРЯ**

Внуку Алеше

1

Неужели был я маленький
и тропиночка вела
к дому низкому под ставенки
на окраине села?

Неужель шумели тополи
и метель над головой
и под вечер ноги топали
по тропиночке домой?

Неужель, что было молодо
и не зелено потом —
все жестоко перемолото
и давно пошло на слом?

Как же так?
Забрел лишь в темень я
вместе с родною страной
в годы долгого безвременья
и дорогою не той.

Там могил несчетно вырыто,
там от страха
сводит рот...
Говорят: что было — сплыло то.
Ну, а если приплывет?

Ты расти, не бойся, маленький,
у тебя свои дела...
И открой резные ставенки
на окраине села.

2

А твой январь-старик далече,
Легко дышать душе молодой...
Еще, как говорят, — не вечер,
Шаги надежды за спиной.
Еще не пройдены дороги
Между началом и концом,
Еще не раз печаль тревоги
Развеет ветер пред лицом.
Когда же сердцу станет грустно,
Уйми его и пожалей,
Любви негаснущее чувство
Оберегай от черных дней...
Возьми на счастье снегиря
У молодого января.

3

Угаснем все, сгорим свечой —
и одиноки, и бездомны...
Не заклинаю ни о чем,
а только умоляю: «Помни...»

Исчезла незаметно вдруг,
как сон, нечаянная радость.
И все сужается мой круг,
все неприкаяннее старость.

С тобой сроднились навсегда
мои успехи, взлеты, смуты —
невозвратимые года,
неповторимые минуты...

4

Когда меня уже не будет,
ты останешься на земле.
И вот однажды
я проплыву над твоей головой
облаком,

ничем не потревожа,
лишь на мгновение закрыв солнце.

«Странно, — подумаешь ты, —
был такой ясный день,
и вдруг потемнело.
С чего бы это?»

Ты посмотришь на небо,
но ничего особенного не увидишь,
кроме темного облака,
все дальше и дальше уплывающего.

Но какая-то смутная тревога
овладеет твоим существом.
И, не зная почему,
ты поднимешь руку,
помашешь облаку
и скажешь: «До свидания...»

СЛОВО

Анатолию Жигулину

1

Все меньше
и тревожней
пишется,
нет легкости былой уже —
все больше
видится,
и слышится,
и замечается душе.

Я до поры в себе не трогаю
того, что бережно храню:
душе просеять нужно многое
и многое предать огню.

Тогда, ничем не замутненная,
как родничок, забьется мысль,
тогда и слово окрыленное
приобретет и вес и высь,

нальется силою и нежностью —
о жизни будет говорить.
О, дай-то бог слепой поспешностью
порыв души не оскорбить!

Чтобы она, меня не мучая,
не растворялась в чепухе,

а, словно дудочка певучая,
от счастья плакала в стихе.

2

Красивости все реже, реже
приятны сердцу и уму.
И то, что увлекало прежде,
я не всегда теперь приму.

Меня преследует повсюду
и окликает простота.
О ней уже не позабуду
над белоснежностью листа.

Но нелегко к ней подступиться
и навязаться ей в друзья,
ее и в сеть-то,
словно птицу,
обманом заманить нельзя.

3

В плену у зазвучавших слов
не обрести душе покоя.
Подчас, измученный борьбою,
я бросить все уже готов.

Как несговорчивы слова,
упрямы как и непокорны!
Они в меня пустили корни,
на сердце предъявив права.

О, сколько нужно им тепла,
чтоб щедро распускались почки
чтоб веточка возвращенной строчки
цвести и зеленеть могла!

* * *

Мысль изреченная есть ложь.

Ф. Тютчев

Когда называют поэтом,
становится стыдно при этом...

Задумчивы так деревья,
заманчива даль небосвода,
шаманит под ветром трава,
и всюду — свобода, свобода.

Века затерялись в горах,
где речки, как дождь, говорливы.
Как выразить это в словах —
они бездыханны и лживы.

И тайн у природы не счесть,
она нас жалеет и судит...

А то, что поэзия есть, —
так это придумали люди.

* * *

Дочери Наташе

Куда идешь,
мой славный человек?
Какие уведут тебя дороги?
Каким ты будешь —
ласковым иль строгим?
Каким он будет,
двадцать первый век?

Все так же будут
травы зеленеть
и воробьи веселые резвиться.
И может быть,
тебе потом приснится
и первый шаг,
и трепетная ветвь,
которая окошко закрывала
прохладною дрожащею листвою.
Ты вспомнишь:
солнце рыжее вставало
над солнечной вихрастой головой,
над детскими цветастыми мирами,
которые понятны лишь тебе.
Ты вспомнишь,
как любила с нами петь
вечерними уютными часами.

А за окном —
твой двадцать первый век,
и рядом нет
ни мамы и ни папы...

Кружится твой пятидесятый снег
над городом,
над прошлым,
над лесами...

ВЕРА

И верят мертвые живым.

Я. Смеляков

Сошли мы, что ли, все с ума
и стали равнодушны к слезам,
и вот проходим как чума
по кладбищам и по березам.

Сжигаем, пробивая, высь
и черным дымом солнце застим.
Откуда только мы взялись
Такой безбожной серой масти?

Как будто не было потерь,
всего, что натворили с нами,
а мы и в ближнего теперь
еще бросаем прежний камень.

Иль свету белому конец?
Иль в атомном тумане дали?
Как стадо глупое овец,
нас пастухи совсем загнали.

И мы пылим, пылим, пылим —
ни зги не видно на дороге.
Не сами мы, а нам самим
еще переставляют ноги.

И рабский дух неистребим,
и все объято пустотою...
Не верьте, мертвые, живым —
они совсем того не стоят.

ПОТЕРЯННЫЕ СТИХИ

Так много слов
пропало для меня:
не собрано с цветов,
давно увядших,
не отнято у яростной грозы,
у родников, у шелеста деревьев.

А сколько слов
я слышал от людей,
но все ж на них
не обращал вниманья!
И те слова
теперь уже не вспомнишь,

а если вспомнишь,
то мертвы они.

Слова когда-то жили в разговоре,
имели вкус свой,
краски и оттенки,
но вовремя я это не заметил —
и многие потеряны стихи.

Наверное, глаза тогда ослепли,
душа уснула,
сердце не стучало,
и не было мне никакого дела
до красоты и сказок на земле.

СЕРДЕЧНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

Анатолию Ионкину

Я не верю бездушным приборам,
мне другой уготован удел.
Но в одном соглашаюсь без спора:
сердца, правда, совсем не жалел.

Не рассчитывал я на удачу,
за вниманье платил я вдвойне.
Вот и вышла она, недостача
сил, что были отпущены мне.

У других со здоровьем порядок,
на сберкнижках полно серебра.
Но все больше приводит достаток
к недостатку любви и добра.

Я с твоей не расстанусь порукой,
бейся, сердце, и ночью и днем.
Недостаточность... Экая штука!
Мы и с ней по-людски доживем.

ХОРОШИЕ ЛЮДИ

Это было и будет
в мире света и тьмы:
все хорошие люди
остаются детьми.

Засмеются — так звонко,
веру ближним несут,
с чистым сердцем ребенка
на планете живут.

Под житейскою крышей
до сих пор не привык
я к тому, что мы слышим:
— Стал ребенком старик...

Не пристало беречься
им ни в зной, ни в пургу.
Возвращение к детству —
возвращенье к добру.

Незаметным участием
радость делаем мы.
Это высшее счастье —
оставаться детьми.

Александра Александровна Никулина (Веретина) родилась в поселке Анна Воронежской области. Окончила Воронежский государственный педагогический университет. Работала вожатой в школе, воспитателем в детском саду. Автор книг стихотворений «Мимо...», «Наскальная поэзия», «Местонеимение». Публиковалась в журнале «Подъём». Обладатель поэтического гранта XX международного молодежного фестиваля поэзии и авторской песни «Оскольская Лира», лауреат Исаевской премии (2012). Участник Воронежских областных совещаний молодых литераторов в 2010 и 2016 годах. Живет в поселке Анна Воронежской области.

Александра Никулина

НЕГРЕЮЩЕЕ СОЛНЦЕ

ВОЗДУХ

Если нас называют и видят калеками —
Обязательно — боль? Обязательно — груз?
Я как пыльная ведьма с зашитыми веками.
Я пытаюсь распробовать воздух на вкус.

Не сочувствуй мне!
Сердце откликнуться ленится,
И душа — раз глаза есть ее зеркала.
Если я их открою, хоть что-то изменится?
Я не знаю, но я бы сейчас не смогла.

Если я их открою, то что-то убавится! —
От инстинктов качнет в направленьи ума...
Забери свою мелочь. Я не христарадница.
Меня кто-то слепил, ослепила — сама.

Воздух нервный, сухой,
перепачкан дыханием...
Страх. Восторг. Вождеделение.
Ненависть. Страх.
Воздух плотный и сытный.
Чреват привыканием.
Он совсем не опасный на первых порах.

Кто придумал его, это странное варево?
Не подумай плохого — я все-таки им
Не питаюсь. Пытаюсь я им разговаривать.
Что ты чувствуешь в воздухе —
влажность и дым?

Как ничтожно! У нас, из пещерности вышедших,
Где-то память хранится, как воздух читать.
Он густой. Он настоян на чувствах всех дышащих.
Вот оттуда берется желанье летать.

Мы забыли... Оттуда — ушибы и вывихи,
Неумение и нежеланье вернуть.
Я катаю во рту твои вдохи и выдохи,
Языком разминая их терпкую суть.

Я травлюсь. Я пьянею. А раньше хотела лишь,
Чтоб в глазах отражался герой, а не трус...
Утопи меня в зеркале. Стой, что ты делаешь!
Я пытаюсь распробовать воздух на вкус.

* * *

Танцевать бы под ласковым теплым дождем,
Или с кем-то разгуливать в ногу!
А мы с мира по нитке, по нитке идем...
Нитка — тонкая. Нас — слишком много.

И зимой, как в берлогу зарывшись в постель,
Свои сны ворошим и напасти,
Мы глядим, как в агонии бьется апрель —
И считаем, что бьется он к счастью.

И подернулись дымкой подснежники глаз,
Руки грустно упали вдоль тела...
Кукла сломана, тупо глядит из угла...
Это значит — она надоела.

Дождь — холодный, как кованое серебро —
Осыпается выцветшей фреской,
И повесив на радуге веру в добро,
Мы на цыпочках выйдем из детской.

* * *

Мне кажется, что гордиться нечем —
Все было давно, и все развенчано,
И все развинчено, и бесконечен
Мой путь до точки, на карте отмеченной.

Я здесь по привычке. И в голове —
Все те же мысли, усталые, блеклые...
Как дым, который застревает в траве
Лишь оттого, что она мокрая.

* * *

Я замолчала.
Я заблудилась в доме отчем.
Я не помню начала,
Это случилось между прочим.

Я замолчала.
Это случилось в ночь на зиму.
Только сердце стучало,
Спешило невообразимо...

Видящие в гибельном красоту, поэты мои!
Вас так немного вокруг! Поэтому и
Я замолчала.

* * *

И тогда наступило безветрие.
В окруженье чего-то хорошего —
Одинаковых дней геометрия
И ночей полусладкое крошево.

И тогда наступило забвение
Для безумия и беззакония.
Словно иней пустила по вене я —
И монументовалась агония.

И тогда наступило прощение
Всех обид причиненных — по давности.
Погадай накануне Крещения,
Как уйти мне от этой бездарности,

От безродности, от без чего-то там,
Что искрилось и было мне именем.
Тишина обрывается рокотом,
Жалким воплем: «На что же ты выменял

Свою радость беспечности, бестолочь?!»
Но вопрос этот — лишний, как ижица.
Остается свободное место лишь,
Чтоб смотреть, как Вселенная движется —

В направлении прямо и по ветру,
В отклонении от равнодушного.
Чтоб не спать и не плакать, я брови тру,
А глаза — слишком больно. И нужно ли?

Бездыханность героев и идиолов
И усталость в личине смирения.
Беды выдумав, место им выделив,
Я пытаюсь ожить для горения.

ВОЛНЫ

Небо распускало темные волны,
Каплями падало — да все не в ладонь!
Вороненой ночью — воры да вороны...
Счастье шальное не проворонь!

А сны на рассвете комкают улицы,
Пишут картину над пьяной душой:
Берег. Ветер. Море волнуется.
Не волнуйся, море, все хорошо.

ОТТЕПЕЛЬ

Снова стихи как законы чту,
Просто, как в детстве, — не быть плохой.
Мне девятнадцать лет на свету —
Лишние в тень слетят шелухой...

Глубже во тьме голоса дрожат,
Ярче во тьме проступает луч.
Стягивать горло, славу стяжать —
Это пустое! А свет колюч —

Он выгибает полумостом
К вечному небу, что ждет грозы.
Я говорю тебе о простом,
Я вспоминаю весны язык.

Душные стены. Но ветер жив —
Он растанцуется изнутри,
Он раскачает нас — и держись
Только за ручку моей двери...

ЦАРЕВНА НЕСМЕЯНА

Отпей воды, царевна Несмеяна,
Утри глаза и отпусти обиды.
Посмейся хоть над тем, что натворила —
Твой смех, как и твой плач, не будет понят.

Тебе все помогать берутся рьяно,
Но ты смурная, будто с панихиды.
Оно немудрено. Перемудрила!
И кто-то, стиснув зубы, глухо стонет. —

Да это ж ты сама! Тебе осталось
Негреющее солнце из кармана
Да право иногда смотреть украдкой
На чудный мир, что подан был на блюще...

Потерян он! То горечь, то усталость...
Ложись в постель, царевна Несмеяна,
Согрей ее бесслезной лихорадкой,
А завтра утром не забудь проснуться.

* * *

Легко. Но если снова трудно станет —
Пусть будет рядом ангел, я прошу!
Какой-нибудь. Какой не слишком занят,
Чтобы слышать, что навзрыд дышу.

Пускай и невысокого он званья,
Пускай он не ворочает пока
Вопросами в масштабах мирозданья
Или отдельно взятого мирка,

Пускай он может ненамного больше,
Чем я сама могу на пике сил,
Пускай бы плоть — плотней, а крылья — тоньше,
Пускай не много мудрости вкусил,

Пускай! От мудро-равнодушных душно!
А он — поймет. И если я молчу,
Поможет мне, когда всего-то нужно —
Прикосновенье теплое к плечу.

* * *

Вся исчерпана я и исчеркана —
Неизбежная боль воскресания.
На поверхности старого зеркала
Расходились круги от касания.

Пустяки, возведенные в правила,
Расплодились во мне паразитами.
Я сама себя к стенке поставила,
Утыкаюсь глазами несатыми

Я в сквозные широкие трещины —
В них вся истина, только наизворот,
Там мелькают ребенок и женщина
В ожиданье, кого из них выберут...

И бросаясь из крайностей в вольности,
Выбираясь от пропасти к крепости,
Я пытаюсь достойно всю боль нести,
Обретаюсь на грани нелепости.

Но надеюсь, что все это временно,
А возможно, еще и пространственно.

Постояв у стены той растерянно,
Я, не зная зачем, лезу на стену.

Я со снами борюсь безобразными
Явью той, что еще не построена,
И мешается в горле со спазмами
Гордый голос плененного воина.

* * *

Прищур моего пращура зол,
Жирной золою жизнь изошла.
А я не считаю зазорным зазор,
Если он под собой не имел зла.

Что ты правдой глаза колешь мне?
Мои раны не береги!
Что с того, что в душе — пролежни? —
Раз не люблю, так не гляди!

Мне ли в радость все ждать случая
И надеяться на авось?
Оттого-то я и колючая —
Что задумалось — не сбылось...

Я вздохнула. Так прошел год.
Привыкаю не считать лет.
По двору идет чужой кот,
Потому что своего нет.

Холод льнет мокрым льном к плечу.
Жду: далеко ли от льна до льда?
И не думаю, что я лечу —
Ветром носит и мусор, да.

ДЕТСКИЙ ЛЕПЕТ

Добрый день. Я — скелет и тридцать пять килограммов мяса.
У меня нет концепции, цели... зато до черта причуд.
Я плыву без компаса, как говорят моряки — без компаса.
Впрочем, все это частности. Я не об этом сказать хочу.

А из окружающих лозунгов эгоизма
Можно выбрать любой: «Кто не с нами — тот против нас»,
«Возлюбите ближнего», «Ненавижу себя», «Организму
Не хватает кальция» и «Строй свое будущее сейчас!»

Но как будущим жить, как думать о нем без опаски?
Можно просто перевести часы — и айда!
Но, увы, так ведь тоже случаются неувязки:
Я хотела идти на крышу — пришла сюда.

И сказать-то мне нечего, я здесь стою, по сути,
Просто так, без мотивов, за здорово живешь...
И от этого восприятия ведь не будет!
Когда нечего больше сказать, говорят: «Молодежь...»

Молод еж выставлять наружу свои колючки!
Я ж не спорю! Мои амбиции — напоказ.
Посмотрите в мои глаза — я, быть может, лучше!
Но не пробуящим на зуб трудно понять на глаз.

Может быть, говорю нахально. Может быть, смело.
Попытаюсь пространную речь чуть-чуть обкорнать:
Если кто-нибудь понял, что я сказать хотела,
Расскажите мне после. Мне очень важно знать.

* * *

У меня на пороге трава растет,
Тянет соки из выдохшейся земли.
Истощенная словно последний лед,
Я шепчу: «Окрыли меня! Окрыли!»

Уронила вчера оберег в траву,
И найти не сумела порой ночной —
Помешала трава...

Я ее не рву —
Это — счастье того, кто придет за мной.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Пятница. Ветер ударил плетью,
Эхом рассыпалось на лету:
«Крови!» Второе тысячелетье
Капли все катятся по кресту...

Нам остается в своем сиротстве
Только смотреть на слепой закат...
Пятница. Горе. Багровый отсвет.
Вера — на ощупь и наугад.

Евгений Григорьевич Новичихин родился в 1939 году в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил Воронежский лесотехнический институт. Автор более сорока сборников стихотворений для детей, сатирических миниатюр, литературных пародий, переводов, краеведческих этюдов, нескольких киносценариев. Лауреат премии и.м. М.А. Булгакова и А.П. Платонова, журнала «Подъём» «Родная речь». Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей России, член Союза кинематографистов. Живет в Воронеже.

Евгений Новичихин

ДЫШАТЬ С ТОБОЮ ВОЗДУХОМ ОДНИМ...

* * *

Стократ своей судьбою пообтесанный,
Я словно спал, от всех себя тая.
И вдруг моей постылой, тусклой осени
Слегка коснулась молодость твоя.

В тот час вспорхнули надо мной ветрила,
Вдыхая жизнь, по-своему граня.
... Что ж, ты меня, по сути, породила —
Теперь ты вправе и убить меня...

* * *

Мне привиделось:
Любят меня.
Смысл мне чудился
В каждой улыбке.
Не поэтому ль
День ото дня
Совершал я
Такие ошибки!

Сбросил я
Этот тяжкий балласт,
Эти гибельно-грузные гири.
Почему ж
Тяжелее сейчас
Мне в моем —
Безошибочном —
Мире?

* * *

То, что влюбленный слеп,
совсем не вздор.

Я сам порой
Своим влюбленным взглядом
Не замечал, увы, того, что рядом,
И не смогу заметить до сих пор.

Зато я вижу прошлого следы,
За горизонт заглядываю смело.
А то, что рядом много ерунды, —
Мне ровным счетом
никакого дела...

МОЛИТВА

Господи,
Спаси и сохрани
В ясный час ее
И в час ненастья.
Дай ей сил
В нерадостные дни,
Мудростью отметь
В минуты счастья.

Господи,
Избавь ее от бед,
От людей недобрых,
От болезней.
Пусть уж лучше мой
Иссякнет след,
Сгинет в бездне...

* * *

Иные даже
Крошке хлеба рады,
Ну а другим
Весь мир необходим.
А мне для жизни
Лишь одно и надо —
Дышать с тобою
Воздухом одним...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Последняя любовь...
Она — девятый вал,
Громящий все и леденящий душу,
Вздымающийся выше встречных скал,
Обломки извергающий на сушу.

* * *

Смешон и непонятен
в мире этом,
Гляжу на жизнь сконфуженно слегка.
Я — как пришелец здесь
с другой планеты,
Любить не разучившийся пока.

Весна с ее цветастыми
нарядами
Не к нам с тобой —
к другим была добра.
Нас осень осыпала листопадами
И грела у вечернего костра.

Но мы не станем
звать неповторимое —
Все то, что обошло нас стороной.
Я и зимой шепну тебе:
«Любимая...»
И ты в ответ
прошепчешь мне:
«Родной...»

Взыграл февраль
своей метелью белою
Или опять
ромашки на лугу, —
Последний вздох
с тобою вместе —
сделаю,
Но раньше
или позже —
не смогу...

Рита Александровна Одинокова родилась в городе Баку. Окончила геологоразведочный факультет Азербайджанского института нефти и химии, факультет психологии Современной гуманитарной академии (Москва). Работает в отделе культуры администрации Россошанского муниципального района. Публиковалась в журнале «Подъём», региональной печати, коллективных сборниках. Автор книг поэзии и прозы «Ностальгия», «Виноградный бунт», «Женщина с красным зонтом». Член Союза писателей России. Живет в городе Россошь Воронежской области.

Рита Одинокова

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

* * *

О, жизнь! Пугает холодность твоя,
И ветер безразличья беспощадный.
В морозном откровенье ноября
Отсчет обратный...

Мир изо льда, и жизнь моя из льда.
И в горле ком сжимает туже, туже.
Не страшен путь в пустое Никуда,
А мысль страшна — что уж никто не нужен.

Лишь память... Навсегда, как мать в окне,
Вздохнув устало, перекрестит в спину.
Не думай, мама, плохо обо мне,
Я этот мир жестокий не покину.

Останусь я тутовником в саду,
И книжкой с красным зонтиком на стуле.
Я смехом внучки снова в жизнь войду
В каком-нибудь июле...

УСНУЛА МУЗЫКА В САДУ

Уснула музыка в саду неспелых вишен.
Костер заката безнадежно тух.
Ты тишины по-прежнему не слышишь,
Не потому что юн, а потому что глух.

И все в природе света без усилий —
Прощальный стих, непонятый мой стих.

Озябнет ночь в плену цветущих лилий
И линий лунных призраков пустых.

И долго будет тишина молиться,
Пока не брызнет кровь вишневых слов,
Пока ты мне не перестанешь сниться,
Как саду лилий срезанных любовь...

А МНЕ ВАЖНЕЙ ВСЕГО...

А мне важней всего — ни где, ни с кем, —
Отрадно знать и чувствовать: Ты есть.
Со мною рядом или нет — зачем?
Пусть до тебя надежд моих не счесть.

Не счесть шагов, придуманных в ночи,
И глупых слез, что с возрастом не к месту,
И писем тех, в которых ты молчишь,
И писем тех, в которых я — все честно.

А потому, наверное, больней...
Но это так, от безысходной встречи.
Я сильная. С тобой еще сильней.
Хотя мне страшно в этот хмурый вечер.

Признаться, я боюсь, что все пройдет,
Ноябрь туманный отупеет в боли.
Так было до Тебя.
Никто не ждал
Меня на воле...

ЛАДОШКИ

«Он не твой», — помахали багряные клена ладони.
«Не спеши, — обнимали ветра на чужом берегу. —
Если сердце твое равнодушная осень не тронет,
Значит, выживет сердце
и в лютом февральском снегу!»

«Что мне снег? — я смеюсь.
— Снег не холод — мое очищенье».
Испытанье не холодом — алым смятеньем закат,
Тополей гребешки за оврагом, второе рождение,
И прощенье себя на излом — тяжелей во сто крат...

Разве можно унять паутинок затейливый танец?
Разве можно сбежать?
Эта нежность берез за спиной.
Только небо свое на излете никак не обманешь —
Взмах багряной ладошки
на солнце судьбы: «Он не твой!»

* * *

Я просто поверила в твой замороженный край,
Где ждут меня сопки в багровом сиропе рассвета,
Я просто поверила в радость, что ждет меня где-то,
И руки навстречу — едва не шагнула за край...

Так падают птицы, попав в самолета крыло,
Так бусины терна срывает безумием ветра,
Так плачут глаза от жестокого встречного света,
Так дождь разбивается о лобовое стекло.

И там, в одичалом краю, где никто никому
Не должен ни слова, ни взгляда,
ни слова, ни взгляда,
Мне — боли немерено.
Да ничего и не надо,
Когда не придешь, если вдруг я тебя позову...

ДОМИК, ГДЕ ЖИВУТ ВОСПОМИНАНИЯ

*Посвящаю моим защитникам —
дедушке, бабушке, маме,
дяде Саше и Сереже Скалиновым*

Домик, где живут воспоминания
Под дощатым низким потолком.
Блинчики пузырчатые мамины
С маслом и горячим молоком.

Перекинут день на перекладине
Фартуком, что отдохнуть бы рад.
Чашка, на которой виноградины
Зреют сорок девять лет подряд.

В зеркале комода допотопного
Отражаясь, изредка пройдут —
Дедушка — обнять меня заботливо,
Бабушка — порядок чтобы тут!

Чай под полотенечком настоян,
Улочка за окнами в снегу.
И тепло давно уж не печное,
А трубу никак не уберу.

Так спокойней лютою зимою,
Верно под защитой чьей-то здесь...
Словно дом невидимой рукою
Держится за краешек небес.

Эльвира Олеговна Пархоц родилась в Воронеже. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета, в настоящее время аспирант. Автор сборников стихотворений «Поэзия переходного возраста», «Поэзия переходного возраста-2» и «Баснословные птицы». Участник Воронежских областных совещаний молодых литераторов в 2013 и 2016 годах. Живет в Воронеже.

Эльвира Пархоц

ВЕТЕР В ЛИЦО

ЧТО ПОПАЛО

За межой — война,
Над Хопром — зима,
Белая кума.
Нет у поля дна.

Год замкнулся в круг —
Только, видно, зря.
По тебе, мой друг,
Все горит заря.

Знать, душой спились —
Обвалилась высь.
Сидор да Борис
Об одной дрались.

Путал бедный бес
Родину и квас.
А отрез небес
Не согреет нас.

Берегла трава
Голос мертвых сел,
Что меня повел
Собирать слова.

Всякий ночью сер.
Днем привычна новь.
Не бывало вер,
А была любовь.

НОЧЬ В ИНТЕРНЕТЕ

Дай мне сил отличить
Доказательства от оправданий,
Сплин — от боли,
А совесть — от блажи.
Я себя убивал тридцать лет,
Но живой.
Стынет на небе павшем
Закат
Ножевой.

Дай мне вспомнить,
Как спит над полями весна,
Разметавши туманные косы;
Как ласкается речка в июне,
А черная курица-ночь,
Уходя, подбирает небесное просо...

Я живу в соцсетях.
Тлеет жизнь,
Разговорами оплетена.
А вчера, сквозь бессмысленный чад,
Написала
Война.

Она ходит привычно-своей
Среди лжи, аватаров и котиков.
Что спросить у нее — подкажи,
Хоть бы...
В горле копится крик, как слюна...
Тишина.

Лунный посох коснулся окна:
Вечер слеп.
Наш кофейный мирок
Превращается в склеп.
По страницам в пыли — ветерок.

Дай остаток тепла
Хоть в горсти
До утра донести
Сил.

* * *

Кто-то скажет, что бред,
Кто-то выкрикнет: «Прав».
Полдень был умудренно-сед;
Был закат, как всегда, кровав.

Говорили: дружище, приди да спой,
Про весеннюю деву и звон степной,
Одиночек, крылатого над толпой —
Ой.

А я валялся оглохший, тупой,
Что мне песня, что в небо вой:
По изрезанным нервам и пьяным снам —
Красной ниткою —
Голос твой.

Говорили: давай, депрессивный, к нам —
Обсуждая мужей и дам,
Позабудешь в чужом свое...
Над моей головой — воронье.

Скажут: вышиби, дурень, клином.
Скажут: надо работать в дымину.
А еще — ничего, мол, не зря...
Ходит ветер с похмелья мимо.
И бледна, с синяками, заря.

Снова сплю в ожиданье зимы.
Под запретом

на рифму
«МЫ».

* * *

По рассветной траве,
Глядя вверх,
Я пройду,
задевая кусты черемух.
Услыхав колокольца птиц,
Пораспустит вязанье дрема —
Шерстяную туманную нить.

Крещена я водой криниц.
Отшептали меня стерни
Да лозинник отпел
белый.

Уж не стану тебя винить:
Что предписано, то и делай
(А судьба твоя, знать, такая ж).
Зябнут руки, как на свиданье.
На десяток шагов воли дай мне.
На поляне, у пегого камня
Меня расстреляешь.

Жаль полынных небес
Да нескитанных верст.
Лес —
Тихим эхом в груди.
Подожди...

Жаль
Желторогой козы — черной ночи,
Что по крыше цокочет
Копытцами звезд;
Да косматого рыжего пса,
Что бежит голубыми лугами;
Жаль
Светлоярых озер овса
С их березовыми берегами;
И приснившихся дивовых гор,
И тропинок нехоженных...
Жаль —

Мы похожи с тобой, похожи...
Слышу:
щелкнул затвор.

...Ветер гладит пуховый,
Сероватый ослинник.
Травные слезы горят.
Из корзинки ольховой
Брусникой
Раскатилась заря.

КРЫЛЬЯ

Ветер в лицо.
Птичий щебет,
Как детский смех.
И толпа внизу —
Неспокойное озеро —
Ждет.
На колокольне стою.

Вот охота нашла —
Нет бы ткать,
Вышивать закатные солнца —
А мне надо самой
К солнцу!
По ночам
Собирала жар-птицыны перья
Вдоль заросших тропинок;
На рассвете срезала
Несеченные волосы ив.
По углам — дымы паутин
В моем доме... а я
Мастерила, делала
крылья.

Золотые,
словно вечерние листья.
Чтобы встретить восход
И лететь за моря
Заповедных лесов и степей...
Кто бы верил.

На колокольне стою.
Сколько здесь до меня вот так?
Ветер щупает новые крылья
И подталкивает: «Лети».
Кто бы верил.
Тысячи глаз...
Что, друзья? Вот одна — в светло-карих
И испуг, и призыв:
«Ну же, падай.
Шансов нет: высоко. Панихиду
Я тебе закажу, каких не было...»
Вот другая — древесно-серые
Плачут (или слезятся от солнца):
«Говорила тебе, чудачка...
Ты не слушала. Поздно! Падай
И не мучь меня:
Ведь — любила...»
Вот и третьи глаза — меняются —
Голубые, а может — карие,
Словно щит (есть душа за ним?):
«Не взлетали,
И ты не сможешь.
Не жалею.
Да падай, падай».

Мои крылья — прочные, легкие,
Но поднимет их чья-то вера.
Сорный смех растет над толпой.
«Падай», — ветер шепнул со вздохом.

К черту!
Шаг с колокольни,
Руки раскинув —
Разбивайся-гори...

Подхватил воздух крылья,
Как вода — сухие листья.
Задрожали, расправились —
Понесли —
Над камнями-взглядами
И над криками-стрелами,
И над хатами, в изумленьи присевшими,
Над дорогой — ползущей медянкой,
Над рекой, отражаясь в ней слитками,
И над лесом, над старыми гарями,
Над болотами и лугами —
На восход. И, не уставая,
Продираясь сквозь стаи дождей...

Был в толпе один, кто
Поверил.

Татьяна Владимировна Повалоихина родилась в городе Улан-Удэ. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета. С 1994 года работает в школе. Была одним из организаторов литературной группы «Зинзивер» (1988–1990). С 1989 года входит в содружество поэтов литературного клуба «Лик». Стихи печатались в журнале «Подъём», альманахе «Очарованный странник». Лауреат международного поэтического конкурса «Одигитрия». Живет в Воронеже.

Татьяна Повалоихина

ВДОЛЬ БЕРЕГА ДОНА

СЕВЕР ГОРОДА

Здравствуй, «Гиперборея» моя
На железных скифских костях!
Как младенца лелеял тебя
Старый город в своих горстях.

Как любимому детищу свой
Весь запал передать был рад,
Эх, наметить бы крепкий покрой
Да пошить красивый наряд!

Расчудить теремами, храм
Белокаменный освятить,
Чтобы звоном праздничным там
Все окрестности пробудить!

Не убог, не жалок, не нищ,
Только с ветреной головой,
Незапамятных городищ
Загордившийся правнук,
мой

Спит район, как акселерат,
Равнодушный к чьим-то страстям,
И «Икарусов» шины шуршат
По безмолвным древним костям.

* * *

Силы разных слов не станут ближе,
Если не дано им общей доли,
Но слова благословенны свыше
на служенье человечьей боли.

Им порой не внемлю, так бывает.
И встаю, и падаю, и снова...
А любовь опять отогревает
Неизменным пламенем Покрова.

Ты мне, совесть, говори почаще,
Укоряй, но помоги бессильной,
Корчевать грехов дремучих чащу
До победы, до земли могильной.

Я не у разбитого корыта,
И Бог даст, прорехи залатаю.
А зачем так юморит планида,
Знают хитрецы. А я не знаю.

* * *

В коридорах светлых школы,
Где бежит навстречу время,
Эти вечные глаголы,
Это при дороге семя.

Отболев своим уроком,
Смотрим друг на друга строго.
Ну, а подражать пророкам,
Возлюбить, стараясь много,

Разве мне потщиться, люди?
Мне ли путь ваш крестный славить?
Тут успеть бы, живы будем,
Хоть ошибочки исправить.

ВОЗДВИЖЕНКА

В разгаре лета по привычке
В деревню, в дорогую глушь.
Отпускников шестнадцать душ
В вагоне ранней электрички.

Вокзальчик ласковый и древний,
Встречай и снова провожай.
Прими в объятия деревни
Незагорелых горожан.

Дорога дышит, как живая,
Изгибом горбится к реке,
И гуси важные шагают,
След оставляя на песке.

Там, в городе дома большие,
«Пчелиных ульев» череда,
Но ты, родимая стихия,
Пребудешь вечной навсегда.

Я горожанка, но в крови
Зажжен огонь от русской печки.
Прозрачны волны Олым-речки
Певучи с Дона соловьи.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Майским цветеньем стоит у порога
Жизни весенний дым.
Мирною новью, спокойной дорогой
Каждый обязан им.

Им, кто настигнут судьбы рукою
В поле и блиндаже.
Им, кто не верил, что есть такое,
Бога нося в душе.

Им, кто не жаждал корысти личной,
Слыша страны призыв.
Им, чьи пропахли мечты и лычки
гарью полей и нив.

Им, кто звонок твой последний школьный,
Мир и эту весну,
Версты отмерив над миром дольным,
Спас, одолел войну.

* * *

*Валентине Перцевой,
по мотивам
древнерусской литературы*

Вспомнишь, как сказку, полночную даль,
Дорогами, вспомнишь, степными,
Вдоль берега Дона летят поезда,
Гремя стременами стальными.

А по берегу, будто чья-то рука
Разбросала костров-хуторов огни.

И один из них, словно свет маяка,
Помнишь ли, как манил?

Манил от злой суеты дорог,
Манил пристанищем и теплом,
Но войны знали, покинув порог,
Что вскоре вернуться домой со щитом.

Путь их бессонный доньше с тобой.
Кто к нам с мечом — получи да утрись!
Страсть, сокровенность, решимость на бой
В них сквозь столетия пересеклись.

* * *

Хирургам

Осенним дымком отдают облака.
Рассвет растворим и туманом окрашен.
Призвание жертвенно здесь.

Нелегка
Лишь мысль — положиться на жертвенность вашу.

Пейзажа сквозного осенняя песнь.
Какой геометр начертал эти грани?
С небесностью — вровень служение здесь.
С надсадою хворей житейских — пространней.

Пространство к больным — лицевой стороной,
К врачующим — тайной, и в том вы — мудрее.
За здоровье ваше, успех и настрой
Помолимся в храме святого Андрея.

Да, знать не дано, как поспорить с судьбой,
Порой посылающей в мир испытанья,
Но длится в веках неземной и земной
Тернистый ваш путь покоренья страданья.

* * *

Что с того, что вдруг подводят слова,
Только б солнце, как и прежде, взошло.
Путь-дорога жизнь не в силу родства,
В силу духа, брат, и конь, и седло.

В силу дружбы, друг, и лист, и стило,
Те слова из гула, плеска волны,
Что едва слышны, а здесь — набело,
Что послушливы, а все же вольны,

Чтобы там, на дальнем берегу веков
В том космическом и райском саду

Борис Владимирович Подгайный родился в 1964 году в поселке Воля Новоусманского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Главный редактор газеты «Воронежский курьер». Публиковался в журнале «Подъём», сборниках «Земная колыбель», «Есть город в России...», альманахе «Ямская слобода». Автор книги прозы «Двенадцать историй». Живет в Воронеже.

Борис Подгайный

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

ВИШНИ

Отцвела заката кромка,
тень до лога доросла,
и на блюдечке с каемкой
ты мне вишни принесла.

На скамеечке у края,
позабывши про труды,
можно праздновать, вкушая
ароматные плоды.

Отгоняя мух и мошек,
не натужно, не силком,
можно думать о хорошем
и не думать о плохом.

А сомнения излишни,
не накликай бы беды...
Только, знаешь, эти вишни —
как запретные плоды.

Только, знаешь, захотелось,
невеселые дела,
мне туда, где вишен спелость
недозрелую была.

Не до вишен и черешен
на краю у лога мне.
Был я раньше не безгрешен,
грешен я теперь без «не».

Грешен тем уже, что дышишь
и, считай, приговорен.

Грешен тем, что этих вишен
ароматом опьянен.

Отцвела заката кромка,
тени больше не видны.
Ем из блюбочка с каемкой
я запретные плоды.

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Проживаю невзначай
под шумок от разговора.
Остывает сладкий чай
в кружке цвета мухомора.
Остывает? Подольем!
Под веселые беседы
проживаю день за днем
понедельники и среды.
Проживаю под шумок,
под советы и ответы,
проживаю под дымок
двадцать третьей сигареты.
Затухает огонек?
Ничего, закурим снова!
Проживу еще денек,
что за дело, право слово.
Проживая, прожую
пряник, а потом ватрушку,
чаю свежего налью
в мухоморовую кружку.
Усмехаяся в усы
саркастическим тирадам,
проживаю под часы,
проводя стрелки взглядом.
Ход их четок и упруг.
И, под шутки-прибаутки,
проживу и этот круг
без остатка, до минутки.
Проживу еще чуток
под шумок от разговора.
Остывает мой чаек
в кружке цвета мухомора.

ВЕСНОЙ НА ДАЧЕ

Жук, прожужжав у самой головы,
летит к уже дурманящим кустам.
Деревья в ожидании листвы.
И кошка в ожидании кота.

И медленно ленивая вода
бормочет что-то в старом котелке,
и медленно, как облака, года
летят по небу где-то вдальке.

И можно закурить. И верить в то,
что все, что будет позже, тоже ждет.
Отец, нарвав в лесу букет цветов,
по тропке через сад ко мне идет.

Потом мы поедем и чай допьем,
оставим кошке корма про запас
и к электричке через лес уйдем.
Но это будет позже, а сейчас

томятся ожиданием кусты,
жужжат жуки у самого лица,
и медленно качаются цветы
в руке отца.

* * *

*Памяти Виктора Беляева,
Вадима Кулиничева, Владимира Сисикина,
Александра Смирнова — моих учителей*

А мы их называли стариками —
между собою, после репетиций —
когда двадцатый век листал рывками
восьмидесятых рваные страницы.

Двадцатый век шалил в восьмидесятых,
резвился и кутил напропалую
очередей похмельных стекловатой,
нечаянной свободы смачной дулей.

Процессы шли, и речи были святы.
Мы в том котле варились с потрохами.
И юношей годов шестидесятых
уже мы называли стариками.

В тот вековой сопревший в коме морок
мы бились их ролями и стихами.
А было им тогда слегка за сорок.
Но мы их называли стариками.

О, старики эпохи парадоксов,
вы научили чувствовать всей кожей,
что нету показного благородства
и показных талантов быть не может,

что сетовать смешно и неуместно
на гниль времен, когда мы сами плохи,
что — главное — игра должна быть честной
в любые времена или эпохи.

Дан занавес. И как его подымет
тот, кто оброс жирами и грехами?

Ушедшие остались молодыми.
А мы сегодня стали стариками.

* * *

Меня из прошлого украв,
вернув для времени иного,
она танцует по утрам
на фоне шкафа платяного,
на фоне бежевой стены —
в коротком пестреньком халате —
вокруг еще хранящей сны,
еще неубранной кровати.

На фоне городской зимы
по рельсам дребезжат трамваи.
На фоне горестей земных
она танцует, напевая
еще не выцветшего сна
неприхотливые сюжеты
о том, что за зимой весна
придет, а за весной лето.
Она танцует и поет
про знойный пляж,
где крики чаек —
и сердце глупое мое
на тонкой ниточке качает.
А пусть качается сильнее
оно, простых сюжетов возле,
на фоне прошлых наших дней,
на фоне дней, что будут после.
Меня оттуда возвратив,
куда бы завела кривая,
под неопознанный мотив
она танцует, напевая
о том, что утром хорошо
в тех снах выискивать пробелы.

А за окошком снег пошел.
Хороший снег. Пушистый. Белый.

Игорь Николаевич Покопилов родился в 1987 году в селе Красноселовка Петропавловского района Воронежской области. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Подъём», «День и ночь», коллективных сборниках и альманахах. Автор книги «Мексиканский тупик». Участник открытых поэтических турниров «Стихоборье» в Воронеже. Лауреат литературного конкурса им. И. Рождественского. Живет в городе Россошь Воронежской области.

Игорь Покопилов

НЕМНОГО ПРАВДЫ О ЛЮБВИ

ДИАЛОГ

Сколько тебе сейчас? Сколько будет потом?
Вода утекает, а время... все капли в водах.
На землю явились порожняком,
С земли, с багажом, как на отдых.

Утрело не нам, уснувшим в рассвет,
Скопившим и выжавшим удаль.

— Выпьём?

— Конечно же, нет,

Я в рай за рулем, пить не буду.

— Я выпью тогда за двоих — и в проход,
Что представлялся и светел и узок.
И, знаешь, я думаю о плохом,
Особенно, когда... без музыки.

Ни диалогов, ни вычурных этих тем,
Мимо баннеров и номеров на плакатах.
А знаешь, мы стали не теми,
Кем нас представляли родители

в восьмидесятых.

СНАЧАЛА ПРАВДАМИ, НЕПРАВДАМИ ДАЛЕЕ...

Сначала правдами, неправдами далее,
Действительность нового дня
Годится, чтобы писать Евангелие
Небу от меня.

В виде доноса, целой жизни в виде,
Вроде коктейля Молотова.
Вы и сами прекрасно видите
Цену золота.

Сначала Слово было, потом АК,
Потом человек, ко всему натаскан,
Не выходит на улицу пока
Без каски.

Это похоже на страну дураков,
Добывающую из мыла огонь.
Мы теряем отцов, меняем богов,
Не выслушав одного.

* * *

Если упала вилка, быть гостю,
Если на небе звездно, к погоде.
С этими звездами все достаточно просто.
С этими вилками тоже понятно, вроде.

В городе будет опять дождливо —
Ласточки низко летят над дачей.
Если враг улыбается, делай вывод:
Дело, должно быть, очень нечисто, значит.

Если есть правда в тысяче баек,
Обидно вдруг пропустить ее там.
Если местами, в ночь, кто-то стреляет,
Значит, быть крови, а по примете — слезам.

ДО ПЯТНИЦЫ

Я в городе до пятницы, опять,
Пока меня не будет, город справится.
А люди будут дальше приезжать,
И уезжать автобусом по пятницам.

Побег, похожий на бензопилу,
Грызущую на щепки ясьень,
Или на твой июньский поцелуй,
Что я до августа носить обязан.

И небо — перевернутое нечто,
И солнце — зажигает свой мотив.
И ты права теперь, а мне что?
Мне только город знойный побратим.

И этому, на мой взгляд, полумесяцу,
Столько тоски не принять.

От любви к тебе — черти крестятся,
Что уж тут говорить про меня.

Заполненные немощью умы,
Как пальцы рук, придавленные дверью.
Или как в песне — «если б не было зимы»,
То даже лето задувало бы метелью.

НЕМНОГО ПРАВДЫ О ЛЮБВИ

Не буду говорить, что она мне снится, это не так.
Что я погибну без нее,
Что она нужна мне, как Ахиллесу его чертова пята
Или как раненому йод.

Когда на небе никакого солнца. Только звезды и провода.
И темно, как в сарае.
А она, знаете, бывает, так слушает меня иногда
И кивает.

НОВОГОДНЯЯ

Если слов нет, меня переговорят,
И даже выслушают, но не скоро.
Почти завтра я попаду в две тыщи десятый —
Год чемпионата по футболу.

То, что они называют бурей, у нас метель
С понедельника до конца недели.
У нас тут и своих полно Нельсонов Мандел,
И многие еще больше отсидели.

А так все по-обычному,
Как и 365 дней в минусе.
Еще один год из списка вычеркнут,
Салам — всем, с кем мы еще увидимся.

Да и зима пришла раньше чуть,
Чем я ее ждал, и ноги замерзли.
Еще минут двадцать тут потопчусь
И пойду. Перезвоню после...

Ветер в морду, снежки за шиворот.
Холод почти собачий — попробуй остаться!
Если Джеймса Бонда сегодня не выдадут,
То завтра за валенки он и сам продается.

Если идешь, то теплее — стоял зря.
Летом мечтал о зиме, теперь ругаюсь на погоду.
Я несу мандарины, как символ декабря,
Что стоит на Голгофе две тыщи девятого года.

ИГРУШКИ

Игрушечные динозавры моего сына
Не вымерли, как тогда настоящие.
Их пластмассовые крики невинно
Доносятся из ящика.
Игрушечные корабли всплывают дивно,
Оказавшись на дне нашей ванной.
А игрушечные львы моего сына
Превращают ковры в саванну.
От буднего дня отнята половина,
И городу детского сна не нарушить.
Игрушечный мир родителей моего сына —
Вне пределов видимости
игрушек.

НИКАКИХ УВЕДОМЛЕНИЙ НЕТ

Никаких уведомлений нет.
Нет хороших. Нет плохих — на том спасибо.
Самый умный утонул давно в вине.
Наивысшая подстава в мире — выбор.
Через утро ощущаешь скорость лет —
Где-то происходит что-то словно.
Если пишешь на раздолбанном столе,
Он шатается, что крайне неудобно.
Еще осень наступает каждый год,
Да и зима случается не реже.
А под крышей дома твоего
Все путем. Все то же... те же.
Настроение зависит от погод.
Небеса и реки держат русла.
Жизнь быстрее набирает обороты
В тот момент, когда лишает пульса.
Никаких уведомлений нет.
И ты сам сегодня канешь в Лету.
А когда перед тобой предстанет смерть,
Не забудь с собою документы.

НА СЕВЕР

Река Мокрая в селе Селино,
И упрямо дождь окна полощет нам.
Колеса шуршат неуверенно
И встречает нас Нижегородщина.

Измеряют березы пристально.
Нас, кужан, провожает Навашино.
А после ветер расхристанный
Обжигал и фамилий не спрашивал.

И звезды так низко висят.
Все огни из дамасских жерл.
Даже ночь, как семь негрят
Или пара огромных негров.

Сколько б ни было, было мало,
Что беда нам, ну что нам беда?
Где погода мне нос утирала,
Грела огненная вода.

В селе Селино река Мокрая,
И колеса шуршат будь здоров.
И луну, как всегда однобокую,
Видно было с разных боков.

ПРИВИДЕНИЯ

Привидения не оставляют следов.
Скребутся себе, гремят цепями, воют
И частенько сетуют на то,
Что им жутко не нравится жить с тобою.

Хотя выпивают твой алкоголь,
Курыт твои сигареты, открывают на кухне краны.
И разговор о том, что им не нравится жить с тобой,
Кажется уже утомительным и странным.

Утром, бывало, захочешь кофе, поставишь чайник
И обнаружишь чашку свою разбитой,
Рядом записка: мол, все это так, случайно,
Дескать, призраки — не бандиты.

И так проживешь (проживешь непременно)
Десятки лет и как-то неожиданно
Поймешь, что пьешь чужой алкоголь, проходишь
сквозь стены,
Разбиваешь чашки и открываешь краны.

Ольга Васильевна Померанская родилась в Новохоперске. Окончила профессиональное училище, в настоящее время студентка Санкт-Петербургского заочного института гуманитарного профиля. Работает обозревателем районной газеты «Вести». Публиковалась в сборнике стихов и прозы новохоперских авторов «Что мне пророчит новая строка», районной прессе. Живет в городе Новохоперске Воронежской области.

Ольга Померанская

СРЕДИ ВСЕЛЕНСКОЙ ПУСТОТЫ

* * *

Меняю все, что есть,
На шар воздушный —
Возьму за нитку, нитку... оборву,
И вырвется из пуповины душной
Зеленый шар в большую синеву.
И в синеве — огромной и звучащей —
Мой шар мечтою яркой поплывет.
Себя представлю легкой, настоящей,
Способной на поступок. И полет...

* * *

...Жар-птица ли перо свое уронит —
В полгоризонта озарится даль,
И яблоком в протянутой ладони
Вдруг обернется давняя мечта.
И душу дивной свежестью наполнит
Край облака, хранящего зарю.
И это счастье — яблоко в ладони —
Я дочери, Варюшке, подарю...

* * *

Да за что ж, скажи ты мне,
эта красота —
Золотые россыпи павшего листа,
Огненные росчерки утренних зарниц,
Эти откровения добрых светлых лиц?

И раздать бы рада я все это добро —
До последней радуги
 в небе над Хопром,
До искринки-звездочки
 в зеркале ночей,
До серьги березовой,
 сброшенной в ручей, —
Да вот только осени золоченый лом
Скоро обесценится зимним серебром.

* * *

Я — сквознячок, коснувшийся тебя
В том сентябре. Он — мод законодатель,
Он заставляет поменять нас платья
На плащики пошива октября.
И ты укутан в серый плащ дождя,
Поежился, обняв себя руками.
Я — сквознячок, коснувшийся тебя, —
Раздувший чувств твоих дремавших пламя.

* * *

В сердце — нежности пенный прибор,
На волнах — корабли обещаний.
Только каждая встреча с тобой
Оставляет намек на прощанье.
Недосказанность — в слове любом
И подтекст — в каждой полуулыбке.
Я с тобой сомневаюсь во всем
И живу в ожиданьи ошибки —
Может, выдашь хоть чем-то себя?
Может, любишь меня... не любя?

* * *

Калины гроздь в морозных поцелуях
Ты мне принес однажды ввечеру.
Я перед пламенем ее тоскую —
Оно горит, не грея зябких рук.
Что значит этот дар с опушки белой?
Так горек вкус и грустен аромат...
Калины гроздь — прощание несмелое,
Всех слов несказанных больней стократ.

* * *

Я знаю, что тебе не спится,
И не бессонница виной:
Все та же огненная птица
Сжигает снов твоих покой.

И я повинна — вполовину —
В мерцанье жаркого крыла:
Я подпалила ночи спину
И сон из пепла создала.
Он — еле теплый, как дыханье,
Он — наших встреч воспоминанье...
Тебе в нем ночь прожить — невмочь,
Его ты прогоняешь прочь.
В том сне — всего лишь — я и ты
Среди вселенской пустоты.

***Сергей Викторович Попов** родился в 1962 году в городе Воронеже. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в журналах «Подъём», «Новый мир», «Москва», «Арион», «Интерпоэзия», «Дети Ра», «Литературная учеба» и других. Автор многих книг стихов и прозы. Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.*

Сергей Попов

ПРИЗРАЧНАЯ ПТИЦА

* * *

Пустьяки, что сбудется зима —
снежная, надежная, большая —
и взамен скупого урожая
холодом наполнит закрома.

Все хлеба уже испечены,
и вино уже перебродило.
И смурной куражится водила
на развилках сумрачной страны.

Мимо элеваторов, токов,
окоемов озими и пашен —
проливным дождем полузакрашен,
путь лежит непрям и бестолков.

Это стрелка истоиво спешит,
это воздух, волглый и прогорклый,
размывает кручи и пригорки,
дождевыми стрелами прошит.

То зернохранилища спина,
то крыльцо разрушенной пекарни,
то винцом загруженные парни —
вот и вся вечерняя страна.

Но пока окрест черным-черно,
мчит УАЗ, грядет похолоданье.
У водилы важное заданье.
И ему отсрочки не дано.

* * *

Водоросли осени осклизлой
изошли в ознобе дождевом.
Окруженный выпцветшей отчизной,
в сумрачном кольце сторожевом

вспомнишь непонятные детали,
смятые значенья, миражи,
хмарью загороженные дали —
все безделки прежние свежи.

Все не выйдет вымокшая пряжа,
не отсохнет паркина рука.
Стебли неземного пилотажа
густо прорастают облака,

дабы тени, призраки и иже
пробавлялись кровью травяной,
будто их сообщество и движет
тверди распорядок коренной.

* * *

Небо упало на город — и вот
в детскую комнату новый привод.

Лужи втянули в себя облака.
Дата и подпись, что в курсе УК.

Где воробьиная куча мала,
белыми нитками шиты дела.

И дыроколом пробита до дна,
синяя высь под ногами видна.

Это апрель. Это старый район.
Серая наледь советских времен.

Белое облако. Детская спесь.
Бланк протокола закончился весь.

Дата и подпись. Теперь навсегда —
синяя, полная небом вода.

Зыбкий околыш в проточной воде.
Это потом — никогда и нигде.

Но участковый окрестных небес
шестьует времени наперерез.

И продолжает во сне протокол:
время — ничто, если дело — глагол.

* * *

Где сумерки загустевали,
листья туманилась кайма,
мы все сидели-гостевали,
почти что выжив из ума.

Забыв о выморочном счастье,
стареть с листвою заодно,
не допивали в одночасье
свое последнее вино.

Оно стояло — душу грело,
покуда зрели холода
и в небе листовном горела
позднеосенняя звезда.

Она пощадой не мешала
впотьмах ни сердцу, ни уму.
И мы оглядывались шало
на окружающую тьму.

Мерцало присное веселье,
метался холод по спине.
Не убывало наше зелье,
и звезды множились на дне.

* * *

Запала вдруг случайная строка —
она ведь сроду книжек не терпела.
«Быльем полны глухие облака».
И что с того? И ей-то что за дело?

Задело враз. И точит изнутри.
Подпиливает прочные привычки.
«Полны... глухие...» Что ни говори,
а к смыслу нет доходчивой отмычки.

Чудно и глупо. «Облака... быльем...»
Что пена дней в стиральном автомате,
несвежем, перегруженном бельем
и часто замолкающем некстати.

Не отстирать до самого утра
вчерашних пятен мертвую протравку...
В полнеба — осень. И уже пора
на вахту к ежедневному прилавку.

* * *

Далеко — ноябрьские парады —
и тому, что было — поделом...
Чем богаты — тем теперь и рады.
И ей богу, будет о былом.

Эти сопли, вопли, посыпанья
пеплом неунявшихся голов —
перебора и недосыпанья
никчemuшный, в сущности, улов.

Рыба счастья сны проходит разом
подо льдом начала ноября
и согласно отданным приказам
поверяет реки и моря.

Ни штормов, ни всяческих смятений
ей не угрожает череда,
плавники отбрасывают тени
в наше сухопутное сюда.

Тут солдаты всяческого рода
и матросы всех морей и рек:
нерушимый выбор и свобода —
оглядись, хороший человек.

Ноябри в отставке и маевки,
и как хочешь, знай себе, плыви
по маршруту рекогносцировки
к берегам безрыбья и любви.

* * *

Ослабли стылые метели.
Март обозначился едва.
Как мы с тобой переболели!
Кто знает, в чем душа жива.

И оттого невероятно
воздушной сини глубина.
Скупые облачные пятна
съедает запросто она.

В зрачках мерцает недоверье.
Вчерашний свет ложится ниц.
Играют радужные перья
у самой призрачной из птиц.

Мятежна здешняя погода:
на безнадежном рубеже

такого дерзкого исхода
не ждали, в сущности, уже.

И все друг друга укоряли
эпохой подлых перемен —
куда яснее за морями,
а тут — лишь хляби до колен

и все судьба не уродиться
зерну пшеницы иль овса...
А вот горит перо жар-птицы —
И в каждой луже — небеса.

Аркадий Григорьевич Пресман родился в 1947 году в городе Воронеже. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Служил в Советской Армии. Работал учителем в Якутии, корреспондентом газеты «Воронежский университет». Публиковался в журналах «Подъём», «Новый мир», «Юность», «Молодая гвардия», в антологии «Строфы века». Автор восьми поэтических сборников. Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

Аркадий Пресман

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

ТАШКЕНТ. 1942

В Ташкенте на улочке старой,
где в солнечных пятнах дувал,
под крышей причудливой, странной
чайханщик очаг раздувал.

Сноровисто и без оплошки,
вблизи от садовой тропы,
лепил самолично лепешки,
вникал в бормотанье шурпы.

Во время грозы всенародной,
когда за плечами беда,
желанной была и угодной
какая придется еда.

Скрипели в пути чемоданы,
стирались подметки сапог,
наивные рушились планы,
менялись маршруты дорог.

Блокадников тех, что бесплотно
стояли к дверям чайханы,
кормили почти что бесплатно
по льготным талонам войны.

Пайковый лаваш без обмана
кроили не вкривь и не вкось...
— Смотрите, Ахматова Анна, —
однажды в толпе пронеслось.

Кипенье расплавленной лавы,
бушующей в недрах войны,
из города пушкинской славы
ее привело к Навои.

Стояла не в рубище ветхом,
а в шелковом платье своем,
стояла в наряде заветном
не смерти, а жизни послом.

Кольцо и сиянье браслета
сберечь от барыг не смогла,
но платье любимое это
в нелегкие дни берегла.

Еще пепелища дымились,
еще полстраны под врагом,
а вешние вежи светились
в ее дневнике путевом.

Не спутались даты и сроки,
и главный не кончился бой,
но мужества дивные строки
дышали особой судьбой.

Они одолеют и беды,
и горе, что сеет война...
Казалось, что в платье Победы
Ахматова облачена.

ТВОЙ ДОМ

Л.З.

Еще я с прошлым связь не разорвал,
еще строки не зачеркнул бездарной,
еще не завершился карнавал
ночных видений на Горе базарной.

Еще не выпит Аргентинский ром,
и у консьержки не помяты букли,
а время, словно сказочным пером,
сюжет особый вкладывает в буквы...

Сиренево и зябко на крыльце,
но, потревожив полутьму сырую,
войдем в подъезд, и на твоём лице
я все дождинки медленно сцелую.

На флагманский фрегат похож
твой дом,
и нам от сухопутных потрясений

поможет, вряд ли, Аргентинский ром
и патока иных стихотворений.

И все-таки за праздничный уют,
за теплых слов серебряную спайку,
за то, что здесь друзей не предают,
ну и, конечно, за твою хозяйку,
спасибо, дом!

* * *

Когда я был бесхитроsten и мал,
и бегал, и проказничал без толку,
то все-таки игрушек не ломал,
и даже хвост не открутил я волку.

Игрушечные помню фонари.
Застыл я возле дедова подарка.
Не важно было, что у них внутри,
а важно было, что мерцали ярко.

Теперь и я седоволосым стал,
но вовсе не от этого тужу я.
Игрушки ни одной не поломал —
жизнь поломал — свою, да и чужую.

НА ПЕРЕСЫЛКЕ

*Перепелка над пшеничным полем
тихо призывает: спать пора.*

А. Жигулин

О, это шумное застолье
почти у света на краю.
И я не лагерник, но, стоя,
за лагерных поэтов пью.

Ни мата, ни блатных наколок...
Нас вместе у себя собрал
товарищ мой, поэт-филолог,
из общества «Мемориал».

То соглашаемся, то спорим,
и я читаю на «ура»
о перепелке, что над полем
напоминала: спать пора.

Оценивая строки эти,
мужиковатый, от сохи,

майор задумчиво заметил:
«Вот настоящие стихи».

В поэзии отважно-пылкой
он столько находил красот,
хотя и ведал пересылкой
над номером ЛГ-500...

За пайку тощую пахали
под вой озлобленной пурги
и работяги, и паханы,
и заклеянные враги.

И пахло вновь сырым туманом,
и с насыпи в краю чужом
былое виделось обманом,
всего лишь только миражом.

На гребне глинистого склона,
где вехой значился флажок,
охранник с красного погона
лениво стряхивал снежок.
И, будто вор другому вору,
в путевой будке, у ольхи,
«стукач» передавал майору
антисоветские стихи.

А тот, рискуя всем на свете,
но, искупая все грехи,
не отправлял начальству эти
антисоветские стихи —
о лагерной нелегкой доле,
о днях, которые гнетут...

Стихи слагались не на воле,
они придумывались тут —
на зоне, около поселка,
где светлым ангелом добра
все пела, пела перепелка
и призывала: спать пора.

Не встретишь в лагере Морфея,
но бередило каждый ум
о том, что утро мудренее
вечерних помыслов и дум.

Тускнели меркнущие дали,
и в серой проволочной мгле
почти вповалку люди спали
на обозначенной земле.

Пускай не гас фонарь суровый,
дозорным оком поводя,

рождался день эпохи новой —
день смерти Каина-вождя.

И ничего, что клен ссутулен,
надежды луч на почву пал.
Казалось, лагерник Жигулин
зарю над зоной зажига́л...

Об этом, сумрачно потухший,
себе же сам наперекор,
нам рассказал не самый худший,
не самый бдительный майор.

ОПОРА

Любая женщина — немножечко актриса,
неловко ей без горностаевых мехов,
но повседневность, будто кухонная крыса,
вдыхает запахи кастрюль, а не духов.

И глаз косит на перестроенное ханство,
такое, вроде бы, цивилизное, а все ж
в нем процветает узаконенное
хамство
и лицемерье, и насилие, и ложь.

Здесь, богатея, укрепляется боярство,
здесь по улусам перессорились князья...
Но есть в огромном государстве
государство
с названьем — женщина бесценная моя.

Его границы — от улыбки до объятья,
его пределы — от кокетства до любви,
а сколько в мире и вражды, и неприятья,
и сколько храмов на костях и на крови.

И что там будет — я не ведаю, не знаю,
не верю хану и не верю королю.
И если все-таки опору обретаю,
то потому, что эту женщину
люблю!

В БОЛЬНИЦЕ

На казенной больничной кровати,
никого ни о чем не прося,
ты лежала в обычной палате
необычная, хрупкая вся.

Повторяла смущенно, устало,
от своей же улыбки светла:
«Ты прости, я неловкая стала,
чай нечаянно пролила.
От меня ни малейшего толка,
перед каждой «сестричкой»
в долгу.
Просто горе со мной — да и только,
ничего удержать не могу...»

Тосковалось тебе и грустилось,
но не горечь, не суетный страх —
что-то трогательное таилось
в полувывсказанных словах.

Не печалься, поправишься вскоре,
и неважно, что полдень смурной.
Дай-то Бог, чтоб угрюмое горе
обходило тебя стороной,
чтоб душа не дробилась на части,
чтобы ладилось в доме, в судьбе,
чтоб в руках удержала ты счастье,
предначертанное тебе.

Ирина Алексеевна Преснякова родилась в городе Семилуки Воронежской области. Окончила Воронежский государственный университет по специальностям журналистика и юриспруденция. Работает корреспондентом газеты «Воронежский курьер». В 2006 году за цикл стихов стала лауреатом Всероссийского открытого конкурса «Первые шаги». Живет в Воронеже.

Ирина Преснякова

Я ВСЕГДА ХОТЕЛА ТЕБЯ ЛЮБИТЬ...

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

А ты просто хлопай ресницами...
Пусть над нашими головами
Облетает листва птицами,
Чтоб потом умереть под ногами,

Превратиться в жирное месиво,
Эту землю покрыть густо.
Так пускай тебе будет весело,
Им и так умирать грустно.

Ведь, как листья на землю сброшены,
С неба в грязь упадем и мы.
Так что, знаешь, дело хорошее —
Этот пир во время чумы.

СМОТРИНЫ

Наверно все врут поэты,
Там нет ни реки, ни лодки.
Но мы принесли конфеты
И дедушке — стопку водки.

На бабины именины
Ведь грех приходиться пустыми.
Сегодня у нас смотрины.
Знакомлю тебя с родными.

Наверно все врут заветы.
Там нет ни ворот, ни рая.

Но хочется верить в это,
Когда твои умирают.

На пальцах дрожат и тают
Белесые хлопья снега.
Они все про нас узнают,
Они все увидят с неба.

Побудем немного с ними,
И выпьем с тобой без тоста
За бабины именины,
За встречу и за знакомство.

* * *

Меня не было в Городе тысячу лет.
Я забыла, что пряным бывает туман.
Я забыла, что красным бывает рассвет,
Словно кровь из открывшихся ноющих ран.

Меня не было в Городе тысячу зим.
Я забыла, как тихо здесь падает снег.
Я забыла, что Город так долго один
И что долго меня в моем Городе нет.

Ты прости меня, Город, затертый до дыр
На страницах тетрадей, измятых убого.
Ты прости меня, Город, прости меня, Мир,
Ты, наверное, стоил бы лучшего бога.

Ты, кто создал земную холодную твердь.
Ты, кто сделал свой сон нашей вечно былью.
Ты, кто создал всех нас, приходи посмотреть.
Без тебя этот мир покрывается пылью.

* * *

Что у нас с тобой? Ничего. Нигде...
А ведь, может, тогда, вдруг,
Мы могли бы ехать в одном купе
По гремящим рельсам на юг.

Мы могли бы пить по ночам вино,
Мы могли бы снимать чердак.
Мы могли бы жить, мы могли бы... Но
Получилось совсем не так.

Очень глупо кого-то сейчас винить.
Глупо где-то искать причин.
Я всегда хотела тебя любить,
Но любила других мужчин.

Перепутали, видимо, Мойры нить,
В мирозданье случился брак.
Ты хотел такую, как я, любить,
Получилось совсем не так.

Что у нас с тобой? Что же может быть,
Если лопнули ткани снов.
Мы могли бы вместе сто лет прожить.
Но не скажем и пары слов.

ТЫ ПРОСТО ВОЗЬМИ МЕНЯ В ЖЕНЫ

Ты просто возьми меня в жены.
Поставь на балконе шины.
Я буду варить макароны.
Ты будешь водить машину.

И будут расти дети.
А мы на них будем злиться.
И будут пакеты в пакете
На кухонной полке храниться.

Пусть будет все очень прилично.
До боли, до дрожи, до фальши.
Пусть будет все очень обычно.
Обычно, как не было раньше.

Спаси меня от застоя.
А вдруг мне это понравится?
Я просто не знаю, кто я
И как мне жить полагается.

Не будет звонков полуночных,
А будут котлеты в тесте.
Но я буду знать точно,
Что я на своем месте.

* * *

А я — испорченная нежностью,
Меня не взяли в волчью стаю.
Но, примирившись с неизбежностью,
Тебя я с ними отпускаю.

Они — голодные, отважные,
Для них открыт жестокий мир.
А я — домашняя-домашняя,
Не рождена для этих игр.

Ты прав. За эту правоту
Не смей сейчас просить прощения.
Беги с волками в пустоту.
Беги — без права возвращения.

Родион Леонидович Прилепин родился в 1991 году в городе Воронеже. Студент Воронежского государственного института физической культуры и Санкт-Петербургского университета водных коммуникаций. Публиковался в журналах «Подъём», «Вайнах», в коллективных сборниках и поэтических антологиях. Автор сборников стихов «Записки на холодильнике», «Пыль с неба». Живет в Воронеже.

Родион Прилепин

РЫБА, КАМЕНЬ И СНЕЖНЫЙ БАРС

* * *

Под кроватью с неба идет пыль.
А вместо звезд —
Слова,
Что я сам в детстве на небе оставил.
Под кроватью чаще снятся сны.
И они так легки! —
Как будто ниже мебели
Не существует правил.

Под кроватью легче звонить тебе:
Если трубку бросишь —
На меня упадет не куча
неизвестных планеток,
А нацарапанное: «Пошли вы все!»
И смотреть будут свиньи,
Встененные,
С носами в форме розеток.

А бывает, душит меня ночь.
И вместо рук — не змеи,
Не разные, там, склизкие гадины.
Она заклеивает мое тело скотчем.
И я лежу, смиренный,
Слушаю Российское радио,
В котором многие умерли, многие спятили.

Под кроватью на небе лежишь не ты,
А певица — Алсу,
Но не глянцеваая,
А истрепанная пением.

Под кроватью нет моря!
Под кроватью голубые киты
Летают,
Наслаждаясь ходом времени.

* * *

Жирная земля. Сырая.
Мы собираем картошку.
Пальцы в землю впивая,
Тайно молюсь —
Понемножку.

Землю дою, как корову.
В ведрах молоко-картофель.
Смирно молюсь Богу.
В земле — золотые блохи.

Урожай забегает в руки.
Я впереди, а сзади:
Крестят землю старухи,
Шепчут лишь: «Бога ради».

В реку ладони впуская,
Юную пару лодок,
Задеваю небеса парусами,
Мудрый становлюсь, как ребенок.

Все остается, как прежде:
У кого борозда — прямая.
У кого борозда — кривая.

Просто мы в новой одежде
Отчую молитву читаем,
Когда нас из грядок и лунок
Выдергивают и собирают.

* * *

Продеваешь безымянный в кольцо.
Человек человеку — ад.
Не звучат здесь ни А. Кольцов,
Ни А. Блок, ни другие А.

Утром в девять покупают тебя.
Утром в десять уже продают.
Человек человеку — яд.
А про брата, наверное, — врут.

Вспоминаешь, как тебе было шест-
надцать. Умоляю, дыши!

Я ведь тоже обнимаю шест.
Не за деньги — мой стриптиз души.

Хватит! Все это — наркозавод.
Человек человеку — жизнь?
Не звучит ни Шершеневич,
ни Мариенгоф,
ни какой-то другой имажинизм.

Вокруг похотливый мир.
И пялится только на грудь.
А в душе твоей столько дыр!
Что никакими поэтиками —
не заткнуть.

Какой вечер мечтаешь, что
убьешь или хотя бы умрешь.
Какой распутный мир! Сто
одеж и все без застеж...

Человек.
Человек на нем...

Не понюшка. На столе конверт:
«Мамочка, ты скоро вернешься?» —
В нем.
Только эти стихи отменяют смерть.

В долгу перед вечностью —
Каждый живой.
Тело — брненное мясо. Шрам!
Потому я сердцем — родня с тобой,
Мы оба — стражи.
И душа — наш храм.

* * *

Когда я прихожу на кладбище,
Я читаю стихи дедушке, бабушке.
Стихи там звучат по-новому:
Корявые, беспомощные, бестолковые.

А затем я люблю молчать — особенно!
Потому как на этой могилке цветов удвоено
Или даже утроено!
Зачем говорить, если водка налита?!
Да и что здесь скажешь?! —
Ведь конфеты детками съедены.
У могилок земелька истоптана
(у изголовий почему-то особенно).

Я целую фотографии мертвые
(мне кажется, что на них мы позируем).
Я испытываю потребность в собачьем лае,
Мне
Так хочется подарить им глаженье.

Здесь мне кажется, что мы —
Муравьишечки в муравейнике,
Который в свою очередь в муравейнице,
Отраженном в маленьком стеклышке
Разбитого стакана о памятник.

Извините меня, бабушка, дедушка!
Я ведь должен плакать по вам еще,
Но я плачу по себе и все думаю,
Что отцом мне нужно стать обязательно!
Ведь когда я приезжаю на кладбище,
Все смотрю на домишко заброшенный:
У него на крыше березки растут.
И против этого слов не придумаешь!

Был бы вечен я, да другим нужней!
А на сосенке кукушка кукует все...
И не страшно молчат погребенные,
А ужасно молчат нерожденные!
И когда я прихожу на кладбище —
Я так рад через час, что живот урчит,
Беспощадно молчат нерожденные!
Был бы вечен здесь!
Да другим нужней!

* * *

Хочется уйти в леса,
Подобрать окостенелую шишку, держать ее за полюса.

Следить за паучихой, оплетающей трухлявый пенёк,
Заниматься самым важным — отковыривать от штанины репей.

И налепливать и вновь отковыривать репей,
Замечая, что береза — самая белая из людей.

В этом разнообразии папоротников и мхов
Наблюдать за ходом майского жука, за движением его усов,

Собирать желуди и их рассыпать кабанам,
Ловить кабанов и показывать их полям.

На одной из неприметных опушек
Найти ракушку

Под листьями волшебного растения,
О котором я забыл с рождения.

Строить гнездо или нору плавниками рыть,
Слизывать слюдяных ящериц с коры.

Оживлять муравьев и первобытных стрекоз,
Красить паутинки и наматывать их на ос.

Учиться тому, что изначально растет в нас,
Что помнят рыба, камень и снежный барс.

Бежать по поляне и за ласточку зацепиться пиджаком,
Туфли скинуть, облизанные лопухом.

Раздеться и простите: быть родственником грибов.
Хочется уйти в лес — таков.

* * *

Будильник... без пятнадцати семь. Возвращаюсь в жизнь.
Не говорите мне, что спящий — живет.
Ступеньки, лестницы, этажи...
Падаю таблеткой в улицы живот.
Растворяюсь, потому как — прекрасный вид:
Трамваи — как змеи поедают мышей — поедают людей.
Как патрон в патроннике, каждый сидит.
Каждый стоит. И стоит жизни своей.
Бездомные собаки обгладывают кость
Может быть, синоптика, но, скорее всего, — бомжа.
Он отравился дождями, лужами. Без ножа
Люди режут на части свою злость.
Люди режут счастье — по дольке на день.
Но каждой ночью им приходится умирать опять.
Если хочешь, смотри! На себя надень
Это утро. Эту жизнь. Как тут не спать?
До чего это лето похоже на прошлую зиму!
До чего же та зима похожа на следующее лето!
И асфальт, и лед жуют машин резину.
А мы рубим жизнь на бодрость, на сон, на котлеты.
Прислоняюсь к стеклу — в трамвае, начинаю дремать.
Полужив-полумертв. На сидении — как будто ежи.
С неизвестной улыбкой на губах начинаю шептать:
Каждый день — умирать. Чтобы — жить.

Светлана Михайловна Редько родилась в белорусском городе Слоним Гродненской области. Окончила строительный факультет Новополоцкого политехнического института. Работала в проектно-монтажном отделе Могилевского объединения «Химволокно», в отделе комплексного проектирования ЗАО «Коттедж-индустрия» в Россоши. Публиковалась в журнале «Подъём» и периодической печати. Живет в городе Россошь Воронежской области.

Светлана Редько

НА ПЯТАЧКЕ ЗЕМЛИ

* * *

Какое прозрачное утро...
Держусь за веревочку дня.
А сверху спокойно и мудро
Всевышний глядит на меня.

Хранит от беды и ненастья,
Прощает вины и грехи.
Своей вседержавною властью
Дарует любовь и стихи.

Любовь долготерпит и длится,
Не может вовек перестать,
А сердце клюет, как синица
С Господней руки благодать.

ВКУС ДЕТСТВА

Мне приоткрылось вдруг окошко
Совсем в другие небеса.
На мягких лапах тихой кошкой
Я спрыгнула в забытый сад...

Там под кустом жасмина мокнут
С кукушкой старые часы,
Там розовые флоксы в стекла
Уткнули мокрые носы.

У детства сладкий вкус каштели —
Зеленых яблок конопатых.

Сверчки настроили свирели
И вечер свежий пахнет мятой.

А дедушка плетет корзину
С названьем нежно-странным «кошук».
«Дедуля, это для малины?
А может, жить в ней будет ежик?»

«Не, то для яблук ти картопли,
Ты ягады збирай у шклянку».
Сандалики давно промокли,
А я все рву малину в банку...

Ладошки липкой взмах прощальный,
Сама себе скажу: «До встречи!»
Той, пятилетней, беспечальной,
Наивной девочке беспечной.

* * *

Фонарь надел сугроб на голову, как шляпу,
И скалит желтый рот, приветствуя меня.
Медведица с небес протягивает лапу:
Он младший брат луны, ты веришь? Верю я!

Я верю, что весна наступит непременно,
Из лепестков снега дорожки заметут.
В ночи горит фонарь, как часовой бессменный
На пятачке земли, где любят, верят, ждут.

* * *

Нелюбимых женщин больше, чем рыбы в речке.
Им детей рожать бы, а не бродить по свету...
Холодна изба, угли остыли в печке,
Холодна душа, в прошлое нет билета.

Нелюбимых женщин, больше никто не любит.
Их глаза пусты, руки висят, как плети.
И в толпе их тени бродят как будто люди,
И в толпе они вечно одни на свете.

Нелюбимых женщин умных, красивых, нежных
Покрывает ночь саваном черным-черным.
На хрустальном ложе погребены надежды,
На хрустальной плахе вера лежит покорно.

Нелюбимых женщин ангел крылом укроет,
Окропит иссопом и уголит печали.
Свет любви прольется, Их на иконе трое,
Свет любви прольется, Слово было вначале.

* * *

Человек человеку кто?
Человек человеку — брат...
Тянет руку старик в пальто,
Ты смущенно отводишь взгляд.

Нет на свете плохих людей.
Ты их видел? Я лично — нет.
Вор, блудница, лихой злодей,
Но от каждого — тихий свет.

Синий, розовый, золотой...
Душ лампадки горят, горят.
Что, увидел? Господь с тобой!
Человек человеку — брат.

МАРТ

Прозрачной кровью сок наполнил дерева,
По кольцам годовым поднявшись до макушек.
И старая ветла скрипит: жива, жива,
И солнце на носы набрызгало веснушек...

Весна, весны, весной, — склоняю день-деньской.
На землю март сошел, как новое рожденье.
И солнечным блином прощаюсь я с зимой,
И не пуцу ее в свое стихотворенье.

Светлана Борисовна Руденченко (1948–2015) родилась в Воронеже. Окончила исторический факультет Воронежского государственного университета. Работала учителем, директором школы в селе Пыховка Новохопёрского района Воронежской области. Публиковалась в журналах «Подъём», «Кольцовский сквер», коллективных поэтических сборниках. Автор книг стихотворений «Оберег» и «Семь трав».

Светлана Руденченко

Я СЛЫШУ ВЕЧНОСТЬ В КАЖДОМ ЗВУКЕ

* * *

То не волны о берег ропщут,
Не зарей заалелась река,
То Россия свой плат полощет
И не выполощет никак.
Полоскала в Дону да Волге,
Полоскала в Москве-реке,
Только горькие слезы вдовьи
Выступали на том платке.
Полоскала в Оке да Каме,
Опускала в свет-Енисей,
Только кровь на библейской ткани
Выступала еще ясней.
И склонилась она, убогая,
Выбиваясь уже из сил,
Одного только просит у Бога,
Чтобы был он на небеси.

* * *

Ранний час. Час Сатурна и магии.
Торжество пера и бумаги.
А в душе как в ограбленной скрыне:
Ни молитв, ни стихов, ни святыней.
А в душе ни рода, ни племени.
Стынет сытный суп с пельменями.
Оголтелые воют ветра.
Почернели иконы древние,
И взошли на костер деревни.
И не нам ли гореть в тех кострах.

Ранний час. Торжество покоя
Над жильем, над жнивьем, над строкою.
Божий свет из-под сомкнутых век...
Или, может, и в самом деле
Только лишь на страстной неделе
Наступает чистый четверг?

* * *

Да! Есть еще преданья на Руси.
И крепок Афанасьевский мороз.
И по дороге весело трусит
Лошадка меж мелькающих колес.
Степного сена еще зелен стог.
А снегопад задумчив так и тих,
Что сил земных под снегом слышен ток
И серебром звенящий русский стих.
Слезой огонь в печи не загасить.
Не отряхнуть с ресниц волшебных грез.
И четок профиль трепетных осин,
И неизбывна красота берез.
А потому пощады не проси
И выпрямись однажды в полный рост.
Да! Есть еще преданья на Руси,
И крепок Афанасьевский мороз.

* * *

Той истиной от пламени и пепла
Земного бытия
Я, может быть, однажды и ослепла,
Но стала зрячей, несомненно, я.
Той истиной, как выстрелом, отныне
Пробита плоть. Но, как воды глоток,
Та истина в томительной пустыне
И веры и безверия итог.
Та истина, когда себе дороже,
И ничего иного не дано.
Но вспенили, подняли тесто дрожжи.
В глухих подвалах вызрело вино.
Но свет взыграл в таинственной утробе
Дремучего, немного естества.
И Дух восстал, и час творенья пробил,
И Слово в мир сошло с креста.

* * *

А мне мила заброшенная церковь,
Где голуби гнездятся в куполах.
И божий свет сквозь решето отверстий
Струится, словно истина в словах.

Так невесомо высохшее тело,
Земли касаясь, смотрит в небеса,
Куда душа, тоскуя, отлетела.
Все минуло, прошло, все отболело,
И только, может быть, голубкой белой
Незримо вечность дремлет на часах.
Меня молиться не учили в детстве.
Был дед идейным недругом Христа.
А мне мила, как кровное наследство,
Заброшенная церковь без креста.

* * *

По лугу красная бродит корова.
Правит высокую скирду сосед.
Осталась неделя всего до Покрова.
Самое время долгих бесед.
Где-то сгорает боярышник в поле,
Не опалая зноем лица.
Господи, сколько света и боли
В мире ушедшего рано отца!
За горизонтом бледно-лиловым,
Там за размытою синькой дождя,
Что невозможно мне вымолвить слово
И невозможно в себе удержать.

* * *

И сбросив времени вериги,
Презрев мгновенные дары,
И разуверившись в интриге
Ума и чувственной игры,
Не окроплю слезою даты:
Все вспомнив и про все забыв,
Я разучилась быть солдатом
Ее высочества судьбы.
Самой себе себя вручаю.
Самой себе дарю совет.
И на саму себя серчаю,
Коль в темноте тьмой станет свет.
Познав безумие разлуки,
Сроднившись с древом бытия,
Я слышу вечность в каждом звуке.
И вечности причастна я.

* * *

Есть в жизни милосердия закон,
Который прячет правду далеко:
За тысячу запретов и замков.
За тридцать земель и облаков.
И открывает лик ее немногим.

И тщетно мы томимся на пороге,
И так хотим порог перешагнуть,
Запоры снять и распахнуть все двери,
Что бог, покорный нашему неверью,
Благословляет нас когда-нибудь...
И рушатся заветные печати.
И покрова спадают до конца.
А мы глядим с обидою дитяти,
Не узнавая в оспинах проклятий,
Так долго нас пленявшего лица.

* * *

В себе самом узреть зрачок Горгоны.
Перед самим собою устоять.
И, усмирив гордыни спесь и гонор,
Выдавливает по капле злобы яд.
В себе самом пройти все круги ада.
В себе найти причину всех причин,
И заслужить прощенья награду
У тех, кого собою огорчил.
Стать смертным братом молнии и грому,
Героем мифов и исландских саг.
И, повинувшись посоху земному,
Следы свои оставить в небесах.

* * *

Слова, в которых света нет,
Уже и не слова, а гири.
И нас спасет от летаргии
Не вождь, не воин, а поэт.
Над Соротью, как над богиней,
Пылает за полночь рассвет...
Душа, несущая в мир свет,
Покуда мир стоит, не сгинет.

Иван Авинерович Русанов родился в 1972 году в Архангельской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. В настоящее время — обозреватель новохоперской районной газеты «Вести». Публиковался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Двина», альманахах, столичной и региональной периодике. Автор книги стихов «Душа поднимается в путь». Лауреат I Московского международного конкурса поэзии, Всероссийского поэтического конкурса им. С.А. Есенина. Живет в городе Новохоперске Воронежской области.

Иван Русанов

ПЛАКУЧАЯ ИВА

* * *

Как настроение? Да осень,
Стихи, дороги, облака...
Рассвет, встающий из-за сосен,
Теплей парного молока.

Ручей кружит и гонит листья.
Костер горит на берегу.
Животное с ухваткой лисьей
Мышей гоняет на лугу.

Тенями перелетных уток
Следы остались на песке.
И даже мельница как будто
Еще бормочет вдалеке.

Все это словно между прочим,
Как бы валяя дурака...
А настроение — на осень,
Стихи, дороги, облака.

* * *

Тихо-то как на рассвете...
Век бы печали не знал!
Облако белое плыло.
Маленький мальчик бежал.
Словно вчера это было...
Детства родное село.

Что-то о вечности зная,
Встала душа на крыло.
Память мою выкликая,
Лаает щенок у крыльца...
Облако белое плыло.
Смех молодого отца.
Что-то небесное было
В этой неровной судьбе.
Тихо-то как на рассвете...
Господи, слава Тебе!

ГОЛУБЬ В ОКНЕ

...Влетает и садится на плечо.
Машу рукой — не улетает.
Мне холодно и горячо,
Так просто это не бывает —
Кому-то быть, куда-то плыть,
Чему-то главному случиться...
Всего-то — стоит дверь открыть,
И больше — самому открыться...
Всего-то — стоит дверь открыть,
Открыться свету и дороге,
И не под Богом быть, а в Боге!
Всего-то стоит дверь открыть.

* * *

Тоска по звездной высоте,
Земли негромкие мотивы —
Все есть в неброской красоте
Склонившейся плакучей ивы.

Иное плачет и горит,
Но разве жалость вызывает.
Она — вздыхает и молчит.
Но как молчит! И как вздыхает...

* * *

Супруге Елене

Ляг, любимая, поспи,
Позабудься сном немного.
Что там будет впереди? —
Может, дальняя дорога,

Может, ветер перемен
Озорно и без оглядки

В беспокойный новый день
Нас сграбастает в охапку...

Все спокойно. Я с тобой.
Не пройдем — тогда прорвемся.
Спи спокойно, голубь мой.
Ни о чем не беспокойся.

* * *

Какая сказочность кругом, и море снега.
Как было здорово упасть в сугроб с разбега.

Пичуги пели жизнь свою неповторимо.
Как будто детские года плывут из дыма.

Полузабытые мечты. Звезда над рощей.
Когда-то были мы светлей, добрей и проще.

В том далеке смеялись мы — как только дети
Смеяться могут иногда на белом свете.

* * *

Пусть огоньки в глазах и стали реже,
И в небеса подсыпало свинца,
Но где-то, в глубине своей, мы те же:
Открытый взгляд, улыбка в пол-лица,
И вера, и надежда — без конца.

* * *

Набраться гомона и крика
Детей, в песочнице играющих,
Уйти туда, где клен и липа
Птиц провожают улетающих,
И где-нибудь над речкой в роще
Заслушаться, как ветер свищет...
И, может, стать немного проще.
И, может, стать немного чище.

ПАМЯТЬ

Шумели юности ручьи.
Весна играла на жалейке.
И чьи-то варезки — ничьи —
Лежали в сквере на скамейке.

Далече старые друзья.
Не увлекаясь постоянством,

Уже давно люблюсь я,
По времени, другим пространством.

Другой весны бегут ручьи.
Играет память на жалейке...
А чьи-то варезки — ничьи —
Лежат все там же, на скамейке.

* * *

Вот, сидим мы с собакой вдвоем
На крылечке — на звезды глядим,
Каждый думает о своем,
Каждый рад, по соседству с другим,
Что-то главное рассказать,
Что-то важное донести...
А кому-то хвостом помахать —
Что сказать и «пойми», и «прости».

* * *

Мы разве малое пойдем —
Все сон и тайна в человеке.
Откуда вышли? Где идем?
Куда сокроемся навеки?
Нам знать и помнить — не дано...
Душа мятется у порога
И истончается в одно
Дыханье, славящее Бога.

Алексей Александрович Ряшкин родился в 1984 году в Воронеже. Окончил Воронежскую государственную лесотехническую академию, факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работает инженером. Пишет стихи, прозу. Печатался в журналах «Подъём», «Север», коллективном сборнике молодых литераторов «Первая вежа». Автор книг «Сказки одной недели», «Чучело рыжего кота», «Мост через переносицу», сборников стихотворений «Солнце за пазухой», «Мельница». Лауреат Исаевской премии молодым поэтам Воронежской области (2011), премии «Кольцовский край». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Алексей Ряшкин

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

СТОГ СЕНА

Сток сена стоит среди ковылей,
Среди одуванчиков и клевера.
И рой пчел гудит, как тысячи флейт,
И движется в сторону севера.

Слева жует сено черная коза,
Машет головой, стучит копытом.
И если посмотреть ей прямо в глаза,
Поймешь: она помнит то,
Что другими давно забыто.

Слева стоит одинокое дерево,
Листьями шелестя по поводу и без повода,
Глубину земли от скуки корнями меряет
И слушает песню стрекозы и овода.

Всюду, куда ни глянешь, трава, трава, трава
Скрывает ото всех
Одной ей известно веселье,
Будто одна нереально большая кровать,
Раскрашенная кем-то зеленой акварелью.

Все пропитано жизнью до тошноты,
Даже горизонт будто кем-то стерт.
И только стог сена уже остыл,
И только стог сена мертв.

Жизнь кипит вокруг него, пылает,
Пытаясь сломать его молчания стену.
Но стог упрямо молчит, потому что знает,
Что все живое
Рано или поздно становится сеном.

МЕЛЬНИЦА

Ночь пришла неожиданно, застала меня врасплох —
И теперь моя жизнь ее заложница, ее пленница.
Я задыхаюсь, я выбегаю из дома
И вижу, как чертополох
Медленно, но неумолимо окружает старую мельницу.

Она молча смотрит на приближающуюся зеленую массу,
И хотя каждый камень ее мертв
Вот уже много-много дней,
Мельница знает, что жизнь ее была не напрасной,
И знает, что смерть не будет этой жизни больней.

Чьи руки заставили ее здесь стоять
Одну, в окружении деревьев и скал?
И куда исчез ветер? Почему его нет опять?
Ведь он один всегда ее крылья с цепей спускал.

Небо в смущении само в себе запуталось —
Сплошные узлы, петли да перехлесты.
Мельница будто своим отчаянием небо окутало,
И небо разгоняет тучи, открывая для нее звезды.

И звезды плачут, осыпая ее сверху бисером,
И, видя это, я понимаю:
Даже у звезд есть свой ритуал прощания.
Звезды будто оторвали ее от земли, будто возвысили,
Но мельнице ни к чему
Глупые мечты и пустые обещания.

Ее мысли заняты теперь только одним,
Только одно звучит и звучит у нее в голове теперь:
Что она станет делать в те дни,
Когда чертополох
Окончательно закроет входную дверь?

ПОЛЕ ПШЕНИЦЫ

Каждое утро солнце встает из-за холма
И плавает по небу, словно лимон в алкоголе.
Плавает по небу, где летают и орел, и комар,
И до этого нет дела никому,
Кроме пшеничного поля.

Нужно ли жить свободным или жениться?
Пшеничное поле точный ответ на этот вопрос знает.
И только об одном не догадывается глупая пшеница —
О том, что скоро ее самой не станет.

Пшеница думает, а ее в это время топчут глупые козы.
Пшеница мечтает, а по небу белая лошадь скачет.
Поле видит, как люди точат грабли и косы,
Но все еще не понимает,
Что же для него все это значит.

Поле знает, что ацинис —
Это перевернутая на голову синица.
Оно даже знает, как пересылать по почте сны.
И только одного не знает всезнающая пшеница:
Она не знает, что дни ее жизни уже сочтены.

Как жить вечно и избежать неизбежного тления?
Когда же придет пора
Проститься с этой реальностью?
Пшеница ни на минуту не прерывает
Процесс мышления,
Наполняя каждое свое зерно гениальностью.

Слова сталкиваются
И падают на землю одно к одному.
Поле вот уже в который раз спорит с ветром.
Пшеница опять что-то доказывает ему,
Продолжая исчезать под косами метр за метром.

Наконец приходит вечер: он слеп, он глух, он нем.
Люди все быстрее и быстрее машут косами...
И пшеничное поле исчезает совсем
Вместе со всеми своими ответами и вопросами.

ПТИЦЫ

Среди хаоса наших бесконечных забот и проблем
Все мы часто думаем о счастье. Но часто ли?
Птицы же не думают о счастье совсем,
Птицы просто летают потому, что они счастливы.

Птицы живут в мире,
Укрытом облаком большим и белым,
В мире, омываемом весенним дождем и летним ветром,
В мире, где Смерти ни до кого нет
Абсолютно никакого дела,
Там, где каждая жизнь освещена солнечным светом.

Птиц не интересует время,
Им плевать на то, что оно уходит,
Им плевать и на то, что мы прикрываем трудности
Стеклом увеличительным.
Птиц волнует лишь смерть солнца на закате
И его рождение на восходе,

А все остальное им кажется
Смешным и незначительным.

Они не видели озеро Скуки,
В котором миллионы людей тонут,
Им неизвестно, где та кузница,
В которой проблемы куют.
Птицы не слышат,
Как люди на земле от одиночества стонут,
Птицы просто счастливы и поэтому они всегда поют.

Птиц не интересует то, что на земле происходит,
Их не заботят те, кто ходит дорогами пыльными.
Птицы переносят созвездья от заката к восходу,
Рассекая радугу своими пернатыми крыльями.

Беззаботно гоняясь за пчелами и осами,
И на закате собираясь в огромные стаи,
Они не усложняют свою жизнь никакими вопросами:
Птицы просто счастливы
И поэтому они летают.

ЛУГ

Луг, словно маленькая Вселенная,
Сжимается, расширяется и снова сжимается.
Луг — это что-то меняющееся
И в то же время неизменное.
Он гнется под тяжестью неба, но не ломается.

Он купается в солнечном свете, всплывает и тонет,
Он машет пролетающим птицам
Травой и горькой и сладкой.
У него нет секретов, он весь как на ладони.
Но, несмотря на все это,
Луг все равно остается загадкой.

Разбрелись по траве и замерли молча грибы опята.
Лениво машет листьями старый угрюмый лопух.
Черная коза лежит со старым лопухом рядом
И считает от одного до ста и от ста до одного вслух.

Словно кресты стоят одуванчики,
Сбросив свои белые рубашки.
Стоят, будто окаменев,
И уже не интересуются ни пчелой, ни осой.
А рядом о чем-то спорят цветы клевера и ромашки
И кидают друг в друга то лепестками, то пыльцой.

Муравьи строят империи,
Стрекозы пытаются отыскать щавель.

Гусеницы запевают песню ночью,
Бабочки продолжают петь ее днем.
Луг не имеет ни одной минуты
Для тоски или для печали,
Луг весь поглощен жизнью, кипящей на нем.

Не так-то просто заставить его размышлять о счастье,
Он и так всем доволен:
И цветом неба, и своей судьбой.
В спорах и рассуждениях
Он никогда не принимает участия,
Луг живет в гармонии с миром и с самим собой.

Николай Николаевич Самойлов родился в 1947 году. Окончил Воронежский государственный университет. Работал в Республике Коми директором леспромхоза. В 2004 году вернулся в Лиски. Уже в зрелые годы серьезно увлекся литературным творчеством: пишет стихи, басни, сказки, перевел 154 сонета Шекспира. Публиковался в журнале «Подъём», региональной периодике, альманахах и сборниках. Живет в городе Лиски Воронежской области.

Николай Самойлов

ДЛЯ НАС ГЛАВНОЕ ЖИТЬ В ЛАДУ

* * *

Ну, конечно же, мы не Европа!
Нету там ни авось, ни небось,
Там дороги — в России тропы,
У них прямо — у нас наискось.

Там у Бога просили удачу,
А мы молим не дать беду.
Там гордясь говорят: «Я трачу»,
Для нас главное жить в ладу.

И к суме и к тюрьме мы готовы,
Любим каяться без вины;
Неулыбчивы и суровы,
Будто климат нашей страны.

Там улыбкой прикрыв бездушье,
Ищут в сытости благодать,
А в России в почете радушье,
Нищих принято привечать.

Ну, конечно же, мы не Европа,
Там на все отыскали ответ,
Не осталось следов от окопов,
В душах выветрен дух побед.

* * *

Бит кнутом, на дыбе ломан,
Знай московских палачей!
По рукам, ногам закован,
Шел казак под звон цепей.

Буйну голову не вешал,
Богатырский стан не гнул,
Брата Фрола он утешил
И девицам подмигнул.

С плеч рванул палач рубаху,
Кожа в клочья, мясо в кровь...
Атаман ему без страха
Крикнул грозно, хмурия бровь:

— Почему не мыта плаха,
Может, лень царю служить?
Вытри кровь моей рубахой, —
Ловок был поговорить.

И в бою не ведал страха,
И у плахи не дрожал,
Палача учил: — Я махом
Саблей голову снимал!

Умирал не унывая,
Ни о чем не горевал,
Буйну голову теряя,
Он толпе команду дал:

— Вытри слезы, люд мой русский,
Стеньку песней поминай,
Не ходи дорогой узкой —
На широкой погуляй.

* * *

Погасло солнце, прожит день,
Но на душе тоска и смута,
Опять из русских деревень
Уходит жизнь, ища приюта.
По хатам стон и плач старух.
Забывших, брошенных не холят.
К ним даже Бог с иконы глух,
Когда его о смерти молят.

* * *

По ряду следствий и причин
Меняется картина мира:
Осточертел английский сплин
И европейские кумиры.

Слетели маски с лиц друзей,
Вдруг стали злобными врагами,
Пора бы, выгнав всех взащей,
Заняться нашими делами.

Их, как всегда, невпроворот:
Опять угрозы революций,
С тревогой ждем переворот,
А с ним и новых конституций.

Иван Савинович Сафонов родился в 1936 году в городе Воронеже. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Работал в Лискинском районе киномехаником, учителем, завучем, директором Тресорукновской средней школы. Публиковался в журнале «Подъём», региональных изданиях, альманахах. Автор десяти поэтических сборников, в том числе «Проселки», «Печаль, любовь, работа», «В родном краю». Член Союза писателей России. Живет в селе Тресорукново Лискинского района Воронежской области.

Иван Сафонов

КОЛЮЧИЙ СНЕГ В ГОРСТИ

ЧУДО

Я, может быть, не все бумаге
Доверю — пусть себе чиста,
От нас не требует отваги
Простая белизна листа.
Я от него покамест скрою
Все мысли тайные свои, —
Ничто не ново под луною,
За исключением любви.
Но и о ней не надо всюду
Звонить во все колокола.
Любовь всегда подобна чуду
С касаньем божьего крыла...
И если чуть неосторожно
Надломишь крылышко, то вновь,
Как ни проси ты, невозможно
Вернуть ушедшую любовь...

РАССТАВАНЬЕ

Из дома вышел не спеша,
И, в пояс кланяясь, сначала
Промолвил: «Господи! Душа
Всю ночь без усталости кричала...»
Он понимал всем существом,
Кровинкой каждой и взглядом,
Что покидает отчий дом
Навеки с поздним листопадом...

На сотни верст в наряде ярком
Предстанет отчая земля.
Где травы буйствуют и рощи
В оправе первого листа
Полны неудержимой мощи,
Что перевозданна и чиста.
И в небесах, где голос пташки
До изумления высок,
Такие вызовет мурашки
Восторга, бьющего в висок!
Запоминая миг на годы,
Идешь от запахов хмельной,
Извечный сын родной природы,
Кому кладешь поклон земной...

Роман Игоревич Сергеев родился в 1980 году в Воронеже. Окончил Сочинский государственный университет туризма и курортного дела. Занимается промышленным альпинизмом. Печатался в журналах «Подъём», «Губернский Стиль», региональной прессе. Участник Воронежских областных совещаний молодых литераторов в 2010 и 2013 годах. Живет в Адыгее.

Роман Сергеев

СЕРДЦА СЛЕПОК

* * *

Словно листья по осени,
Вдаль улетают сны,
И уже не поймать, не догнать —
Только снег на ладони...
Сколько лет до рассвета,
Или сколько веков до весны?..
Заморозилось время,
До стеклянности вод в затоне.

Сотни миль невозврата до края
От темного дна,
Размешался поток Настоящего
С Тем, Что Было...
И никто не виной —
Это просто *такая волна*.
От нее не сбежать,
Потому что уже накрыло.

* * *

— Все там будем... —
сказал гробовщик, забывая гвозди,
Чуть наметив,
а затем одним четким ударом.
— Да и кто мы здесь? —
Так, проходящие гости!.. —
Ежился он от ветра,
дыша «Примой» и перегаром.

Поплакали, проводили — да разошлись по делам,
Оставляя свежий холмик и пластмассовые венки...
А в пахнущей дымом подсобке, ноль пять пополам,
Присели помянуть по-свойски местные мужики.

— Вот ты, Николаич — мастер! Талант не пропьешь!
Занюхав рукавом, завел гробовщик свою речь, —
Учил бы уже молодого, а то как помрешь,
И некому будет и дело твое сберечь.

Они закурили, да снова налили по сотке,
За тех, кто под Богом, и за прочих ушедших в небо...
Клубился дым, потели стаканы от стылой водки,
Лежала, одна на всех, краюшка ржаного хлеба.

... Они были там, где все мы когда-то будем,
Они говорили о смерти спокойно, со знанием дела...
— Много людей разных, но здесь никого не судим —
Сам Господь рассудил, кто какого достоин удела.

— Давайте по крайней — нальем и выпьем до дна.
Когда будем там — это ведомо только Богу...
И что нам с того, что правда всегда одна —
Ведь каждый из нас к ней свою проложил дорогу.

* * *

Тяжелый металл в мозги забивает сваи,
Чтобы вновь придать разуму жесткую форму.
Взглянешь на небо — там реют черные стаи.
Да погодка все никак не приходит в норму...

Мартовская метель облепляет бело и мокро,
Она — обещанный платеж за бесснежную зиму.
Где-то в душе «глокая куздра курдючит бокра»,
А свет со всей своей скоростью пролетает мимо...

Мечтаются и снятся теплые апрели-май,
А ты снова одет в камуфляжную униформу.
Тяжелый металл в мозги забивает сваи,
Помогая принять прежнюю, жесткую норму.

* * *

... Останется город вдали — и справа,
Там дымно, машинно, асфальтно-ровно —
За линией рельсов тиха дубрава,
И времени ход замирает словно...

Пробьется дымок среди тонких веток,
И пламени крылья взметнутся снова!
И в этом огне — будто сердца слепок,
И к небу душа воспарить готова...

А помнишь — в горах, на лесной вершине,
От шума вдали да от вечной пыли,
Цвета октября под небесной синью
С огнем и закатом едины были...

Пусть вольные стаи «прощай» кричали,
Но был небосвод молчаливо светел.
Твой день одинок, только нет печали,
И рядом с тобою костер и ветер...

... Творя вдохновенно волшебной кистью,
Все яркие краски и ночи в звездах,
Бросаешь охапки осенних листьев
В пронизанный солнцем кристальный воздух.

Юрий Леонидович Силантьев родился в 1949 году в Грузии. Окончил Телавский государственный педагогический институт. Стал кадровым офицером. Проходил службу в странах ближнего и дальнего зарубежья, участвовал в боевых действиях в «горячих точках». Печатался в журналах «Подъём», «Огонек», «Кругозор», «Заря Востока», региональных альманахах и изданиях. Автор книг стихотворений «Все кони да звезды...», «А кроме быта есть еще стихи», «Монологи», «Горький дым». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Юрий Силантьев

ЧЕЛОВЕК, ВЕРНУВШИЙСЯ С ВОЙНЫ

* * *

Я пока еще не умер.
Я пока еще не старый.
Чуть красивый... Даже умный.
Только очень уж усталый.

Только очень я усталый,
жизнью битый-перебитый...
Вот и нервы не из стали,
вот и щеки не побриты.

Не примерены проливы,
не проверены дороги,
не разобраны архивы
и не собраны итоги.

Но и в этом мире зыбком
сохранил я шага твердость.
Не ушла из глаз улыбка,
только память поистерлась...

И уже тревожит осень
злым ознобом меж лопаток.
И в прическу вмерзла проседь —
за мои потери плата...

РОТА

Окопная легенда

А у роты был веселый запев,
средний возраст у нее — двадцать лет.
Молодая, едет рота теперь
в батальон свой по российской земле...

Вот приехали туда, где война.
Пулеметы берегут мост чужой.
А нужна главштабу та сторона!
Нужен мост. И не поспоришь с судьбой.

Батальон уж поредел на войне.
Значит, рота — как подарок судьбы...
И рассказ пора заканчивать мне,
чтоб успеть, покуда я не убит.

Встала рота под огнем в полный рост —
накачал ее спиртягой комбат, —
и пошла на этот проклятый мост!
И пошла!.. И не вернулась назад.

Только это, пацаны, не конец...
Говорят, что в подмосковном селе
с пьяных глаз комбат отмерил свинец —
и ушел в слезах за ротою вслед...

ЧЕЛОВЕК, ВЕРНУВШИЙСЯ С ВОЙНЫ

Месяц март, — и под землей трава,
пробудясь, готовится в десант.
И слегка кружится голова,
даже если вам за пятьдесят.

Четкий ритм качает поезда
день и ночь над рельсами страны...
Но не хочет ехать никуда
человек, вернувшийся с войны.

А куда, когда везде лежат
те, кого прикончила война...
Жизни жаль, и молодости жаль,
и тоски не вычерпать до дна!

Год за годом, вечно молодой,
ангел с неба столько лет трубит
зря над изувеченной страной
заповедь Господню «Не убий!»

Про любовь приносит сны весна.
Но совсем иные видит сны —
(если ночью не сидит без сна)
человек, вернувшийся с войны.

Свет луны течет, как чистый спирт,
сквозь окно в его пустой стакан...
Что с того — он спит или не спит?
Что с того — тверез он или пьян?

Пред иконой свечечка горит —
вечная отдушина вины...
Родина, когда ж тебя простит
человек, вернувшийся с войны?

ПОХОРОНЫ ВЕТЕРАНА

Отцу — посмертно...

Полковника везли не на лафете, —
несли через поселок на плечах...
И обдувал июльский знойный ветер
сосновый гроб в чехле из кумача.

Отдельно — впереди — несли медали
и ордена за взятие городов...
Он не хотел, чтоб с ним их зарывали, —
он не хотел кладбищенских воров!

Стенал оркестр — пять музыкантов местных,
из меди выдувающих шедевр.
Шли провожающие позади оркестра, —
и каждый будто в пустоту глядел...

А там — уже распахнуты ворота.
И у могилы — ветеранов горсть.
И к крышке гроба приложивши, кто-то
старательно вбивал в фуражку гвоздь.

За взвод почетный — три милиционера, —
из пистолетов дали залп тройной...
И опустили в землю офицера, —
в стране нелепой, горькой... но родной!

ПЛЕННЫЙ НАЕМНИК

Юрию Тиунову из 104-й дивизии ВДВ

Он стоял, заложив руки за спину,
и не щурясь смотрел на закат,
никаким государством не засланный,
не подвластный законам солдат.

Он стоял вне закона и родины,
прозываемый «диким гусем».
За Афган два потертые ордена
так неброско гляделись на нем...

Он стоял, улыбаясь презрительно,
зная горе свое наперед —
он умрет. Все ему извинительно,
потому что он страшно умрет!

Редкий гость — эта птица плененная.
Оттого и толпа собралась,
кровью будущей опьяненная,
поглазеть на жестокую казнь.

Ну, а он пил закат этот розовый,
веря, что Милосердный простит
все за муки его и за бронзовый
крестик, что под тельняшкой висит...

* * *

Жжет огонь мою душу. И в сердце гудят провода.
Я уже никогда от проклятой войны не остыну!
Напряженно хожу по своим, по родным городам, —
будто я еще там, где мне запросто выстрелят в спину...

В сны вторгается вдруг сквозь суставчатых гусениц лязг
леденящее кровь завыванье короткое мины.
И встает из-под ног, на дыбы подымаясь, земля...
И звенит в голове одинокая мысль, что — мимо!

Пепел прожитых лет навсегда мне присыпал главу,
поистерлась прическа, и в теле прибавилось груза.
По утрам удивляюсь, что выжил тогда. Что живу.
Что еще не погибла пробитая пулями Муза...

Полина Викторовна Синёва (до 2011 года — Альбина Синёва) родилась в Воронеже. Училась на факультете психологии Ленинградского государственного университета. Публиковалась в журналах и альманахах «Подъём», «Октябрь», «Вавилон», «Волга», «День и ночь», «Зарубежные записки» (Дортмунд), «Белый ворон» (Нью-Йорк). Автор пяти книг стихотворений. Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

Полина Синёва

ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА

* * *

Все руины, трибуны и паперти
смотрят в лица
ангелам, играющим в высшей лиге.
Пальцы стираются о страницы
при попытке перелистать все книги.

В небесах ползут трамваи и колесницы,
по углам прорастают крапива и незабудки,
и глаза саднят, давно перестав слезиться,
от старанья прочесть все буквы.

Не приходит осень, как будто тебя забыли
посреди кошмара с флагами и шарами,
в букваре, где мама шесть лет
не стирала пыли,
паутину не обметала, не мыла рамы.

* * *

Любой, кто забредал сюда, — герой.
Их странствие не может быть игрой.
Всем воздается небо или море.
Уставши от судьбы и от пальбы,
идут они кто в лес, кто по грибы,
на пляж, на карусель и в санаторий.
Им снова непонятно, сколько лет,
в кустах горит звонком велосипед,
летят цветы из зрительного зала,
и вот они напуганы слегка
и вкусом дорогого коньяка,
и маминой любовью запоздалой,

и тенью, где знакомое окно,
бесплатными билетами в кино
и порцией двойного шоколада...
Их праздник обошелся без потерь.
Им наконец приоткрывают дверь —
за нею снова все идет, как надо
и путь знакомый виден за версту.
Распятый возвращается к кресту,
влюбленный — в лазарет, солдат — под пули.

А ты сидишь в коньках, обняв пальто,
в чужой холодной школе-шапито
и знаешь, что наказан не за то
и что тебя на место не вернули.

* * *

И тяжелыми станут слова, как монеты в горсти,
чтоб суметь донести — не рассыпать, не произнести,
так и будешь стоять, как в колодце вода, и за это
перевернутой лупой в зрачке расплывается дом,
продолжение деревьев глотая отмытым окном,
рассыпая по кронам пригоршни пятнистого света,
отражая изнанкой их ржавчину, яшму и хну,
и на мокром асфальте — сверкнувшего неба блесну,
на которую ловятся голубь, кузнечик и рыба;
вавилон зазеркалий и темных дверей алфавит,
где беззвучно горит арамейский, иврит и санскрит,
где не помнишь ни кто отвечает, ни кто говорит,
где не выдержат свой перевод ни любовь, ни спасибо.

* * *

Мается душа, мается днем и ночью.
Из угла в угол слоняется тело.
Я не понимаю, Господи, чего ты хочешь.
Господи, я не знаю, что тебе сделать.

Я уже пробовала и так, и этак,
но старания мои тебе неуютны.
Что-то не так: нет от тебя ответа.
Ни счастливой стать, ни вздохнуть свободно.

Может, Господи, ты мне сам подскажешь, сможешь?
Чтоб не мучаться попусту зиму, весну и лето?
Нет, боюсь. То есть стоило бы, но все же
я боюсь — а вдруг ты скажешь в ответ на это:

«Хочу, чтоб ты просыпалась ровно в семь тридцать,
чистила зубы, разучивала на баяне гаммы.

Завела собаку, перестала бы материться.
Мыла посуду сразу. Любила маму».

Вот и все. Так просто? Представляешь, Господи, этот шок?
Можно ведь ждать от тебя подобной подставы?
Или, скажем, попросишь, чтоб закусывала хорошо
и лапшу китайскую трескать в офисе перестала,

перешла на здоровую пищу и витамины,
записалась в бассейн и ложилась в девять.
Господи, конечно, все это очень мило,
но ведь стихи я пишу только ночью. И что же теперь мне делать?!

Ты понимаешь, какая борьба мотивов?
И я ж люблю тебя, а ты мне — кефир на полдник...
Никакая крыша не выдержит. Это неотвратимо?
Может, Господи, можно попроще подвиг?

Может, книгу прозы мне написать за лето?
Выгнать любовника? Выиграть с плотью войны?
А то я лежу тут и парюсь неостроумным твоим заветом.
Понимаешь, Господи, каково мне?

Каково мне тут, слабый, грешной, несовершенной, лежать среди ночи,
завернувшись с пятками в одеяло?
И раздался голос:
— Да, собственно, делай сама, что хочешь.
Мне все равно. Дай поспать. Совсем задолбала.

* * *

Ветер кружит, кружит над золой и пылью,
ясные глаза застилает дым.
В небе лестницы, лестницы, — лестницы и крылья,
серые с голубым,

с голубым и розовым. В небе — птицы,
птицы, рыбы, львы — золотые нимбы, плавники,
крылья, крылья — и с любой страницы
стаи поднимаются, как со дна реки.

Там с любого неба — второго, третьего —
невесомы взмахи, легки шаги.
Где любовь была зеркалом и смертью —
ни следа, в небесах круги —

там теперь везде — розовый, сиреневый
воздух, и слова значат только «да».
Там теперь летит легкими ступенями
летняя, синяя вода.

* * *

Отрывались слова, и беззвучные губы и руки
шевелились в ответ.
Как мелькание спиц, и в однажды очерченном круге —
то ли дым, то ли свет, —

так и вьется чернильная вязь вдоль страницы,
заполняя строку;
так послушно под спицами плотное время ложится —
узелок к узелку,

забытье к забытью. С потолка на гостей и
на хозяев опускается снег,
и висят в промежутках слова, как растенья,
окончаниями мертвыми вверх —

чтоб за нас, прираставших спасительно к чаю,
продолжать разговор;
каждый раз — навсегда; не мешая молчанью,
завершая узор;

чтоб за нас, примерзающих к воздуху комнат,
каждый раз выбирать,
чтоб за нас соглашаться, бояться и помнить,
чтоб за нас умирать.

Ты вставала и шла открывать, только тянется нитка
от тебя через имя твое.
Может, все-таки — жизнь? — а не вечная пытка
на губах у нее?!

Мы застыли в своем перевернутом веке,
чтобы спать и не знать ничего,
потому что слова — как прозрачные веки
на пустотах вещей — на зрачках у него.

* * *

Улетевший шарик, неба холодный цинк,
наступление армии станет театром кукол,
в парке нет никого, опустевший усталый цирк
видит сны и с трудом поворачивает свой купол.
Боже, ты же простишь, если что-нибудь я и забыл,
если что перепутал,
мимо клена, грача, всех чудес, что ты сотворил,
я иду, не касаясь рукой перил.
Так дойдет до края земли, где мы
в эти листья сухие шуршащие рядом ляжем,
и услышим стрелки тяжелый скрип, и приход зимы,
ультразвук незримого хора, холод, восторг, и даже —

как еще раз вздрогнет — и остановится карусель,
повисая над всем пейзажем.
Так всегда: отражаешься — как берешь взаймы.
Боже, ведь ты же меня узнаешь,
ты же помнишь, что я уже насовсем.
Так всегда: падаешь — и взлетаешь.

* * *

Деревья в сад выходят босиком,
принюхиваясь к духу дождевому.
Голодный воздух тянется к живому
и капли собирает языком.

Они пришли, столпились на траве,
оставив только справа часть пейзажа,
где видно птицу в мокрой синеве,
и стаю крыш, и море видно даже.

Мне интересно — я сейчас смогу
проснуться — или мне продолжить сниться?
И горизонт, повисший на реснице,
опять не получается сморгнуть.

* * *

Опускается снег, отрастают трава и корни,
и течет вода — ниже плитуса, глубже пола,
ближе к центру Земли. А снаружи, себя не помня,
остаются лишь ум, честь и совесть, семья и школа.

Расступаются стены, сколько о них ни бейся,
и приходит время, сколько его ни бойся.
И росток пробивается прямо на старом шершавом срезе,
раздвигая твои годовые кольца.

Ребра лопаются от нежности этой ночью.
Чешуя соскальзывает, как живая.
И трещит удивленный податливый позвоночник,
напоследок изгиб теряемый вспоминая.

* * *

Идешь обратно с посиделок поздних.
Рука с трудом нащупывает воздух,
чтоб опереться и продолжить путь.
Пространство незнакомое, кривое,
у тротуара — плеск чужого моря,
не видно звезд и некуда шагнуть.

Не припасен ночлег, гнездо не свито,
но вяжет ночь свой бесполезный свитер,
свой безразмерный кокон шерстяной.
Ворсистый он, как темнота на ощупь.
Слепой Гомер пересекает площадь
ее изнанкой, той же стороной.

Шумит песок, по-прежнему не спится.
Хоть глаз себе коли блестящей спицей,
кривым крючком, дешевой блесной,
там — никого. Вот с этими словами —
так вы — последний? значит, я за вами, —
тебя приходят разбудить весной.

* * *

Не выпитый с осени чай
превращается в молоко.

Снег вот-вот дотронется до плеча.
Обернешься — нет никого.

Клавиатуры полярной льды,
слепки с застывшей воды, замедленные фаланги
пианиста, субтитры, птичьи следы,
клавиши из бумаги.

Нет никого,
только эхо в больничном холле,
только голос в небесном хоре,
комментаторы выключены.
День стоит, как стакан кефира.
И снуют в плотном воздухе, не оставляя нам тишины,
обитатели этого лета,
ультразвуком белым и фиолетовым
сводит им на морозе гланды.
Пятикрылые серафимы,
шестипалые ангелы.

Елена Евгеньевна Смолицкая родилась в городе Боброве Воронежской области. Окончила юридический факультет и аспирантуру Воронежского государственного университета. Работает преподавателем в Воронежском юридическом техникуме. Публиковалась в журнале «Подъём», альманахе «День поэзии ВГУ», региональной печати. Живет в Воронеже.

Елена Смолицкая

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

ГРАНИЦЫ

На одном языке
В разных странах всегда поют птицы.
Солнце светит у всех...
Знаешь, душам так чужды границы.

На телеге судьбы
Едут русские и украинцы,
Дружно песни поют:
Звукам песни нелепы границы!

Почему затрясло?
Кто же вставил в колеса нам спицы?
А на карте ползут
И чернеют зловеще границы...

Кто учебник писал?
Где мне правды найти хоть крупицу?
Через книги в умах
Воздвигают злонравно границы...

В языке много слов
Ухитрилось родных сохранить.
Но в культуре опять:
Предписанья, запреты, границы...

ДЕКАДЕНТКА

Она сидела в вязкой тишине,
Надев свое изысканное платье,
Топя остатки истины в вине,
И одиночество брало ее в объятья.

Она прочла так много разных книг.
Пестрили философские идеи...
И отчего так все разнится в них?
«Нет истины». Исканья надоели.

Простые вещи стали ей скучны,
И вскоре утомило то, что сложно.
Осколки искушенному нужны:
Из них сложить свою картину можно.
Кичиться. Вдруг рассыпать. Клеить вновь.
Все отрицать, опять сменить картинку...
Всех эпатировать и извратить любовь.
И так и не найти свою тропинку.

«Во что все верят — это лишь обман,
Бесплотный хлам идей и тлен иллюзий», —
Она так думала, закрывши дверь мирам,
Что грезились «обычным серым» людям,
Мирам, которые вполне могли цвести
Изысканно, как кружево на платье...
Когда нет смысла — некуда идти.
И тишина берет ее в объятия...

УЛИЦА

Асфальтная серая улица,
Зажатая между домов.
А где-то пшеница волнуется
И пчелы жужжат у цветов.

Здесь душно и так многолюдно...
Мы снова спешим кто куда...
А там под черешней уютно,
В колодце сверкает вода.

По осени в маленьком городе
Снова все жгут костры.
Птицы резвятся на холоде,
Деревья вокруг пестры.

А здесь — лишь высотки тяжелые.
И их никому не поднять!
А где-то дубы свои желуди
Уже начинают ронять...

Анатолий Павлович Смышников родился в 1954 году в городе Боброве Воронежской области. Профессиональный военный, в 1980-х годах служил в Афганистане. Литературным творчеством увлекается с молодости. Публиковался в журнале «Подъём», региональных изданиях и альманахах. Автор сборника стихотворений «Я брел дорогами вселенной». Живет в городе Боброве Воронежской области.

Анатолий Смышников

СРЕДИ МОРОЗНЫХ ОБЛАЧНЫХ ПРОРЕХ

АФГАНСКАЯ ВОДА

Она была густой и горькой,
Как доля наша, как беда,
Обильно сдобренная хлоркой
Вода. Афганская вода.

А мне казалось, слаще нету.
И наливая через край,
Я пил два года воду эту
В долине смерти — Келагай.

С кяриза, годную едва ли,
Я пил, рискуя заболеть.
И из ручья на перевале
Со льда, зеленую, как медь.

Она гасила бред несвязный,
Спасала тело в смертный зной.
Вода — она бывает разной,
Как те, кто пил ее со мной.

И той воды частица, малость
Всех перевалов и застав,
Войдя однажды, в нас осталась,
Слезами став и кровью став.

СВИДАНИЕ

Боброва тихая окраина.
Из окон видно за версту,
Как поезд, вскрикивая ранено,
Ползет по старому мосту.

Надменно маятник качается, —
Ему до нас и дела нет.
А жизнь идет, жизнь не кончается,
И вновь весна, и вновь рассвет.

И ты со мной! Желать ли лучшего?
Судить о прошлом да рядить.
Ты приняла меня, заблудшего,
Чтоб обогреть и проводить.

И снова ждать с надеждой малою...
И я целую, глядя прядь,
Не молодую и не старую,
А ту, что ягодка опять.

Я, гость ночной и не загаданный,
Тебе от дальних берегов,
Принес в ладонях запах ладанный,
А в сердце золото волхвов.

И в чаше древней и таинственной —
Вино, как жертвенную кровь,
Тебе, желанной и единственной,
За веру, верность и любовь!

* * *

Теплом навеянный и скукой,
Внезапный сон неодолим.
Из пальцев выскользнет, со стуком,
Раскрытый томик братьев Гримм.

И тени сгрудятся, пугая
Чужой, придуманной виной.
И снова книга, но другая,
Раскроется передо мной.

Страницы древние листая,
Прочту заклятие в конце.
И шерсть звериная, густая,
Пронижет кожу на лице.

Загнутся ногти, отрастая,
Взыграют впалые бока
И зов услышав, волчья стая
Во мне признает вожака.

И вмиг примчит, и так случится,
Уже не чувствуя врага,
Со мной матерая волчица
Сбежит в январские луга.

Взрыхляя лапами, с налета,
Снегов алмазные парчи —
И будет дивная охота
С веселой свадьбою в ночи...

Скользнет заря по окнам двушки,
Очнусь один, не клят не мят.
Лишь клочья шерсти на подушке,
Меня смутят и удивят.

КРУЧЕНАЯ

Как, объевшись беленой,
Муж просил на Троицу:
«Господи, заступник мой,
Дай мне успокоиться!
Женушка-распутница
В дурь оделась полную,
Подари мне спутницу
Тихую да скромную.
Нашу, деревенскую,
Чтоб немного окала.
Ела булки «венские»
И сидела б около.
Ревностью не мучала,
По субботам парила,
Чтоб глаза наглухие
На других не паялила».

Бог сказал сконфуженно:
«Просьба принимается...»
Года нет, а суженый
Бьется лбом и кается:
«Ох, эти приличные,
Что боятся пороха.
Чересчур тепличные —
Ни огня, ни пороха.
Боже, просьба личная,
Отыграй в обратную:

Забери приличную,
Возврати развратную.
Буду ее тенью я.
И с напором пристава,
Лет до ста, не менее,
Надрываться истоиво.
Ласками измученный,
Стану в тихой радости,
Со своею крученой
Дождаться старости!».

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА

Среди морозных облачных прорех
Плывет луна, как парусник к Тристану...
В один из дней на землю ляжет снег,
В один из тех, когда я ждать устану.

Когда глаза, ослепшие на треть,
От горьких дум и бытового пьянства,
Уже не смогут пристально смотреть,
С немой мольбой, в межзвездное пространство.

Где в ледяной, безмолвной пустоте
Горят спирали призрачного тока.
Где и друзья, и недруги — все те,
Кого я знал и кто ушел до срока.

И ты меж них, прозрачный лик склоня,
Ткешь Божий образ нитью голубою.
Скажи, Изольда, помнишь ли меня,
Там, где не властно время над тобою?

Как помню я, далекий краткий миг:
Тень корабля, летящего волнами,
Горящий взгляд и ложе для двоих,
И царский меч, возложенный меж нами.

Но если впрямь живет любовь в веках,
И тайный знак незыблем, как и прежде,
Пошли мне снег, что зреет в облаках,
Как белый парус веры и надежды!

ОСЕНЬ

К тучам свинцовым
Прибито над лесом
Солнце,
Как щит на Царьградских воротах.

Связки сушеных грибов
Под навесом.
Осень! Вновь осень
В центральных широтах.

Снова туманы
Легли, не спросили,
Влагою ватной
Укутав приречье.
Слишком короткое лето
В России,
Словно внезапный укол
У предплечья.

Сжалось, как будто,
И вновь отпустило.
Колкою дрожью
По клеточке каждой...
Сердце, ну ты-то
Чего загрустило?
Так уже было
Не раз и не дважды.

Мы ведь привычные,
Мы не прогнемся.
Майского солнца,
Как прежде дождемся.
Ливнем умоемся —
Ветром утремся.
И улыбнемся еще,
Улыбнемся!

Сергей Владимирович Соколов родился в 1958 году в городе Боброве Воронежской области. Окончил Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище. Служил офицером на атомных подводных крейсерах Северного и Тихоокеанского флотов. После ухода в запас работал учителем в родном городе. Публиковался в журнале «Подъём», коллективных сборниках, периодических изданиях России и Украины. Автор книги «Гусиная зоря». Член Украинского межрегионального союза писателей. Живет в городе Боброве Воронежской области.

Сергей Соколов

В САДАХ РАЗЛИВШАЯСЯ НОЧЬ

* * *

К морю синему рвануть бы,
В паровозной дымке тая,
Разрывая чьи-то судьбы,
Чьи-то заново латая.

Чай отхлебывая шумно
И помешивая ложкой,
Окунуться вдруг бездумно
В мир дорожного окошка.

И уснуть в купе вагонном,
Как младенец, от болтанки,
Провожая взглядом сонным
Города и полустанки.

После водочки хорошей
Взять бутылочку к обеду,
Как на исповеди Божьей
Отпустив грехи соседу.

Так глядишь, и в разговоре
День пройдет, и слава Богу!
Ну, зачем мне это море?
Интереснее дорога!

ОСЕННИЙ ВОСХОД

Ночь ерепенится, и зря!
Ведь утро сделало отмашку,
И над землей встает заря,
Заря с душою нараспашку,
С холодной утренней росой,
Со звонкой песнею фягота.
Заря в полнеба. Полосой
Туман над пойменным болотом.
И, спрятав стебли камыша,
Как в молоке, наполовину,
Он незаметно, чуть дыша,
Перебирается в низину,
Где гонит воды вдаль Битюг
(Вода-то уж совсем остыла).
И, разбудив осенних мух,
Встает сентябрьское светило.

* * *

«Не распускайте руки, господа,
Не трогайте красавицу, повесы!», —
Шептал столетний дуб кустам, когда
Ты шла с лукошком медленно по лесу.

Такое было в этой ворожбе,
Что рот раскрыть колючая крапива,
Не смея даже, падала тебе
Под ноги нежно и миролюбиво.

И расступались в стороны кусты,
С дороги ели убирали лапы,
И лишь грибы, стесняясь наготы,
Стояли в страхе, спрятавшись под шляпы.

* * *

Ночь пахла звездами и сеном,
В моей руке твоя рука...
Я говорил о сокровенном.
И мчалась кровь по сильным венам,
Как будто в паводок река.

И сердце бешено стучало,
Вот-вот покинет тело прочь.
Я говорил, а ты молчала.
А за спиной сверчком журчала
В садах разлившаяся ночь.

Пятнадцать лет всего, о Боже!
И джинсы Levis с бахромой...
Мурашки бегали по коже.
И мамин крик в ночи: «Сереза!
Сдурел совсем, а ну, домой!»

* * *

Поздний вечер за окошком
Опускаясь, птицей кружит
И хрустит ледовой крошкой,
Отражаясь в стылых лужах,
Неприкаянный и грустный.
Вопреки ноябрьской моде,
Лист, наверное, капустный
На промерзшем огороде
Зеленеет виновато
У заросшего колодца.
Нить осеннего заката
За селом вот-вот порвется,
Натянувшись до предела.
И чуть больше, чем вчерашний,
Месяц робко и несмело
Вылез и повис над пашней.

Мария Александровна Соколовская (Бахтина) родилась в городе Бельцы Молдавской ССР. Окончила факультет русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета. Кандидат филологических наук. Участница Воронежских областных совещаний молодых литераторов 2008 и 2010 годов. Публиковалась в журнале «Подъём». Автор книг стихотворений и прозы «Взрывные согласные», «Ежели». Лауреат Исаевской премии молодым поэтам Воронежской области (2015). Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

Мария Соколовская

ЕСЛИ Б ТОЛЬКО МОГЛА ОТВОДИТЬ БЕДУ...

* * *

Сидим на заборе из досок своих гробовых
Среди облаков (или что это, не разберу).
Сияет весеннее детство — одно на двоих —
И мы веселы и спокойны. И я говорю,
Что хочется петь и смеяться от света вокруг,
В нем кажется прошлое чудным
и будто чужим.
И жизнь ведь была хороша,
как цветущий бамбук,
Но как хорошо, что ей больше
не принадлежим.

* * *

«Бунин жив», — царапает в подъезде
Пьяная веселая девчонка
И, кружась по лестнице, сбегает
От смазливых лиц, холодных пальцев
Нелюбимых мальчишек соседских.
А любим ей умерший в Париже
В нищете забытый старый Бунин.
Никому не нужный. Только ей.

В парке распускается сирень,
Статный свежий ветер привлекателен.
Пьяная от солнечных деньков,
Девочка танцует и смеется,

В стороне от миленьких подруг.
Мысли занимает русский Ваня,
Что в Париже ровно тридцать три
Года прожил.

Есть у девочки крещеная собака
(в детстве каждый знает: в рай с собакой
вход не запрещают). Фото папы.
Мама-алкоголик. Друг бездомный.
И старик, корпящий над столом,
Где-то в недоступном ей Париже.
Вот ее богатство, путь, судьба.
Облако для свешиванья ножек,
Цирк для избалованных детей.

Перед сном, сама того не зная,
Хмурит брови. Поджигает губы.
Безответно смотрит в никуда.
Нараспев тихонько произносит:
«Сент-Женевьев-де-буа».

* * *

Милостив дождь в январе. Вот кому до меня нету дела.
Мир отражается в лужах, а внутренний — пуст.
Господи, я постранично — погибшее дерево,
Но ведь отчетливо помню свет солнца на вкус!

Как бы не ждать, что листы мои белые вспомнят
Преображений бесчисленных жизненный толк...
Господи, что же мне делать с душою бессонной?
Разве я не понимаю, зачем Ты замолк...

Все же под этим дождем я сильнее и строже.
Времени нет. И по горло — синюшных чернил.
Скоро февраль. Я не знаю ни буквы. О Боже,
Крепче держи эту руку, что Ты сотворил.

* * *

Сережа — юродивый. Видит весь Божий мир:
Свет источает движенье его теней.
Солнце сменяют желтые фонари.
День мироточит, ночью душе ясней.
Ночью он расправляет свое плечо,
Клетки грудной поднимается огонек.
Все в нем уродливо, пыльно и хорошо,
Словно больного детства сухой цветок.
Горные реки шепота, скал оскал.
Донные камни сбитых навек замков.

Есть у Сережи Бог и одна тоска,
Пара теней и горстка невнятных слов.
А у меня — глаза. И сердечный шум.
Хлеба небесного корка на черный день.
Если бы только могла отводить беду,
Где бы он был теперь...

* * *

Жизнь больше, чем эта спокойная ночь без тебя.
Ложится прохлада на знойные улицы города,
И кажется, будто уже утихает гроза,
Скрываюсь едва от сгущенного черного солода...
Но небо беззвучно роняет одну темноту
Стабильно и щедро. И некуда боль перепрятывать.
Как глупо не спать из-за вязко-слащавого: «Жду».
Как было бы правильно в звуках тебя не угадывать.

Александр Николаевич Сухов (Сухоруков) родился в 1947 году в городе Андижан Узбекской ССР. Окончил Воронежский политехнический институт. Публиковался в журналах «Подъём», «Странник», «Звонарь». Автор сборников стихов и прозы «Лепестки лотоса», «Другой», «Остров для двоих», книг «Практическая биолокация», «Практическая эниология», «Биоэнергетика, биолокация, эниология». Живет в Воронеже.

Александр Сухов

БАГРОВЫЙ СВЕТ, РАЗЛИВШИЙСЯ НАД МИРОМ

* * *

Сумерки шуршащие тихи,
В легкой дымке дремлет гладь реки,
Чист и нежен вечер над водой,
И такой волнующий покой,
Что и слово грех произнести,
Только, взявшись за руки брести
И смотреть, как в гущу сонных крон
Падает горящий небосклон...

БЕДНЫЙ ИУДА

Бедный Иуда,
Говорят, ты уже не иуда,
А не понятый черню приبلудной,
Разочарованный джентльмен.

Что твой чудный донос
Искупление миру принес,
Что ты мученик, как и Христос,
За идею,
ты жертва, Иуда.

Ты почти молодец,
Ты изменой ускори конец,
Без тебя не воскрес бы мертвец,
Значит, не было б чуда!

Так, апостол, держись!
Твои ставки теперь поднялись,
И грехи амнистировались.
Будь спокоен, Иуда.
Тебя не забудут.

* * *

И поле, и ветер, и блещущий плес
Глаза мне упруго наполнят до слез,

И полные очи мой край отразят,
И с мыслью застынет пронзительный взгляд:

Простая земля... Что же я без нее,
Как тень, потерявшая тело свое?..

* * *

Не торопи меня, дай досмотреть закат!
Здесь будто вечность дремлет в дыме алом,
И все тревоги о большом и малом
Уносятся за красный неба скат.

Смотри и впитывай всем существом своим
Багровый свет, разлившийся над миром,
Над всею жизнью, явной и незримой,
Здесь будто кровь веков смешалась с ним.

А око в небе, что безмолвьем полнит грудь,
Как будто б и зажглось в той багрянице
Затем, чтоб в запрокинутые лица
Своим созданьям гордым заглянуть.

* * *

Сонная птица по небу летит,
На сонную землю глядит — не глядит:
Нету родного в просторе,
Чужие все горы да море.

Лишь ветер знакомый на сонном пути,
Лишь ветер знакомый
В расправленных крыльях поет и гудит
В расправленных крыльях.

Древняя сила упрямо вперед,
Желанья сковав, направляет полет
К жизни в иные пределы
От родины дремлющей, белой.

До встречи весенней, родная, прощай,
До встречи весенней.
Любовь возвратит нас в оставленный край,
Любовь возвратит нас...

* * *

Я пошел во все стороны света...

Ю. Кузнецов

Срок настал, и пошел я по свету,
Спотыкаясь в житейском дыму,
Чтоб найти тебя сердцем поэта,
Свет узреть или кануть во тьму.

То вблизи, то вдали ты сияла.
Я черты твои видел во сне.
Жарким бредом любовь наплывала
На далекой и близкой земле.

Все дала ты: судьбу и надежду,
Но к себе не открыла пути...
Вновь стремлюсь я в туманах безбрежных
Во все стороны русской земли.

СЛЕТАЛИСЬ ВОРОНЫ

Слетались вороны на поле голое,
на поле голое, — добычу чуяли;

добычу чуяли, глазами зыркали,
крылами жесткими во злобе хлопали;

крылам хлопали, бедою каркали,
живое пряталось и небо хмурилось;

и небо хмурилось над полем выбитым,
где конь лежал с глазами жуткими;

глазам жуткими косил на путника,
что перед ним стоял с главой поникшею;

с главой поникшею средь поля мертвого
с недоброй мыслию об одиночестве.

Об одиночестве не думай, молодец,
ты не терзай себя тоской-кручиною;

тоска кручинная лишь смерти на руку,
не ты один остался во поле;

не ты один идешь здесь по полю,
пускай кричат враждебно вороны;

над нами вороны, дорога дальняя;
назад же нет пути, его и не было;

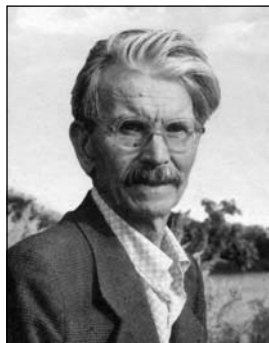
его и не было. Шагай же, молодец,
с главою гордою, быть может, встретимся;

а если встретимся, дойдем и пешими,
а не дойдем, — так тропку вытопчем.

Так тропку вытопчем, чтоб легче было бы
другим за нас дойти в те дали синие;

в те дали дальние, края широкие,
где люди добрые и солнце красное;

где солнце красное и жизнь привольная,
мечты высокие и смерть не страшная...

Михаил Федорович Тимошечкин (1925–2013) родился в селе Васильевка Воронежской области. Участник Великой Отечественной войны. Автор документальной повести о герое Советского Союза, войсковом разведчике М.И. Крымове «Вслед за солнцем», поэтических сборников «Бой», «Свидетели живые», «Печаль и благодать».

Михаил Тимошечкин

ГОЛУБЫЕ СНЕГА, ОКРОПЛЕННЫЕ КРОВЬЮ

НА ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЕ

Отлетает тоска,
Боль былых поражений,
Ждут в Карпатах войска
Дни грядущих сражений.

Кротко на образа
Впрок успев помолиться,
Посветлели глаза,
Посуровели лица.

Огневая пурга
Вновь кладет в изголовье
Голубые снега,
Окропленные кровью.

И под будущей стражей
В селах и хуторах
Уж никто не расскажет,
Не напишет в стихах,
Как под смертными страхами
Да в чужой стороне
Гибли русские пахари
На германской войне.

ОТЕЦ И ДЕД

Нас все звали «царями»
С незапамятных лет.
Были богатырями
Мой отец и мой дед.

И в избе под соломой
В жизни в тяжкие дни
Ни надлома, ни слома
Не знавали они.

Для трудов всю неделю
Каждый день был пригож.
На земельном наделе
В подзимь сеяли рожь.

Что косою скосили
И связали в снопы,
С поля на ток свозили,
Тут беря их в цепи.

Закаленные с детства,
Как и все мужики,
Дорожили наследством —
Были духом крепки.

В жизни разное было
Для людей, для страны.
Им здоровья хватило
На четыре войны.

МУЖИКИ

Кормильцы русского народа,
На них сейчас особый спрос.
Им было суждено от роду
Всю жизнь работать на износ.

И улыбнется не без гордости,
Как подобает мужикам:
Жизнь приравняла их по твердости
К металлорежущим станкам.

В боях на фронте трижды ранен,
В пути без жалоб и без слез,
Победу нашу он, крестьянин,
На собственном горбу пронес.

ДЕДУШКЕ

Было время, когда на Дону
Самых лучших теряла Русь,
Ты меня провожал на войну,
И в глазах твоих теплилась грусть.

Шапку снял, положив на кровать,
Подойти меня попросил,
Дал икону поцеловать
И лицо мне перекрестил.

И в походах, средь бурь и огня,
Знал я твердо, покинув Русь,
Если ты провожал меня,
Я домой непременно вернусь.

* * *

Был крещен я войною
И в судьбине одной
Все, что было со мною,
Было с нашей страной.

СПЕШУ К ТЕБЕ, МОЙ ДРУГ И БРАТ...

Спешу к тебе, мой друг и брат,
К твоей соломенной постели,
Смертельно раненный солдат
На окровавленной шинели.

Я ранен сам. Но я живой,
И мне приказано дожидаться,
Когда, светлея, головой
Произнесешь ты тихо: «Братцы».

Я буду ждать и час и два,
Взяв карандаш на изготовку,
И сердцем встрепенусь, едва
Услышу рядом: «Мне неловко».

Шепчи, кому ты письма слал,
Жене, а может быть, невесте,
Ведь кто-то ждал, все время ждал
От нас, от каждого, известий.

Я волю выполню твою —
Из штаба им пойдет бумага,
Что пал ты в праведном бою,
Явив геройство и отвагу.

Пошлют им похоронный лист
Иль извещение о павшем.
Нет, я не дам тебя, танкист,
Причислить к без вести пропавшим.

О, ГДЕ СЕЙЧАС ВЫ, НЕЗАБВЕННЫЕ?

О, где сейчас вы, незабвенные,
В каких краях и в чьей любви,
Мои попутчицы военные,
Регулировщицы мои?

Зачисленные в строй подростками
В дорожно-полевую часть,
Над фронтовыми перекрестками
Вы всю войну держали власть.

Представ под взглядами влюбленными,
Лишь поворотом головы
Какими грозными колоннами
Легко повелевали вы!

Княжнами, в кирзачи обутыми,
По мановению фляжка
На запад точными маршрутами
К победе двигали войска.

Пылая смуглыми румянцами
От растроченной любви,
Как будто украшали танцами
Все приказания свои.

Косоприцельными ресницами
Прикрыв достоинство в глазах,
Владели восемью столицами,
Освобожденными в боях.

МНЕ СОПУТСТВОВАЛИ УДАЧИ

Мне сопутствовали удачи.
Знал любовь я и знал почет.
Сам себя для борьбы предназначив,
Неудачи не брал я в счет.

Был готов побороться с судьбою,
С малых лет приучаясь к труду.
Зародили меня для боя
Мать с отцом в двадцать пятом году.

СТАРИКИ — ОНИ ПРЯМЫ НА ЧУВСТВА...

Старики — они прямы на чувства.
В правде не уступят молодым,
Деятели грозного искусства,
Сквозь огонь прошедшие и дым.

Чуть затронешь струны потайные —
Речь воспламенится, горяча,
Лезут в правдолюбцы записные,
Рубят правду-матушку с плеча.

Рушат все пути для отступленья,
Рвут для оправдания мосты.
Заблужденья их скорей прозренья,
Так светлы они и так чисты.

Смотрят с грустью, как на иноверцев,
На сынов: «Святая простота!»
Чует многоопытное сердце,
Где она зарыта, правота!

УЕДИНЕНИЕ

Люблю я массовое пенье,
Но перед спевкой хоровой
Мне все ж нужно уединенье,
Чтобы услышать голос свой.

Люблю в строю держать равенье,
Но выпятить в шеренге грудь
Смогу, уйдя в уединенье, —
Портянки вовремя обусть.

И даже тут, в стихотворенье,
Сих дум удерживая нить,
Спешу опять в уединенье —
Из звуков зримый образ сбить.

Люблю людей столпотворенье,
Жить среди них, дерзать, любить!
Мне надобно уединенье,
Чтоб одиночеству не быть.

* * *

Одолевай, мой дух, невзгоды
На долгом жизненном пути.
Живи, как жил в былые годы,
Других дорог нам не найти.

БОРИСОГЛЕБСКИЕ КРАЯ

Быть может, это непривычно, —
Любовь у каждого своя, —
Я предпочел красе столичной
Борисоглебские края.

Пусть тут беднее все и проще,
Но нет ведь худа без добра:
Тут Теллермановская роща
Над правым берегом Хопра.

Тут в прошлом русская сторожа,
Лесную обживая крепь,
В чащобе выстроив острожек,
С опаской всматривалась в степь.

Там между Волгою и Доном
Пролег в непаханых полях,
Миная русские кордоны
Ногайский Астраханский шлях.

Меж хуторов Хопра и Дона
От Подмосковья напрямиком
Пехота Патрика Гордона
К Азову шла тем большаком.

А теллерманские дозоры
Досмотром прихоперьем шли
И рыбу, наловив в озерах,
Обозами на Русь везли...

И выбор мой не переборет
Любой случившийся скандал:
Борисоглебск был первый город,
Какой я в детстве увидал.

А глаз мой был предельно зорок,
Все городское замечал...
Казался в детстве каждый взгорок
Началом судебных начал.

ХОРОШО БЫЛО В НАШЕЙ ИЗБЕ...

Хорошо было в нашей избе,
Когда бабка лежанку топила,
И гудела в железной трубе
Развеселая жаркая сила.

Все сильней шел от печки дух,
А она все с боков краснела,
И пурынь, как галчиный пух,
До двери от нее летела.

Я скручу из соломы пучок,
Приоткрою печную дверку,
И огня озорной язычок
Враз лизнет золоченую горку.

И садился к нам на пол дед
Через скалку померяться силой...
Хорошо было в нашей избе,
Когда бабка лежанку топила.

НАПРОТИВ НАС КЛИМАШИН ДВОР

Напротив нас Климашин двор.
Был день морозным утром начат.
А в сенцах бабкин разговор
И крик: «Климашиных кулачат!»

Напротив люди у крыльца
И лошадь белая с кошелкой...
Сменился дедушка с лица
И прятать хлебы стал на полку.

А от Климашина двора
В кошелку узелки кидали.
А, может, то была игра,
В какую раньше не играли?

А дед бумагу со стены
Сорвал дрожащими руками,
Хотя в ней не было вины,
Ее ведь в школе дали маме.

А зимний день был ясен, чист,
Плясало солнце над дверями.
И в печке тлел похвальный лист,
Большой, с наряжными царями.

Донесся голос из сеней:
«Не нас, а нам чего бояться».
Зашел отец, смел снег с лаптей
И молча начал разуваться.

НЕСТРОЕВИК, В СТРОЮ ИДУ...

Нестроевик, в строю иду,
От Харькова к Днепру шагаю
И за собою взвод веду,
Законы фронта постигая.

Разверстан заданный маршрут
Через Полтаву и Санжары,
А впереди нас стерегут
Бомбардировки и пожары.

Но распорядок марша строг —
И вспышки пушечные рядом.
Гремит плацдарм Мишурин Рог,
И рвутся первые снаряды.

На плавмостки во тьме ночной
Шажком след вслед в строю взбираюсь,
Над бурной возносясь водой,
В огонь войны переправляюсь.

СТАРЫЙ ТАНЦОР

Нам объявили: будет танец.
Мы приготовились встречать,
Как выйдет юный новобранец
Нас перестуком забавлять.

Усмешку кинули друг другу,
Когда увидели в упор —
Сосредоточенно по кругу
Прошелся старенький танцор.

Видать, чудак неисправимый,
Коль удивить надумал нас —
Под гомон неостановимый
Исполнив легкий па-де-грасс.

Он долго по дощатой сцене
Неторопливо колесил,
Как будто разминал колени,
А может, набирался сил.

По кругу сдержанной походкой
Прошелся и в середке стал.
И вдруг пошел на нас чечеткой,
Враз разбудив дремавший зал.

И бил то «яблочко», то «польку»
И лихо, как казак-удал,

Не отдыхаячи нисколько,
По-русски барыню плясал.

Взлетал и снова опускался,
Ногой, обутою в чулок,
На миг лишь пола прикасался,
Чтоб взмыть под самый потолок.

Баян, отчаянно рыдая,
Спешил за ним, свистя в мехах,
И только удаль молодая
Светилась в голубых глазах.

Танцор никак не унимался
И снова дробью шел на нас.
И кто-то шумно восхищался:
«Вот это да! Вот это класс!»

И мы, забыв субординацию,
Ответили ему овацией.
И вместе с нашими руками,
Как знак сердечной чистоты,
Над стриженными головами
Взметнулись белые бинты.

А он лишь за сердце держался,
В поклон сгибаясь пополам,
И, улыбаясь, задыхался
От счастья, отданного нам.

НА ЗАПАД ТЫЩУ ВЕРСТ ПРОШЛИ МЫ...

На запад тыщу верст прошли мы
И вот уже за рубежом
По Родине своей любимой
Тоскуем в городе чужом.

В одной из брошенных квартир
На обгоревший подоконник
Под вечер ротный командир
Поставил найденный приемник.

Всегда сердитый старшина,
Слегка ворча, волну настроил,
И у раскрытого окна
Мы сомкнутым сгрудились строем.

Затих солдатский разговор.
И вдруг сквозь шум и треск эфира,
На волнах облетов полмира,
Рванулась песня на простор.

И будто неземной кудесник
Унес нас в милые края:
«Лети, лети, Победы песня,
Лети до самого Кремля».

Век не забыть, как нам в отраду,
Всем тяготам наперекор,
Паря над городом-громадой,
Пел массалитиновский хор.

Еще не зачехлены пушки,
А с улиц русского села
Свои тамбовские частушки
Для нас Мордасова слала.

* * *

Все готово для наступления.
Цель похода предельно ясна.
Льды на реках приходят в движение,
На Воронежском направлении
Разворачивается весна.

По утрам под скворчиное пение
Слышно с солнечной стороны
Учащенное сердцебиение
Надвигающейся весны.

* * *

Не верьте, почитатели,
Что голос мой затих, —
Для будущих читателей
Закладываю стих.

О, сколь еще не сложено,
Я снова к рифмам жмусь
И, как бойцу положено,
Победою горжусь.

Владимир Васильевич Тулупов родился в 1954 году в Уфе. Окончил филологический факультет Башкирского государственного университета. Сотрудничал с рядом уфимских и воронежских газет. Доктор филологических наук, профессор. Декан факультета журналистики Воронежского государственного университета. Автор около трехсот научных и научно-методических работ, нескольких книг стихов и публицистики. Живет в Воронеже.

Владимир Тулупов

ДЕТСКАЯ ПАМЯТЬ

* * *

Когда зима нас утомит
поземкой, холодом, бураном,
весны благословенной вид
рисуем и зовем. Но рано...
Еще упрямая зима
сварливо нам бросает в очи
охапки снега — знать, сама
из жизни уходить не хочет.
Весною талая вода
поднимет реки и затопит
дороги, села, города,
но и весна свой век торопит:
ведь солнце каждый день твердит,
мол, погоди, наступит лето,
и шмель мохнатый прогудит
тепла начало... Будет это:
купанье, ягоды, грибы,
роса на зелени могучей,
в ногах усталость от ходьбы
по перелескам и по кручам.
...Но сердце скоро станет ждать
осенней грусти и печали —
и в этом жизни благодать:
в конце — как будто бы в начале...

* * *

Почти забыли человека:
невнятно вспомнили, а он
кумиром был лишь четверть века
назад... Таков, увы, закон
текучей жизни, невозвратной,
и вспоминаются не те,
кто жил неброско, аккуратно,
держал чью руку в темноте...

МЕДАЛЬ

Скромная отцовская медаль
с профилем ушедшего вождя...
Пробегаая временную даль,
вижу шестилетнего себя.
Отшумела, кажется, война,
но о ней — и песни, и стихи,
но везде еще живет она,
но еще видны ее штрихи...
Гимнастерка, фронтовой ремень,
фотки черно-белые висят,
за победу наливают всклень,
за друзей пьют стоя и молчат...
За медалью скромною — судьба,
сорок первый, сорок пятый год,
и стрельба, стрельба, стрельба, стрельба...
И с несчастьем свыкшийся народ.

* * *

Как память избирательна: увы,
забыто многое, что надо бы запомнить,
и в то же время ясно видим мы
иное, что хотелось бы не помнить.

Лишь клетки детской памяти живучи:
в них запахи и состоянье дней
так ярки и так сладостно пахучи,
что самой точной записи верней.

* * *

Бежишь, торопишься — и вдруг,
глаза подняв, увидишь в небе
неясный солнца полукруг
среди зимних туч... И не о Фебе
тогда подумаешь — о том,
как все это сосуществует:
канавы, тротуары, дом
и небо?.. Улетает все
дней бестолковых череда,
делишек мелких и никчемных,
а где-то — горы и вода
морей и голубых, и черных
веками царственно живут...
Не замечают, не снисходят,
не суетятся, не зовут —
они-то знают: в с ё п р о х о д и т .

Нина Геннадьевна Тюрин
рина родилась в городе Во-
ронеге. Окончила естествен-
но-гуманитарный фа-
культет Воронежского госу-
дарственного технического
университета. Специалист
по связям с общественнос-
тью. Публиковалась в жур-
нале «Подъём», коллектив-
ных сборниках «Грани»,
«Поэтех», «Первая века».
Лауреат литературной
премии журнала «Подъём»
«Родная речь» в номинации
«Открытие». Живет в Во-
ронеге.

Нина Тюрина

НЕ ЗАБЫВАЙ ДЫШАТЬ

* * *

мы состаримся в этой зиме,
ослепившей мгновенно.
от двери до двери — две недели
и целая жизнь.
над дорогой из льда — черных веток
застывшие вены.
закрываю глаза и тебе посылаю:
«держись».

не хочу рассуждать. ибо разум в неведение
счастлив.
у зимы нет морали — наотмашь целует
и бьет.
если кто-то из света вчера раскололся
на части,
он останется жить, чтобы дальше
светить для нее.

я бумажная девочка: буковки — слезки —
смешинки...
выдыхаю слова сквозь спасительный
яблочный дым.
и пока у него на ресницах
играют снежинки,
я летаю над городом: гордым, холодным,
ночным.

Публикуется в авторской редакции.

раскачает декабрь в закрытой снаружи кабине.
на вопрос «кто и кем здесь играет?» ответить нельзя.
наточи свои ножницы. будь благородным и сильным.
и сердечко бумажное вырежи из меня.

мы состаримся здесь — в хороводе огней и метелей,
в этой памяти зимней: проклятой, дурманной, шальной...
но дорога из льда к ярко-красному замку длиннее,
чем дорога из света — от двери до двери — домой.

Я

Испачкав в серебре ресницы,
Изрезав сердце на хлысты,
Я — словом пойманная птица,
Которая боится
Высоты.

А МОЖНО Я ПОЖИВУ У ТЕБЯ В ГОЛОВЕ?

Тиму Бёртону

а можно я проживу у тебя в голове?
во всех этих зарослях, шорохах и листве?
со всеми драконами, замками, ребягней?
на свете — на этом, на том... у тебя? с тобой?

твоя голова — самый лучший, воздушный мир...
там фразы изящны, и ткани — яркие, легки...
там очаровательно милы — и жизнь, и смерть,
и можно сквозь тайну без страха на страх смотреть.

позволь мне остаться! я буду сходить с ума,
кормить и лелеять фантазии, все — сама,
я новых историй с собою возьму испуг...
я верю в тебя. ты реальнее всех вокруг.

пожалуйста, дай мне остаться на пару дней!
здесь дебри — туманны, и ночи — полны огней,
здесь люди — безумны, но каждый из них — живой.
возьми меня за руку и уведи с собой —

в шипучие травы, в подземный манящий мрак,
где каждый кошмар так уютен и сладок так,
где звери и камни о главном спешат вещать,
где сны и реальность увязли в простых вещах.

твоя голова лучше, чем наш дрянной офф-лайн,
твоя голова из загадок, чудес и тайн,
мы шляемся, пашем, стареем и что-то мним...
а я бы хотела остаться с тобою,
Тим.

МУЗЫКАНТ

Ты говоришь, что музыка — основа,
Ты говоришь, что важен — только звук.
А я... Как глупо! — Верю в силу Слова,
Нечаянно
сорвавшегося
с губ.

ОН ГОВОРИТ

сильные девочки шьют себя сами. штопают сами.
поют голосами, медными голосами.
носят себя с достоинством и умом —
откладывают на потом.

Он говорит: расслабься. а я молчу.
Он говорит: расслабься. а я молчу.
Он пожимает плечами. идет к двери.
я говорю: смотри.

умные девочки светятся, светят, льнут.
много смеются и джемом текут из рук.
сильные точат шпильки, шлифуют френч —
для регулярных встреч.

Он говорит: ты одна у меня. одна.
Он говорит: ну не надо, ну что ты? а?
Он говорит: расслабься. иди сюда.
я выдыхаю: да.

девочки-девочки, тонкие как шприцы.
модные накопители красоты.
проданы-выданы-скроены для любви.

Он ведь так говорит?

ЛЕС

Здесь время оставило письма
На теплых, шершавых стволах.
И свет отражается в листьях,
как в маленьких
зеркалаx.

ДВАЖДЫ

это все — вставай. выходи из своей реки.
выходи из комнаты. дома. браузера. айсикью.
посмотри как тени ложатся. как смертные фонари
сулят бессмертие тем кто был и не был в бою.

посмотри как падает свет. как поют мосты.
как блестят и лоснятся желаний тэги. как каждый горд.
у тебя такие же профили, торренты и посты...
я люблю тебя, милый. от стоп до висков. всего.
выходи и слушай тяжелый, округлый ритм
этих улиц и окон — самодостаточных бес конца.
разотри меня между пальцев. пожалуйста. разотри.
потому что я вся. потому что я вся — пыльца.
ты не знаешь слов. и красок. и нот. ты — немой.
это все. ты обычнее соли, милый. а я пою.
но вне. вне этих часов упоения жизнью с тобой
я бессмертнее всех. всех кто был и не был в бою.

потому что ты весь — от висков и до стоп — живой.
и ко мне, для меня — льнет небесная благодать.
выходи и смотри:
я люблю тебя, милый мой.
это все что хочу.
и могу
я могу
сказать.

* * *

*Значит, Pele-mele — жить будет?
И Tutti-frutti — тоже?
Пол-человека, четверть-человека,
осьмушка и одна шестнадцатая —
все живы... А бедный Totus — нет?*

Михаил Угаров. Облом off.
История болезни в двух частях

Разбивайся на части —
Целому не дышать.
Нет печальней напасти —
Целому выживать.

И не слушай, как в теле
Терпко алеет дрожь.
Не рыдая, не веря
Голову сбережешь.

А над городом небо —
Пальцев, запястий, скул,
Тишина белым крепом
Стелет тебе тоску,

Темнота осязает —
Пьет из тебя слова...
Разбивайся, живая!
Гордая от ума!

Коли кружатся стены,
Коли не чуешь ног,
И шархаловой пеной
Брызжет и рвется слог —

Разбивайся! Не думай...
Что тебе жизнь без дна?
Знаешь, цельность — безумье
В наши-то времена.

ВАСН

...поднимет над уровнем пола.
...гвоздями прильнет к тишине.
измята! изорвана!
снова...
я — с Музыкой —
наедине.

* * *

Разубеди меня в миропадении,
В определенности наших путей...
Мальчик-все-солнечные-сплетения,
Может ли быть больней?

Вырежу лобзиком кривенько, простенько
Счастье фанерное — Спас на Любви.
Буду истерики — в рамки — под гвоздики.
И c'est la vie!
c'est la vie!
c'est la vie!

Хочешь по правилам — ручки/скамеечки?...
...на спину в словопотоке твоём...
Игры без разума, мальчишки-девочки.
Игры вдвоем — с огнем...

Замуж за Сталкера? Запросто, заживо!
Стану мещаночкой «made in РФ»,
Лично для Превосходительства Вашего,
Превосходительства прочих презрев.

Летом янтарным ли, осенью рыжею
Краешком взгляда ответишь мне «да» —
Я тебя выберу, вымолю, выпрошу,
выкраду, выужу, выстою, вылощу,
вылижу, вынежу, с Богово выношу,
вырву.
И Богу обратно отдам.

НА СТУПЕНЯХ

Поэты запихивают себя на журфак,
Чтоб после остаться было с чем.
А я курю и целуюсь так,
Будто бы смерти
нет вообще.

КОМУ ЖЕ?

Всем телом ощущаешь вечность,
Пока идешь от Драмы вниз.
Так — от запястий до предплечий
Протяжен ветер.
Протяни
Чуть дальше линию ладони,
Перехитри колоду карт...
Я назову себя женою.
Я кару выберу сама —
Земную, сладкую, простую,
Забыв про черный, липкий страх.
И ты возьмешь меня, слепую,
И ветер,
Ветер в волосах.

ВЕСЕННЕЕ-ПРОСПЕКТНОЕ

проспектные девушки — стройны и стильно-стандартны.
вчера я прочла то, что это «ин-ди-ви-ду-аль-ность».
а в окнах маршрутки бушуют моря и заливы,
уютные бухточки машущих мне остановок...

мой звездный кораблик врывается в шумные марты.
а плакать весною — по-моему, милая крайность...
проспектные девушки — непоправимо красивы
за темной завесой графично-расчерченных челок...

мне солнце смеется. и учит быть проще и ближе.
а я же — волшебник... и все — то слоны, то похуже...
я знаю, что время гораздо умнее и старше,
и точно рассудит, осудит, расставит акценты...

но кажется — если прислушаться к небу, услышишь,
что ты непременно кому-нибудь важен и нужен...
разбей меня, город, на сотни цветистых стекляшек!
на бисерных бабочек, блики, улыбки и ленты!

я снова влюблюсь в мною пройденный, прожитый центр,
где каждым изгибом пружинит назойливо память...
я снова останусь до первого поезда в небо,
до первой минуты восторга в знакомых ладонях.

и город оставит. и ласковым будет, и щедрым,
и заново буду реветь, улыбаться и падать...
а солнце, прищурившись, в складках янтарного крепа,
на теплых коленях свернется, и в солнце утонет

весенний
проспект.

* * *

по позвоночнику, босиком
пальцы почти спешат —
нежно, старательно и легко
делая каждый
шаг.
комната тонет в слепом тепле,
по миллиметру
вниз
время, застывшее в янтаре,
тянет сквозь ночь огни.
по позвоночнику, чуть дрожа,
пальцы...
идут назад —
бережно.
не забывай дышать,
не закрывай глаза.
мы перед осенью вновь в долгу.
где-то, у дна Земли
смотрим, как тени по потолку
медленно-медленно вдаль плывут,
как
корабли...

Галина Митрофановна Умывакина родилась в Москве. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета, аспирантуру. Публиковалась в коллективных сборниках, альманахах Воронежа и Москвы, журналах «Знамя», «Наш современник», «Подъём». Автор восьми поэтических книг. Член Союза писателей СССР с 1986 года. В настоящее время председатель Воронежского отделения Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

Галина Умывакина

АНГЕЛ ЛЕТЯЩИЙ

ЛЕРМОНТОВ. ДАВНЕЕ

1

Прихлебывать холодный чай,
скучать в жаре аэропортской...
И вдруг помчаться к Пятигорску —
бездумно, будто б незначай.
Случайный слушать разговор
и в электричке дребезжащей
внезапно принимать как счастье
явление облаков и гор.
Ступить на старенький вокзал,
найти автобус современный,
отдаться радости мгновенной
езды — куда глядят глаза.
Боярышника тронуть куст,
следить зрачком травы волнение
и воздуха прикосновение
на запах пробовать, на вкус.
И у подножья Машука
вдруг понимать неосторожно:
душа моя была тревожна
и дума вовсе не легка.

2

О чем тревожусь? Что за пытка?!
Зачем я плачу на горе
о молодом, о неубитом,
еще живущем на земле
великом юноше...

О сплетнях,
о нежелательных стихах,
о жизни плачу — не о смерти,
о днях пекусь — не о веках.
О ежечасной плачу боли,
ненапечатанной строке,
о воле плачу и неволе,
о страхе и бунтовщике.
О вездесущей фарисейской
и похвале, и клевете,
о лбах влиятельных расейских —
творцах дозволенных идей.
О преступившем, о мешавшем,
о посягнувшем — на века!
Еще живом, еще не павшем
здесь, у подножья Машука.

* * *

Валентину Нервину

Ангел летящий,
Ангел плывущий...
Дольние чащи,
горние кущи.

Места не знает,
где притулиться,
птаха земная —
грустная птица.

Вольная воля
или ограда
дикого поля,
райского сада?

Пой, где придется:
в высях и хлябях —
в мире без лоций
и астролябий.

Быль или небыль?
Дни или годы?
Грозное небо,
светлые воды.

Плачется чаще,
жалится пуще.
Ангел молчащий...
Ангел поющий!

ПЛАТЬЕ АХМАТОВОЙ

*На фотографиях 1940 г. и 1946 г.
А.А. Ахматова в одном и том же платье.*

1

Сносилось, истлело,
забыло уже
про гибкое тело,
про голос и жест.

И корпией ветхой
пришлось ему стать,
чтоб века прорехи
и боль бинтовать.

2

Петербуржскую красавицу,
плакальщицу Ленинградскую
позови – и враз представится
стать прямая, доля лядская.

Поминальщица, печальница,
сострадалица, верижница –
для читателя. Начальничкам –
пакостница, чернокнижница.

Но, сколь свору ни науськивай,
калачом сколь ни заманивай, –
не носившая холуйского
ни наряда, ни прозвания.

3

Быть с народом – без изъятия:
и душой, и телом – всем.
И семь лет все в том же платье...
Или, может, семью семь?!

Где узнать, каким аршином
мерить, в годы вперив зрак,
как из душ тянули жилы
войны, казни, голод, страх?

Горький хлеб беды искрошен,
счастья разлито вино...
А вот платье то, в горошек,
знать, сменить не суждено

той, чья выть – во время татье
Анной быть всея Руси
и одно и то же платье,
словно вретище, носить.

Наталья Евгеньевна Харитоновна родилась в городе Красногвардейске Белгородской области. Окончила Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работала инженером-технологом в локомотивном депо Лиски. Публиковалась в «Литературной газете», журнале «Подъём», региональных изданиях, альманахах. Автор поэтических книг «Спрятаный город», «На семи ветрах». Лауреат фестиваля поэтического творчества «Воронцовая Русь». Живет в городе Лиски Воронежской области.

Наталья Харитоновна

НА СЕМИ ВЕТРАХ

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

По тропинке пустой и печальной
Ноги сами приводят сюда.
Здесь за сук зацепились случайно
Пролетевшего века года.

Их уставшие пальцы немеют,
Ощущая утраты свои.
Здесь отпеть чьи-то души посмеют
Только иволги и соловьи.

Здесь в жару, и в дожди, и в морозы,
Неповинной склоняясь головой,
Словно матери плачут березы
Над окопом, заросшим травой.

Я с березой беседу затею,
Не боясь показаться смешной,
Потому что я тоже владею
Этой грамотой берестяной.

И отмоют счастливые слезы
Мою душу в святой тишине...
Я хочу, чтоб хотели березы
Иногда вспоминать обо мне.

* * *

Ой, вы, чащи, заповедные леса!
Что вещают ваши птичьи голоса?
Есть поляна меж березой и сосной,
Там лежит, раскинув руки, Царь Лесной.

Были, видимо, придуманы не зря
Воды, волны, океаны и моря.
Прислонясь к скале обветренной щекой,
Там в кораблики играет Царь Морской.

Ты не вейся, черный ворон, надо мной —
Да не даст меня в обиду Царь Лесной!
Не ходи за мною, скука, день-деньской —
Да не даст меня в обиду Царь Морской!

* * *

Я глобус — шар земной — в руках держу.
На нем своей страны не нахожу.
Там, где была она, страна чужая.
Ну, кто бы знал, что доведется мне
Когда-то жить совсем в другой стране,
При этом никуда не выезжая?
Да стоит ли все к сердцу принимать
И звонко копыя острые ломать?
Печаль бездонней, если глубже знанья.
И светит мой костер на берегу,
В котором я сухие листья жгу,
А, может быть, свои воспоминанья...

* * *

Как упрямо метель крутила,
Заметая следы на снегу!
Только я его не простила.
Просто думала, что смогу.

Время вышло, когда какое.
Время — стуже и время — цветам.
И оно роковой рукою
Все расставило по местам.

А потом даже некогда было
Оборачиваться на бегу.
Я навеки его забыла.
И не думала, что смогу.

НА СЕМИ ВЕТРАХ

Ни уютных юрт,
ни цветных шатров —
не найти приют
у семи ветров,
не разжечь огня,
не согреть воды,
не отнять меня
у моей беды.
Промотаюсь в пух,
проиграюсь в прах
на семи ветрах,
на семи ветрах.

Но откроет там,
скромен и велик,
Твой пресветлый храм
Твой пречистый лик.
И горит в судьбе
свет Твоих очей.
По плечу Тебе
боль моих ночей!
Чтоб живую кровь
замутить тоской?
У семи ветров
силы нет такой.
Одолею ночь
и развею страх
на семи ветрах,
на семи ветрах!

* * *

Я как в воду глядела.
Пролетела весна,
И теперь твое дело —
Сторона, сторона...

Было делу основа —
Обещать, обольщать...
Смысл дела иного —
Понимать и прощать...

Но для каждого дела
Наступает предел.
Я как в воду глядела.
Ты как в воду глядел.

МОНАСТЫРЬ НА ГОРЕ

Не спешите, дойдем понемногу.
Монастырь на горе — ближе к Богу.
Как святая рука,
Как огонь маяка
Для людей, потерявших дорогу.

Он под небом бездонным ночует,
Человечьи души врачует.
А над ним — тишина.
А за ним — глубина —
Времена, времена, времена...

Не спешите, дойдем понемногу,
Непременно отыщем дорогу.
Да кого ни спроси —
Так всегда на Руси —
Монастырь на горе — ближе к Богу!

* * *

И звезда с звездой говорит...

М.Ю. Лермонтов

В мире только речка,
я и тишина.
Успокой сердечко,
тихая волна!
Что оно так бьется
от разлук и встреч?
Что в нем остается?
Что ему беречь?

Скрыты глубиною
Чистые ключи.
В небе надо мною
звездные лучи.
Волей неземною
вечности укор —
В небе надо мною
Звездный разговор.

Станислав Витальевич Хатунцев родился в 1967 году в городе Воронеже. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Кандидат исторических наук. Преподаватель кафедры истории России ВГУ. Публиковался в журналах «Политический класс», «Москва», «Наш современник», «Подъём», «Посев», альманахе «Воронежская беседа», газете «Завтра». Автор монографии «Константин Леонтьев: интеллектуальная биография (1850–1874 гг.)», поэтического сборника «Факелы среди льдов». Живет в Воронеже.

Станислав Хатунцев

ВОЙНА МИРОВ

* * *

Укроет тьма гранитный берег,
Затянет небо мглой слепой,
И сходят каменные звери
К ночной Неве на водопой.

Они покинут постаменты,
Ступив на спины мостовых.
Кружатся в танце элементы...
Нам не дано увидеть их.

Тяжелой поступью шагают
Грифоны, сфинксы, кони, львы.
Глаза открыты. Не мигают.
Свинцовы берега Невы.

Гудит гранит, дворцы и храмы
Дрожат от каменных шагов,
Прервали песнопенья ламы
На службе тысяче богов.

А город морок накрывает.
Иль спят, иль в голове — туман.
Чиновник городской зевает,
Вдохнув полуночный дурман.

К реке процессия спустилась...
К воде припали. Жадно пьют.
Нездешним рыком огласилась
Нева... И демоны поют.

Напились — мрачны, туголобы...
Теперь пора в обратный путь.
Вода же в каменных утробах
Уж трансформировалась в ртуть.

ВОЙНА МИРОВ

Номады из степей застенных
Вторгались в дремлющий Китай...
Брели на север толпы пленных,
Пустел богатый, древний край;

Дымились нивы и селенья,
Топор корежил пышный сад,
От горизонта к горизонту
Вставала пыль бесчисленных стад.

Миры сражались меж собою —
Из года в год, из века в век,
И павших рдеющею кровью
Вскипали воды желтых рек.

Не раз, в сраженье побежденный,
Китай ложился под сапог,
Но торжеству номадов вольных
Короткий был отмерен срок.

В столицах орды оседали
И... исчезали без следа.
Так камень брошенный глотала
Бездонных омутов вода.

Степь вновь готовила набеги,
Волна катилась за волной,
Но Поднебесная стояла
Несокрушимую стеной.

...Оплыли ханские курганы,
Посланцы Неба в склепах спят,
Мертвы преданья, лишь бураны
О древних битвах говорят.

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКАНАХ (АГАРТИ)

В горных пещерах — камни и льды,
Знаки огня, богов следы.
Там спят великаны, герои спят,
Одетые в бронзу от лба до пят.

А г а р т и — легендарная подземная страна. Дословный перевод с санскрита — «неуязвимый», недоступный.

В зале подземном — седой властелин
На деревянном троне —
Вулканов хозяин, руд господин —
Дремлет в своей короне.

Тысячелетья идут наверху —
Пророки вступают в спор,
Рушатся царства, встают города —
Спят жители гор.

Крепок их сон, но в заветный час
Голос разбудит их,
Выйдут сыны богатырских рас
Из древних пещер своих.

Чтобы последний огонь пройти,
Выжить в кипящей смоле,
К звездам широко открыть пути,
Солнце зажечь на Земле.

АРМИЯ САРМАТСКИХ ЦАРЕЙ

Всадники «Железная Смерть»
Рыщут по дунайским степям,
Армия сарматских царей
К Греческому морю идет.

К мраморным идет городам,
К виноградным нивам идет;
С гор Карпатских движется мгла,
Бесконечный дождь моросит.

Цезарь в белоснежном дворце
Третью ночь не может уснуть,
Дрогнул многомудрый сенат,
Легионы страхом полны.

Слухи по державе ползут,
Будто бы сарматским царям
Подчинен далекий Китай,
Эфиопы дань свою шлют.

Весь Восток на Запад течет
Армией сарматских царей,
Скрывшей под дымами костров
Золото фракийских полей.

ПОВЕЛИТЕЛЬ МОНГОЛИИ

Звезда их не знает заката.
Надпись на фамильном гербе
фон Унгерн-Штернбергов

*Я слышал,
В монгольских унылых улусах,
Ребенка качая при дымном огне,
Раскосая женщина в кольцах и бусах
Поет о бароне на черном коне.*

Арсений Несмелов

Безумный рок ведет барона,
За ним — дивизий конный строй.
На офицерские погоны
Ложится пыль за слоем слой.

Над азиатскою пустыней
Встает таинственный Алтай —
Волшебный край подземной чуди,
Старинных сказов вещей край.

Звезда барона на восходе:
Бегут разбитые враги,
И реет рыцарское знамя
Над палисадами Урги.

Барон — великий воплощенец,
В нем хана дружно признают
Князья хошунные¹ и ламы,
Что родились среди грязных юрт.

Ему начертано судьбою
Собрать мильоны желтых орд,
Чтобы единою Ордою
На Запад устремить поход.

Создать империю пророков,
Где правит подлинная знать,
Открыть печать заветных сроков
И богдыханом мира стать.

Но звездный час печально краток,
И новый витязь на коне,
Пугая белых куропаток,
Летит по выжженной стране.

А старый мрачно восседает
Меж балдахинов и ковров,

¹ Хошун — административная единица дореволюционной Монголии.

На город тень свою кидает,
Казнит невинных и воров.

Еще сильны его отряды,
Поступки вольны и дики,
Но красной тучей уж нависли
Монголо-русские стрелки.

Лавина звезд и алых шапок
Победно движется на юг.
Барон-мечтатель, трон твой шаток,
Вползла измена в тесный круг!

Беги! — Туда, где степи чисты,
Где горы дышат красотой...
Но в кокаиновых виденьях
Блуждает взор его пустой.

...Звезда склонилась к горизонту.
Темнеет блеклый небосвод.
Цигарки втоптаны в суглинок.
Команду ждет расстрельный взвод.

Монах, диктатор, самодержец,
Храбрец, фанатик и палач,
Твоя лихая кобылица
Не пустится отныне вскачь!

Наталья Алексеевна Хаустова родилась в городе Калач Воронежской области. Публиковалась в журнале «Подъём», областных газетах, коллективных сборниках «Калачеевская нива», «Многозвучие», «Дыхание надежды и весны», «Антология XXI век. Воронежские поэты», «Стихоборье» (2010, 2011). Лауреат премии им. В. Кубанева. Живет в Калаче.

Наталья Хаустова

РЫЖЕВОЛОСАЯ ОСЕНЬ

* * *

Я с собою зерно несу.
Вдруг от этого что изменится?..
А судьба моя — колесо,
Колесо у огромной мельницы.
Там в пыли седой жернова.
Половицы скрипят невесело.
Зерна мельнику отдала.
Плащаницу на гвоздь повесила.
Старец гордо смотрел в окно.
Как-то грустно на сердце стало.
— Я тебя ожидаю давно, —
Молвил голосом он усталым.
Повернулся... И этот взгляд
По-отцовски был строг, уверен.
Он просил, нет, умолял
Пропустить его в эти двери.
...Старец вышел и там исчез.
Я одна осталась на мельнице.
...Перемелется... Будет хлеб...
Вдруг от этого что изменится.

* * *

Этот ветер был слишком резким.
Холод. Боль до крови, до слез.
Крик прорвавшейся занавески
Утонул в аромате роз.

Колокольным звоном и светом,
Убивая внутри раба,
Мне пропела свой гимн поэтов
Одноразовая судьба.
И, срывая с петель все двери,
Ветер душу мою разрывал!..
А у ног лепестки алели,
За спиной росли два крыла!
И с тех пор не могу укрыться
Ни от холода, ни от боли.
Посмотри на меня: я — птица,
Я — свободы поющий воин.

* * *

Вы завидуете
Всем, мыслящим инако,
Тем, кто не хочет принять
Ограниченность боли и лжи.
И у тех,
Чье сердце не знает тяжести мрака,
Обнаружив соринку в глазу,
Говорите:
— Дай-ка выну,
а ты пока,
на-ка,
Мое бревно поддержи.

* * *

И смотря снизу вверх,
Подметая деревьями небо,
С белогрудых берез
Ветер смахивал тучи песка.
Только в шорохе звезд
Каждый слышал кто — был, а кто — небыль.
Только в шорохе звезд
Открывалась пространству тоска...
Только судьбы ведут по земле.
Только метлы-березы.
Мы похожи на дворников
Только на первый взгляд.
Разметая созвездия,
Сышлем на небо вопросы.
О стволы опираясь,
Бредем кто-куда
наугад.

* * *

Я искала слова говорящие,
Чтобы милые, чтобы те.
Призаборный почтовый ящик
Отдала внаем пустоте.
И рыданья в себе давила —
Всхлипы стали совсем тихи...
Я в роддоме огромного мира
С жуткой болью рожала стихи.

ТЕРПЕНИЕ

Терпение, друг мой, терпение.
Смолчи, коли в адрес твой — грубость.
Мы чистим свое оперение.
Мы — птицы породы «люблю вас».

Нас пачкают грязью и копотью.
Чернила в бумаге лоснятся.
Терпение, друг мой, над пропастью
Тебе два крыла пригодятся.

Мы — выше всех тех, кто заранее
Купил себе право обиды...
Терпение как покаяние...
Терпение как молитва...

* * *

Сердце опять молчит,
Тихо прощенья просит.
В двери мои стучит
Рыжеволосая осень.
Письма прощальные птиц,
Тех, что на юг улетают.
Слезы из-под ресниц
Счастья не обещают.
Плачу, не торопясь,
Серым дождем по судьбам.
А между строчек — связь,
Смысл, не дошедший людям...
А между строчек — Жизнь
Тихо прощенья просит.
...Листьями желтыми вниз
Я разлетаюсь в осень.

Вера Николаевна Часовских родилась в Нижнедевицком районе Воронежской области. Окончила художественно-графическое отделение Бутурлиновского педагогического училища. Работает преподавателем Воскресной школы. Автор поэтического сборника «Небо у самой травы». Публиковалась в журнале «Подъём». Член Союза писателей России. Живет в городе Бутурлиновке Воронежской области.

Вера Часовских

ПТИЦА СОЛНЕЧНОГО ЛЕТА

ПРЕДНОВОГОДНЕЕ

Чуть скрипит далекая околица,
Легким шагом ходят холода...
Что друзья знакомыми становятся —
Это, между прочим, не беда.
Это для меня напоминание
О непостоянстве наших дней
И о том, что будет расставание
С плотью драгоценною моею.
Лишь бы без упреков даже мысленных
Разойтись, без всяческих обид,
Без измены неизменной Истине,
Что и незнакомых нас роднит.
От того не станет меньше радости,
Что декабрьский луч в окне погас.
Нет, не досижу я до двенадцати,
Лягу раньше, может быть, на час.
А моя сосенка невеликая
Будет красоваться, как в бору,
Дивными ажурными снежинками,
Связанными в летнюю жару.

* * *

Светлеют, светлеют туманные дали,
Рассеянный луч через стекла прошел...
Здоровья и счастья вы мне пожелали —
Ну как же привычно, и как хорошо!

Как будто открыты в лазурь голубятни,
Ветра зелены и покосы свежи...
Хотя — с давних пор мне намного приятней,
Когда пожелают спасенья души.

* * *

Ты целый день ворчал направо и налево,
В сознание без огня летал-клубился дым,
Внезапно на меня ты вылил столько гнева —
Я никогда тебя не видела таким.
Обычно говоришь почти благоговейно,
То с нежностью ко мне, то с детской простотой.
И оттого больней. И оттого, наверно,
Иду я, как в бреду, по нашей мостовой.
Повсюду аромат белоналивных яблок,
Да горько мне теперь их сладостью дышать...
Мне шепчут: «Посмотри: любовь его ослабла,
Коль не смогла она от гнева удержать».
«Подумай хорошо: а если повторится?
Где раз, там три и пять — по смертную черту!»
... Жива моя любовь. И гнева не боится.
И верит, что с тобой вовек не пропаду.

ГОРЕ

Не судьба со мною шутит шутку —
Это та же Божия рука,
Что взрастила злак и незабудку,
В море — рыбу, в небе — облака.

Та рука, которая недавно
Так легко спасала от невзгод.
Для меня пока большая тайна:
Почему теперь — наоборот?

Мысли днями носятся кругами,
Да и дни подобны миражу...
Но от горя ватными ногами
Я к иконам все же подхожу.

* * *

Разнообразить жизнь мою хотят,
А ведь она насыщена до края,
И замечает мой спокойный взгляд
Не только на цветах оттенки рая.

Река, румяный лес, фасад резной —
Все дорого, но есть мечты другие:

Ты лишь бы до конца была со мной,
Моя любовь, святая Литургия!

Мне точно воздух — пение твое...
Вот так же птица солнечного лета
Одно и то же каждый день поет,
Но сердцу надоесть не может это.

ИКОНА

Когда, готовясь к причащению,
Пленится ум мирскою сказкой,
Есть у меня одно спасенье —
Стать пред иконой Валаамской.

Писал художник невеликий,
Нет драгоценного оклада,
Но в каждом стразе, в каждом блике —
Неугасимая лампада.

Стихают здесь пустые звуки
И волны чувств с безумной пеной,
И я беру Христа на руки
С Пречистых рук Благословенной.

* * *

На исходе сентябрь, потому расцвели сентябрины,
Потому подарили мне их на мои именины,
Прямо в сердце тепло перешло от простого букета,
И прощаюсь я радостно с бабочкой бабьего лета.
Улетает она. И летят, и летят паутины,
Постепенно тускнеют и вянут мои сентябрины,
Лишь тепло не уходит при самой нещадной погоде,
Даже если припомнить, что юность уже на исходе.
Даже если представить, что близко далекая старость,
Или попросту дней, а не лет моих, мало осталось.
Все, что дорого мне, я оставлю с печалью земною,
Ну, а то, что дороже всего, будет вечно со мною.

Дмитрий Александрович Чугунов родился в 1971 году в городе Воронеже. Окончил филологический факультет, факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Доктор филологических наук. Стихи и рассказы публиковались в журнале «Подъём», коллективном сборнике «Первая вежа», двухтомной антологии поэзии ВГУ «Земная колыбель». Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Воронеже.

Дмитрий Чугунов

ЗАПАХ ЧЕРЕМУХИ

* * *

Когда запретно все
и даже сны
Исполнены оттенков тихой грусти,
Мне слышится — как будто ветка хрустнет
Под легким шагом скромницы-весны,

И больше — ничего...
Унесены
Безмолвием часы и лица.

Светел
Скользкий по деревьям странник-ветер,
А мысли и желания — темны.

И вечерами плотною волной
Находят на бумагу строки... строки.
И шепот в них, и чей-то вздох глубокий,

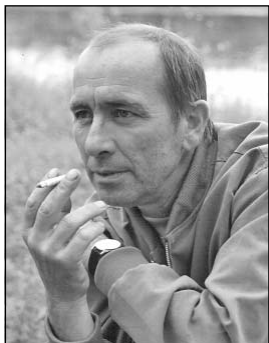
И словно бы все это — не со мной,
Когда запретно все и каждый вечер
Пространствами ложится мне на плечи...

* * *

Апрель еще не запылен,
и дни не длинны,
и нежный колокольный звон,
как зов старинный,
летит, летит издалека
прозрачным эхом,
и миром полнится душа,
и легким смехом,
и все, что долгою зимой
в душе дремало,
взлетело белою волной
начал начала.

* * *

Небо чистое, вечернее, далекое —
И душа наполнилась дорогою,
Заметалась, затуманилась до срока,
Обернулась странницей убогою,
Сорвалась отчаянно, оставила
Позади все прочное, земное,
Как жила по старым скучным правилам,
Так и перестала быть собою,
Но — смогла... Простором напиталась ли,
Или птицы с ней делились воздухом —
Я не видел, как она умчалась,
Я остался... Господи, непросто мне...

Алексей Викторович Шаповалов родился в 1954 году в хуторе Каменец Россошанского района Воронежской области. Окончил Россошанское медицинское училище. Служил в армии. Работал на Россошанском электроаппаратном заводе. Публиковался в журнале «Подъём», коллективных сборниках, среди которых «Свидание», «Слово о бойце», «Шел солдат...». Автор поэтических книг «Час звезды вечерней», «Байки про деда», «Опять снега склонились над Россией». Живет в городе Россошь Воронежской области.

Алексей Шаповалов

ВОСПАЛЕННЫМИ ГУБАМИ

* * *

А дождь хлестал... И молния рвала
Земли ночную черную рубаху.
И прятались во ржи перепела,
От грома натерпевшись вволю страха.

Смешалось все: и туч тяжелый вал,
И лес вдали, и поле за рекою.
И ветер разъяренный налетал,
Все рвал и мял холодной рукою.

И вымокли седины ковыля.
И с громом гром опять сшибались лбами.
И влагу запыленная земля
Ловила воспаленными губами.

Вдруг стихло все. Деревья, чуть дыша,
Прислушивались к ветра дуновенью.
Надолго ли? И дрогнула душа,
В миг тишины, найдя успокоенье.

* * *

День за окнами к вечеру вскачь,
И теряется где-то за полем.
Ты не плачь, моя радость, не плачь,
Этим днем я и сам недоволен.

В гулкой бездне наветов и лжи,
Где букет самолюбия пышен,

Даже светлые песни души
Никогда и никто не услышит.

Только эхо рванется потом —
Среди судеб, разбившихся тоже,
Чтобы крикнуть, забывшись, о том,
Что наш день, самый радостный, прожит...

* * *

Пуль трассирующих пунктир,
Небо насквозь прострелено.
Выползай мне за капонир,
Знаю, было не велено.

Но весна меня в степь звала,
И, на время отчаявшись,
Полз вперед — была не была —
Между трупов оттаявших.

И сжимался в тугой комок
В освещении матовом.
Как она холодит висок,
Эта смерть распроклятая.

Не найти мне в степи цветов,
Все истоптано, выжжено.
И назад я ползти готов
Мимо бруствера рыжего.

Что же я, иль ползти устал
Средь ночной круговерти?
Бил в лицо, дохнуть не давал
Запах жизни и смерти.

* * *

Вечер, любимая, вечер...
Дай мне ладонь. Погоди.
Вечер весенний не вечен.
Что еще ждет впереди?

Пусть по-весеннему ново
Зелень коснется ветвей.
Ты меня ласковым словом
Больше уже не жалея.

Будут в садах белопенных,
С легкой истомой в крови,
Ахать самозабвенно
И после нас соловьи.

Встретит ли ад нас крошечный,
Кем-то придуманный рай?
Грешен, любимая, грешен.
Вечер... Дорога... Прощай.

* * *

В ночь осеннюю мне снится день
весенний,
вновь картина давняя близка...
не спеша иду в родные сени
по тропе из желтого песка.

Нежно льется таинство рассвета,
И в росе купается ветла...
В белое деревня разодела,
Майскими садами расцвела.

А с зарею рвутся в поднебесье
Жаворонки, певчие полей,
Чтоб своею утреннею песней
Край прославить юности моей.

Оттого ль проснуться не желаю
В городской квартире поутру...
Там, в деревне, вновь сады пылают
На осеннем стонущем ветру.

* * *

Верни мой день. Я больше не хочу
Жить в тишине березового рая.
Здесь листья, безмятежно умирая,
Неслышно прикасаются к плечу.

Здесь я не твой в плену чужих огней,
И тусклый свет мой тревожит окна.
От слез и лжи давным-давно поблекла
Былая свежесть памяти моей.

Здесь на закате каждый куст в крови.
Продрогший лес смятением охвачен.
Верни мой день, в котором нет любви,
А день любви и так сполна оплачен.

Владимир Павлович Шуваев (1946–2014) родился в городе Дзауджикау Северо-Осетинской АССР. Учился в медицинском институте, на отделении журналистики Воронежского государственного университета. Работал в Воронежской гостелерадиокомпании на разных должностях, в том числе главным режиссером-постановщиком. Автор книг «Последняя вера», «20 век в стихах».

Владимир Шуваев

СТРЕМНИНА

* * *

Все больше в буднях заплотенных
Ловлю минувшее в судьбе.
Как будто, думая о прошлом,
Я пожалею о тебе.

Но потому и мир так светел,
Что не дается шанс второй.
Я все любил и все отметил,
И дверь захлопнул за собой.

ТАЙНЫЕ ИГЛЫ

*Но иглы тайные сурово
язвили славное чело.*

М. Лермонтов

Снова русским поэтам не спится!
То ли Мир, то ли сердце болит,
И судьба, как бездомная птица,
Не на счастье, на беды летит.

Когда всюду довольные лица,
И как будто бы жизнь хороша,
Почему мне настойчиво снится –
Занесенная снегом душа.

И живу вроде жизнью простою,
Но все иглы опять на челе.
Будто все в мире беды — со мною,
И приюта мне нет на Земле.

ВДАЛИ ОТ СТОЛИЦ

Вдали от столиц, где столбы покосились,
Где мыслят свободно и горькую пьют,
Вдали от столиц, в настоящей России
Копают картошку и песни поют!

Давно коммунизма остыла дорога
И капитализм не прижился вполне.
И нет здесь властей никаких, кроме Бога,
И серого неба, что стынет в окне...

УХОД ПОЭТА

Памяти Егора Исаева

Ушел, ушел...
К жене любимой...
К далеким веснам и годам...
Какой уход невыразимый!
И я его не передам.

И я споткнусь на этой ноте,
На вдохе, замершем навек...
Стихи останутся в работе!
Земной исчезнет человек...

Его уход неповторимый —
Не упредить, не уберечь...
И лишь река — Битюг любимый —
Все так же дальше будет течь.

Уйдешь туда, где жизнь листая,
Терзала сердце, как вина —
Война далекая, святая
И наша мирная война.

Где голос матери на взгорке
И детства светлая роса —
«Егор, Егорушка, Егорка» —
Шепнут навстречу небеса.

Уйдешь, обид не оставляя,
Свои смыкая берега,
Во всем, до смерти, проявляя
Мужской характер Битюга.

А когда смолкнет тризны слово
И успокоится тоска,
Твой лик, плывущий над Бобровом,
Очеловечит облака!

* * *

Распростерлась над Доном холодная осень.
В сиротливых мурашках душа и вода.
Завершается жизнь, но пощады не просит
Перед тем, как под снегом уснуть навсегда.

К югу поздние птицы прошли над стремниной,
Унося свои души к согретым краям.
А для тех, кто остался — туман да рябина,
Да прощальные строчки с дождем пополам.

Здесь страна холодов и уж точно — не весен,
Потому-то и любят Россию, как мать.
Жизнь кончается в каждую русскую осень
И не знает никто, где начнется опять.

Режет мокрая ветка нахлынувший ветер,
Ничего не вернуть. Никого не спасти.
Хорошо тем, что просто пожили на свете
И нашли в себе силы достойно уйти.

СОЗВЕЗДИЕ ОВНА

Мы не хозяева собственных жизней:
Вечному небу, без дна,
Эта прогулка: от крика — до тризны
Как на рисунке видна.
Где-нибудь в дальнем созвездии Овна,
В бездне пространств и огня,
Смысл этих слов на бумаге неровной
Кто-то ведет — за меня.

ГОРОД ВОЗВРАТА

Памяти Станислава Никулина

Город встречает ползущим трамваем,
Быстро летящим авто,
Новых высоток пентхаусной стаей,
Сквериком в рыжем пальто.

В этих «хрущобах», где юность пропили,
Что-то бесценное есть...
Здесь нас серьезно когда-то любили
И ненавидели здесь.

Здесь мы свечу зажигали от Бога,
Души ломали в пути.
Здесь мы не сгнили на страшных дорогах,
Где никому не пройти...

Город весны на окраине лета —
Пестрый перрон, как в кино.
Жизнь одарила обратным билетом,
Что был потерян давно...

Первой любви наплывет наважденье,
Каплей замрет у лица...
Адрес рождения! Время рождения!
Прочерк — пока — до конца...

ОСЕННЯЯ ТРИЗНА

В полулесок осенний,
Где людей — ни следа.
Каждый раз, как последний,
Он приходит сюда.

В одиночестве мира,
Воцаренном окрест,
Как в последней квартире —
Он освоился здесь.

В глубине полусвета
Он стоит и стоит.
Будто мимо предметов
Мимо жизни — глядит...

Он стоит среди тризны,
Где деньки хороши —
Завершением жизни,
Завещаньем души...

ЛЕГКОЕ КАСАНИЕ

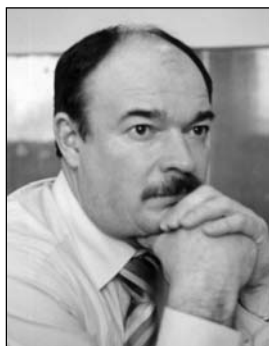
Против течения, мимо поселка,
В дальних осенних лесах —
Будто сейчас, ковыляет моторка —
Лет этак тридцать назад...

Вижу, как след ее в золоте тает,
Дробится возле стропил.
Припоминаю и припоминаю —
Все, чем когда-то я жил...

Радуюсь солнцу, печалюсь в ненастьях,
Что ты все ищешь, душа?
Нет в наших поисках смысла и счастья:
Жизнь, без того, — хороша!

Жизнь! Где в осенней глуши мироздания,
В нашей мелькнувшей судьбе
Легким касанием, легким касанием
Я прикасался к тебе...

Против течения. Иль по теченью
В бездну веков и красот
Легким касанием, легким свечением
Все, как та лодка, уйдет...

Иван Александрович Щёлоков родился в 1956 году в селе Красный Лог Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Многие годы отдал журналистике и государственной службе в сфере печати. Автор десяти поэтических книг и многочисленных публикаций в литературных журналах. Лауреат премии ЦФО в области культуры и искусства, а также ряда международных и всероссийских литературных премий, заслуженный работник культуры РФ. Председатель Воронежского отделения Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Иван Щёлоков

ТРИ ДНЯ В ЯЛТЕ

ПРОГУЛКА ПОД ДОЖДЕМ

(Первые впечатления)

Встречает Ялта сеющим дождем
И цепью гор с барашками тумана.
Мы под дождем вдоль пристани идем,
Забыв, что счастье — тоже часть обмана.

Когда чего-то очень сильно ждешь,
А душу пылко забавляешь чувством,
Всегда и вдруг ее остудит дождь
По правилам небесного искусства.

На фоне яхт не смотрится печаль.
Расправив зонтиков цветные крылья,
В тончайшую любовную вуаль
Вплетает дождь все побережье Крыма.

И каждый шаг — как молния в грозу...
И всплеск волны — дыхание вукана...
Тебя я тоже в Ялту привезу,
Пусть даже в дождь, пусть счастье —
часть обмана!

ПЕСНЯ АРМЯНСКОЙ ДЕВУШКИ

(На фестивале национальных культур народов Крыма)

Армянская девушка, кто ты?
Как будто родник Арарата
Струится из юной аорты
В артерии русского брата.

Мне голос твой чистый приятен,
Мне грусть твоей песни знакома.
Здесь, в Ялте, ты дома — в театре,
И я из Воронежа — дома.

Я только что вышел из боя
За этот мой край каменистый
Под зычные зовы гобоя,
Под русскую пляску со свистом.

В пластичных татарских движеньях,
И в плачущей скрипке еврея
Душа ощутила рождение
Второе за краткое время...

Пока твои звуки тревожат,
Пока я их сердцем приемлю,
Нам крымское море поможет
Хранить эту общую землю.

ПОЗДНЯЯ КРЫМСКАЯ ЛЮБОВЬ

(Странствуя по улочкам Гурзуфа)

Это вчера ты бродил восторженным недотепой
По душным гурзуфским улочкам, ныряя в тень
С такими же, отправленными по школьной путевке
С холодных краев Союза в крымский прогретый день.

Не волновали дача Чехова, пушкинский камень
(С него поэт с Раевским следил купанье девиц)...
Из тесных дворишек черешневыми губами
Лето на фото липло к улыбок счастливых лиц.

Все укатилось, как луна за Аю-Даг, с «Артеком»,
С пионерским галстуком и со страной СССР...
В поздней любви что-то пугающее есть, как в чеке
Отеля «Интурист» с сервисом на чужой манер.

Прощаешься, и не отпускает, как сон, как клятва...
Время — искусный шкипер — в шторм ведет корабли.
На палубе ты или на берегу Непрядвы,
Крым — ожидание чуда в поздней твоей любви.

ПО ДОРОГЕ В АЭРОПОРТ

(Монолог таксиста)

— «Ялта — Аэропорт» — родной маршрут.
Нравится мне... Пассажир — целый мир...
Отдыхали?.. Конференция... Тут
Теперь совещаний, хоть ставь в ранжир.

Жаль: не купались... Неделю дожди.
И все побережье — сплошной туман.
Надеюсь, что Крым у вас впереди.
В России каждый ему — Магеллан.

А я таксую... Военный моряк.
Сменил на баранку эсминца трап...
Мать сумская, отец сибиряк.
Кто я, скажите: хохол, кацап?

Там объединяются, мы — вразлад,
Как будто вчера спустились со скал.
Смешно, ей-богу: «укроп», «колорад»,
Кто-то свидомый, а кто-то москаль.

Я вот — крымчанин, горжусь, черт возьми,
И рад, что в Россию вернулся Крым,
Иначе б кровавый смрад от возни
Не только Донбасс — Европу накрыл...

Аэропорт — наш главный оплот...
Визитку возьмите, мало ли что...
Таксую-тоскую: эх, мне бы во флот
Сейчас, да время мое ушло!

Джабраил Тахирович Яхьяев родился в 1990 году в селе Сийов Лерикского района Азербайджанской ССР. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Работает в консалтинговой фирме. Увлекается поэзией, занимается переводами с испанского, немецкого языков. Публиковался в журналах «Подъём», «Новый Енисейский литератор», «Аргамак», «Парадный подъезд». Живёт в Воронеже.

Джабраил Яхьяев

ПЕЙ ЗАРЮ И ДУМАЙ О ХОРОШЕМ

* * *

В русском сне, облаченном в снега,
Не могу я порою услышать,
Как трубит в золотые рога
Горный ветер родного Талыша.
Звон его я впитал с молоком,
С ненасытной незримою дрожью,
Но, другими ветрами влеком,
Поклонился у горных подножий
И покинул талышский очаг...
С той поры на зеленом раздолье
Пел я песни и вволю кричал!
Полюбилось мне русское Поле.

* * *

Тенью сна от сна не убежать.
Прошлое должно остаться прошлым.
Просыпайся утром ровно в пять,
Пей зарю и думай о хорошем.

Прогуляйся шагом по мосту,
И, в пути не проронив ни слова,
Старику с очками на носу
Пожелай хорошего улова.

Бросься взглядом с высоты на дно
Черных вод воронежской пучины

И вернись. И помни об одном:
На земле всему своя причина.

Тенью сна от сна не убежать.
Прошлое должно остаться прошлым.
Просыпайся утром ровно в пять,
Пей зарю и думай о хорошем.

* * *

Я погасну, как ночной фонарь.
Тьма пройдет — и загорится утро.
Мир проснется, и слепой январь
Разукрасит солнце перламутром.

И не вспомнят, как порой важны
Фонари для путника ночного.
В этом мире звезды не нужны.
Фонари — лишь отсвет неземного.

ХУДОЖНИК

Дом опустел.
Глазами одинокими
Он на постель
Измятую смотрел.

Сменялись дни.
Смеялись дни,
И, горькая,
Среди стихов
Лежала акварель...

Ее лицо,
Водой полуразмытое,
Сливалось с простынью
В лиловые цвета.

(А на осколке
Зеркала разбитого —
Икона позабытого Христа.)

И изменить судьбу
Не в состоянии,
Он рисовал ночами темноту,

Глухими криками,
Руками пьяными,
Смертельную гоня тесноту.

* * *

Еду кланяться отчему дому.
Путь мой ясен — поля и поля...
На безлюдных Господних ладонях
Зеленеет живая земля.

Это Родина... Синее небо
Обнимает широкую даль,
И поет перевозанный молебен
Уходящая к людям вода.

Это Родина... Мать у порога,
Не сводящая взора с пути,
По-тальшски молящая Бога
Сыновей сохранить и спасти.

«КАКАЯ ЭПОХА БЫЛА...»

Заметки о поэтических страницах «Подъёма»

До поэзии ли теперь, когда творится такое... Подобное слышится всюду, даже в сугубо литературной среде.

До поэзии — всегда и теперь, даже когда ухают бомбы, взрывают дома и поезда, когда высокие ценности низводятся до базарных.

До поэзии, если стихи пишут, издают и даже читают. Пишут школьники, учителя, студенты, инженеры, библиотекари, офицеры, чиновники. Пишут юные и седобородые — от счастья или страданий, по зову сердца или от честолюбия, от очарования божьим миром или от «не могу молчать».

Многие считают стихи безделицей, пустым, недоходным занятием (в чем они, конечно, правы), а поэтов — праздными чудаками и мечтателями, растратчиками слов и чувств по любому поводу. Пусть так, но поэзия «существует — и ни в зуб ногой»!..

Журнал «Подъём» решил издать отдельной книгой стихи (как годом ранее — прозу), печатавшиеся на его страницах в 2009–2016 годах, под широким объединяющим названием «Современная воронежская поэзия».

Название это несколько условно. Книга объединила поэтов разных поколений, представляющих большое историческое время, вместившее в себя и «великий перелом», и Великую Отечественную, и торопливую оттепель, и неповоротливый застой, и авральную перестройку, и развал СССР, и «лихие девяностые», и прозревающие двухтысячные. Любая статистика в деле поэзии малозначима: она может указать лишь на самые общие тенденции и приметы, в данном случае — возрастные, гендерные и территориальные. Большинство авторов этой книги проживает в Воронеже (44), 30 — в области, а первое место из районов по числу поэтов неоспоримо занимает Россошанский (7), два автора из Курской области и один из северной столицы. Мужчин среди авторов «Подъёма» 46, женщин — 31, почти все либо с высшим образованием, либо продолжают учебу; лишь единицы печатаются впервые, а у многих от одной до десяти и более поэтических книг, публикации в различных антологиях, столичных газетах и журналах. Разброс по датам рождения у поэтов до удивления велик — чуть ли не целый век. Родившихся в 20-е годы — один, в тридцатые — семь, в «сороковые-роковые» — восемнадцать, в пятидесятые — одиннадцать, в шестидесятые — семь, семидесятые — четыре, восьмидесятые — десять, в девяностые — четыре (по понятным причинам не у всех женщин указаны даты рождения). Говорит ли о чем-нибудь вся эта цифирь, или она случайна? Конечно, говорит, но только в тот момент, когда мы коснемся основных тем и мотивов творчества поэтов, их образных, цветовых и музыкальных предпочтений.

Какая она, современная воронежская поэзия? Что изменилось в ней на переходе в новое тысячелетие? Чем могут удивить поэтические голоса рубежа столетий?

Чего они взыскуют и что отвергают? Каков вообще поэтический урожай последних лет? Критик С. Мнацаканян, называя П. Антокольского советским классиком второго ряда, сожалеет при этом, что «сегодня нет даже третьего ряда... Увы, сегодня таких авторитетов в нашей жизни не назовешь, да и планка требований к поэтическому слову упала если не до нуля, то близко к этому» [1, 11]. Можно добавить: упала и планка ожиданий, высокого спроса на поэзию, на ее эстетические качества. Отсюда и мутация самой поэзии, девальвация «царственного» слова, умаление творческого процесса: рыночные интересы, неполнота самоотдачи, вдохновения, безоглядной поглощенности замыслом, как это было, скажем, у Есенина, Рубцова, Прасолова. Основная особенность поэзии, — пишет В. Микушевич, — «оказывать воздействие» [2, 7]. Кажется, современная поэзия избегает, стыдится этой особенности, либо вообще включила заднюю скорость, чтобы подальше отъехать от классики и не жечь глаголом остывающие сердца людей. Трудно сказать, каких высот достигнет она на задней скорости, на отказах от воздействующего глагола. Речь не идет о возрождении агитпоэзии, хотя и она в критические моменты поднимала на бруствер...

В таком многоголосом хоре, который образовался в книге «Современная воронежская поэзия», трудно вывести общие знаменатели, гораздо слышнее отдельные голоса. Тут много знакомых, давно известных и за нашими пределами имен, похвально отмеченных критикой (Л. Бахарева, В. Будаков, М. Каменецкий, Л. Коськов, И. Лукьянов, С. Ляшова, В. Нервин, А. Нестругин, С. Никулин, Е. Новичихин, С. Попов, А. Пресман, М. Тимошечкин, Г. Умывакина, В. Шуваев, И. Щёлоков). Но есть и молодой подлесок, которому расти и расти на иной почве и в новом климате.

После шестидесятников — «громких» и «тихий» — много чего было в нашей поэзии, но мы к ней еще не присмотрелись, ярких путеводных звезд не распознали. Как обнаружить ту самую сверхновую, от которой пойдут дальнобойные поэтические лучи? Назревает ли какой-то знаменательный поворот в мироощущении, в самостоянии человека? Или, по Блоку, «начнешь опять сначала, /И повторится все, как встарь»? [3, 210]. Хватит ли сил прорваться к новому, как это удалось Серебряному веку в искусстве и философии? Многие уже поторопились наши 80–90-е сравнить по новизне и творческому порыву с тем серебряным ренессансом. Действительно, гласность сбила многие замки и затворы со всего запретного, и мы оказались на зияющих просторах духовных исканий всех времен, вплоть до библейских. И затараторили скороговоркой сразу обо всем, чаще повторяя давнее, чем высказывая свое, насущное, неотложное. В речах, статьях и книгах мы рвались вперед, а на деле, в земном устройстве, сползали в прошлые времена, как после серебряного века сверзлись в тоталитаризм.

У каждой эпохи свои светочи, свои соблазны и обманки, и тот, кто им до конца отдается, но способен подняться в высокий небосвод правды и сострадания, становится поэтом. Одни приходят в мир с решительным порывом к свободе, другие жаждут равенства и справедливости, третьи заряжены борьбой и мщением, четвертые поднимают знамя красоты и гармонии. Какие знаки, какие знамена поднимет современная поэзия, воронежская в том числе? Какие у нее печали и радости? К чему она с интересом приглядывается, над какими цветами вьется?

Быть может, впервые русские поэты ощутили, как трудно жить без чувства локтя, дружеского плеча, каково оказаться выключенным из «нашей бучи, боевой и кипучей», каково быть одиноким на сквозняках свободы. Многих сносит на обочины, в придорожные заросли, и только целеустремленным удается удержаться на своей тропе. Что же произошло? Сместилась ли ось бытия, вокруг которой все вращалось: советский коллективизм и государственничество, беззаботность жизнеустройства, нравственные заповеди строителя социализма. А ря-

дом с этой осью проклюнулась вторая — либеральная, индивидуалистическая, и они все время сталкиваются, мешая друг другу нормально вращаться. Не отсюда ли многие наши беды и заморочки? Та самая разножица, которая мучила Есенина: одна нога на берегу, другая в лодке. Куда же и как нам плыть?..

Новейшая поэзия стала часто посматривать в зеркальце, пристально разглядывать себя и прихорашиваться. Она любит перебирать строки, имена героев, сюжеты, детали, даже слова и звуки, превращая это разбирательство в очередные шедевры поэзии («Когда б вы знали, из какого сора...», например). Она подходит к самой себе не столько философски, сколько технологически, как прораб-строитель к поставленному материалу. На этой основе формируются всевозможные течения, школы, группы, объединения, кружки, салоны и т.п. На это «зеркальное» увлечение адекватно отвечают методы изучения литературы, в той же степени занятые самими собой, перебиранием терминов и понятий. Воронежцев не миновало это общее увлечение как в поэзии, так и в критике, что заметно подняло литературный уровень писательской среды, привело к небывалой ранее разветвленности эстетических интересов и поисков ответов на них. В двухтысячные произошел заметный сдвиг и в наших исторических представлениях, в котором можно увидеть реабилитацию прошлого, в том числе и советского, смывание черных красок с намоленных икон и светлых лучей, идущих от них в будущее.

Движение литературы в XX веке, появление все новых и новых произведений, полагает В. Кожин, есть не следствие борьбы и смены течений и школ (ведь многие ведущие писатели вообще не входили ни в какие школы), а реализация художественных устремлений более широкого порядка: классический реализм, модернизм, авангардизм. С первым приближением к сути дела и даже с неким допустимым упрощением он так представил эти устремления: «Классика основана на стремлении непосредственно продолжать традиции XIX в., от Пушкина до Чехова; модернизм преследует цель создать “новое”, “современное” искусство, хотя и не порывающее с классикой; авангардизм — это в той или иной мере отрицание, отвержение классики, в значительной мере и модернизма» [4, 9]. Авангардизм, более объемно определяемый как постмодернизм, по словам Кожина, есть порождение «самого состояния мира в XXI веке», и он «возможно, сделает немислимое новое рождение классики», хотя в XX веке они взаимодействовали и друг без друга не могли существовать [4, 23-24]. Знамя постмодернизма, со своими цветовыми оттенками, было поднято и над воронежской поэзией.

Во второй половине 1980-х «левая» поэтическая молодежь, группировавшаяся под крылом горкома комсомола, стала все заметнее отходить от советского «официоза», результатом чего явилось, как пишет А. Житнев, «создание давно назревшей альтернативы воронежскому литературному журналу «Подъём», который, по его же словам, «и тогда, и сегодня ориентирован, преимущественно, на несколько прямолинейно понятые «почвенничество» и «патриотизм» [5, 12]. Эти понятия, взятые в кавычки, были тогда в устах либералов ругательными жупелами (типа «прибежища негодяев» и т.п.). Мы же видим в них спасительные ориентиры, благодаря которым воронежская поэзия искала самореализации на иных, не постмодернистских, путях. Что же касается «Подъёма», то на его страницах в двухтысячные годы появились и те поэты, которые вставали против советского «официоза» (М. Болгов, В. Нервин, Т. Повалюхина, С. Попов, П. Синёва, Д. Чугунов). Разделительные линии между «правыми» и «левыми», как ни старались их подновлять, легко переступали в повседневном литературном быту, на всевозможных литературных мероприятиях: вечера «Лика», Поэтограда, Дни поэзии ВГУ, где выступали поэты не только из соседних областей, но и столичные. И никто не спрашивал, каким заповедям они следуют: реализму, модернизму или авангарду. Была бы поэзия — встретят бурными аплодисментами, а нет — обойдетесь молчанием.

Поэзия, представленная в этой книге, по преимуществу лирическая, хотя и не без стремления расставить главные вехи в истории страны от октября 1917-го до августа 1991-го. Есть где разгуляться мысли и чувству, есть за что зацепиться словом, чему порадоваться, над чем поскорбеть и поплакать. Перед поэтами двухтысячных взойшло, наконец, долгожданное солнце свободы, и ни на одной дороге нет отпугивающих знаков запрета, угроз за не то и не так написанное. Хвала тебе, небо, за такую благодать! Однако свобода не избавила от «шума времени», от наследственного духовного багажа. Каждому достался «присыпанный пылью» след отца, и по нему надо пройти, но «на судьбу вперед» (В. Колесниченко).

Поэзия не нуждается в развернутых событийных сюжетах, подробных сценах, поступках и портретах героев, но она не пропустит сверкнувшего стеклышка на дороге, многозначного слова, редкой мелодии. Струны стиха тонкие и чуткие, даже слабое дуновение ветерка отзывается в них долгим звучанием. Такова и человеческая душа, пробужденная голосами жизни. Сколько в этой книге пробудившихся, растревоженных душ! Нелегко разобраться в этом калейдоскопе переживаний, высоких порывов и разочарований, восторгов и сожалений, приговоров и оправданий, однако все они тяготеют к главным, болевым и победным вехам на маршруте страны. В какой-то момент знамена и звезды потеряли доверие, показалось, что они выставляются для прикрытия неблагоприятных деяний. Но черный туман хулы сошел, и увиделось, что за этими знаменами и звездами «народа подвиг все же светится» (В. Беликов). Не так жили, не тем богам молились, не тем ставили памятники — почти общее настроение 1990-х. В двухтысячные оно обретает противоположный знак: там, в советском прошлом, существовала Золотая Атлантида, затонувшая по нашей вине.

«О Боже, какая эпоха была», — с грустью восклицает Ю. Копысов, словно предлагая ключ для сверки поэтических настроений в оценках советского прошлого.

Читали стихи! До рассвета, до слез.
И подлость за тыщу шагов различали.
Героев своих, не стеснясь, качали.
И были Герои! Пусть даже без звезд.
И подвиги были — не нынешний гам.
И Родине в жертву себя приносили.
И снова из праха вставали и жили
по меркам своим и своим чертежам.

Ему, пожалуй, удалось выразить главное, чем озабочены наши души: соединить разорванную цепь времен, не сбросить с парохода современности все, чем жили, за что боролись и положили столько народу. Этим и занята современная воронежская поэзия — «почвенная» и «патриотическая».

Неужто тот мир без следа уничтожен
и нам не протянет ладони свои...

Он-то тянет, тянет свои ладони — и в стихах, и в песнях, и драмами, и победами, и великими планами, и вечными огнями. Дело за нами — не оттолкнуть протянутую руку, а принять из нее все доброе и перспективное.

Все соловьи, в те года недопевшие,
в сердце слетаются вновь.

(Ю. Копысов)

Поэзия пошла вглубь, к земле, к «редеющему народу» (А. Нестругин). На поиски причин и следствий ушло немало времени. Мы научились хорошо жалеть о прошлом, но не умеем обустривать настоящее и беречь дорого нам доставшееся.

Больно ударили по нервам колючие строки И. Глушковой, указавшие на главную причину наших шатаний и неудач:

Не я, а жизнь глухой тоской
Тебя в ошибках обличала,
Но ничего я не встречала
Страшнее слабости мужской.

Да, робок, нерешителен, податлив на все приманки оказался наш советский мужчина, легко перетекающий из садика в школу, из школы в вуз, из вуза на завод, а там в партию, в депутаты и т.д., «лавулирующий», как выразился В. Овечкин, между начальниками в поисках тепленького местечка. «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», «Работа дурака любит», «Плетью обуха не перешибешь» и прочие обывательские премудрости ведут только в болото, к щедринскому «применительно к подлости», к пофигизму и нулевому существованию. Не следуй мы этим премудростям, не самодурствовал бы Хрущев с кукурузой, искусством и религией, не прятались бы будущие перестройщики за Брежнева и Суслова, не дали бы Ельцину развалить Советский Союз и разграбить страну.

Типичны для многих авторов книги уходы в беззаботное детство, где все было ясно, все по-доброму, а мир ограничивался квартирой или садиком, мама заменяла собой Вселенную, папа был сильнее всех на свете, а бабушка на керосинке «мне жарила картошку». Привыкшему жить в домашнем раю попасть во взрослый мир — все равно что оказаться на льдине в окружении белых медведей. Спаситься, заслониться от него можно только мечтами о прошлом. В этом жестоком мире правят иные законы, и «чтобы жить, надо зубы сжимать» (И. Лукьянов). Удручает не борьба за выживание (что вообще позор для нашей богатейшей страны), а моральная энтропия, помрачение чести и совести, бесчувствие к высокому слову и красоте. С другой стороны, и нас коснулось то, что так разражало на Западе.

Жрет все на свете потребленья Молох,
Дымки отчизны накрывает мрак.

(И. Лукьянов)

Двигательной пружиной существования, фабрикой ценностей стала не идеология, а бизнес, рынок, торговля всем, что покупается и продается, что может принести выгоду. Даже духовные и моральные ценности становятся товаром. Выгодно — продавай все: землю, недра, лес, металл, честь, присягу, а на деле предавай — страну, семью, друзей, учителей, самого себя — и не угрызайся. Ранее сражались до последнего, приносили себя в жертву, вставали из праха, прославляли своих героев, возжигали им вечный огонь, а теперь на нем жарят яичницу («Надеюсь, хоть этот огонь не потушат» — Ю. Копысов). Общезначимо то, что только для себя. Уже окрепло сомнение в том, что «человек человеку — брат» (С. Редько). Что попросил бы каждый третий, явись в толпу Христос? — «Сотвори нам вина и хлеб, а спасенья — не надо». Верность считается хуже предательства, страдальцем видится не Христос, а Иуда, ставки которого неимоверно поднялись: «Будь спокоен, Иуда. Тебя не забудут» (А. Сухов). Иуды были всегда, но если раньше они таились, то теперь повсюду звенят тридцатью серебряниками. Взять свое, не упустить, успеть, просиять бисерной бабочкой, как «непоправимо красивые перспективные девушки» (Н. Тюрина) — вот идеал, да что там скромничать — образ жизни современной авангардной молодежи. Так требует время, так говорит «он», любимый.

Девочки-девочки, тонкие как шприцы.
модные накопители красоты.
проданы — выданы — скроены для любви.

(Н. Тюрина)

Человек дробен, разбит на части, иначе ему не выжить, не обрести пути.

Разбивайся! Не думай...
Что тебе жизнь без дна?
Знаешь, цельность — безумье
В наши-то времена.

Н. Тюрина, пожалуй, самая «продвинутая» из молодых поэтов, ближе всех подступившая к свободе, энергичная в ритмах и резкая в слове, откровенная в чувствованиях и желаниях. Грубоватая на слух, ее речь не чужда «избранных», нередко иностранных слов: изящны, очаровательно милы, упоение, лелеять, вещать, офф-лайн, френч, браузер, айсыкью, тэги, торренты, креп, шархаловая пена и т.д. Перед нами героиня информационного, сетевого века, не дающего человеку опомниться, сделать свой выбор. Но его придется делать, чтобы остаться собой.

Поэты, родившиеся в 80–90-е, вобрали в себя всю сумятицу, все изломы тех невероятных лет. Юности вообще свойственно подчеркнутое своеобразие, непохожесть на других, колючесть и оппозиционность всему привычному, устоявшемуся, у нее всегда в запасе «пощечина общественному вкусу». Характерны в этом плане стихи А. Колесниченко, Н. Косякиной, С. Матыцина, А. Никулиной, М. Соколовской, Н. Тюриной и др. А. Колесниченко — самый молодой из авторов этой книги, в «Подъеме» напечатался впервые, будучи учеником лицея (родился в 1995 г.) Обозначив близость к певцам родного края, он тут же выставляет свои контраргументы.

Хоть люблю места, откуда родом,
Где права на рост даны судьбою,
Все же манит сероглазый Лондон,
Будь хоть трижды Тауэр тюрьмою.

Там не окрашена кровью Сенатской площади Темза, там не построили Соловецкий лагерь, там караул у резиденций ставят не для охраны, а «так, для фото...» Наверно, всего этого он наслушался на уроках истории (соросовский учебник) или английского языка. Но подразнил манящим Лондоном — и пора возвращаться в родные пределы.

Но звенит роднее — Петропавловск,
Держат дома дедушкины гены.

Сколько волка ни корми овсяной кашей, но «где родиться довелось однажды, / Там и жить, и умирать не страшно!» Он весь еще в изломах, в противоречиях, в метаниях между тоской Городницкого по благородству и мечтой Бродского о загранице. Лондон и Петропавловск — вот полюса его устремлений. Поэтому весь он в парадоксах, антитезах, оксюморонах, сталкивает слова, близкие по звучанию, но далекие по смыслу: «не спиться — не спится», «не больно — бойню», «что ни снег — то сажа», «хочешь быть честным — умей быть вором», «хочешь на запад — едешь на север», «мечту обнесут забором» и т.п. Современный город А. Колесниченко видит глазами Маяковского: это Содом и Гоморра, настоящий адище из пробок и металлолома, башен и заборов, город страха и героев.

Небо звездами ранено,
Небо из раны течет в мои шторы.

Редко-редко пропоет в стихах молодых цельная, гармонически устроенная душа. Почти у каждого ломкие строки, острые углы, конфликтные состояния, ударные нервические ритмы. Это не только влияние рока, дробящего всякий лад и склад, но и стремление реализоваться в несовместимом, в неоднозначном и запретном: «Нас не готовят для Верности — это вымысел». В стихах Н. Косякиной

невооруженным глазом видно, что тут не обошлось без цветаевского «Поэта далеко заводит речь», без ее ритма.

Маленький я беглец,
Чувственная горошина.
Слабая, но в седле,
В платье цветном изношенном.
Мало кому сестра,
Мало кому понятная,
Только тебе, из трав,
Я проступаю пятнами.

К сожалению, опора на поэтические авторитеты часто приводит не к удвоению лирического «я», а к раздвоению и манерности, как, например, в стихах С. Матыцина.

Мой смех звучит отдельно от веселья,
Отдельно сплю, отдельно вижу сны.
Я мастер слов отдельно от беседы
И мастер битв отдельно от войны.

Боль отделена от больного места, грусть о жизни от самой жизни, поэт отделен от себя — «мастера с чистого листа», не написавшего ни одной строчки. Что это? Острое чувство особенности? Опыт психоанализа? Эксперимент? Подобные стихи очень удобны для пародии. С. Матыцин пытается использовать какие-то наоборотные приемы — лишь бы оригинальнее звучало: «Иду не по шпалам, шагаю по рельсе» (почему в женском роде?) А навстречу по тому же рельсу мчится поезд, но никто не хочет уступить дорогу. Читатель ждет столкновения, неминуемой смерти героя, но...

Мы прибыли оба. И это не чудо,
Что каждый туда, куда надо попал.

Огонь, полыхающий в глазницах поезда, и лед в глазах героя, устремленного к цели, нейтрализуют катастрофу, приводят ее к нулевому исходу. Аллегория — хороший и законный поэтический прием, но чтобы он сработал, необходимы важные и прозрачные смыслы, а не пустословный произвол. Придумать можно все, даже «Картину черным» — наподобие «Черного квадрата» К. Малевича, но что можно на ней разглядеть? Придумки без руля и без ветрил заводят в тупики и примитив: «Я сам себе Иванушка Сусанин, /Водил себя обманутым врагом»; научите меня, а я все забуду; стану мудрецом, но учить никого не буду; обрету умное лицо, но буду «с улыбкой давить каблуком тараканов» и пр. А в итоге поэту видится отнюдь не «картина черным»:

Ну вот и все... Меня ласкает пресса,
Я раздаю автографы толпе...

Быть может, из его парадоксов и несообразностей когда-то сложится объемный и значимый поэтический мир, в котором каждая деталь и слово предназначены не для удивления, а на служение божьему замыслу.

Ломкий, порожистый поток переживаний несут в себе стихи М. Соколовской. Она любит подразнить своей колючестью и бесшабашностью, удивить грубоватой прямоотой высказывания: «Сидим на заборе из досок своих гробовых», «пьяная веселая девчонка», «крещеная собака», «мама-алкоголик», «русский Ваня» Бунин, «требуха печали», «осина бытия» и т.п.

Цинично звучат наши фразы
О Боге, любви и печали.

Ну, мало ли что обещали!
Мы мало о чем умолчали...

И в то же время она пытается вырваться из-под давления бескрылых, приносящих подробности, ей «хочется петь и смеяться от света вокруг», потому что «жизнь больше, чем эта спокойная ночь без тебя», потому что у нее «сердечный шум» от сострадания к человеку: «Если бы только могла отводить беду,/ Где бы он был теперь...»

Что бы то ни было, выбор
Всегда за мной.
Я выбираю жизнь, я
Не хочу играть.

(М. Соколовская)

Наши женщины-поэты демонстрируют в стихах более деятельное, активное участие в жизни, чем мужчины, им некогда предаваться расслабленному унынию. Поэзию С. Ляшовой можно было бы назвать чисто женской, однако она шире ее гендерного понимания. Это поэзия незыблемых жизненных основ, сохранения и украшения малой родины и семейного гнезда. Ее душа не дает, не хочет «проще жить, немножечко лгать, как все», приноравливаться к серому, обыденному, усредненному существованию. Сколько на свете женских имен, столько же участия, добра и красоты, душевного огня и любви, совестного исполнения долга перед людьми. «Как хочется сегодня о святом!» — порывисто заявляет она вопреки накрывающему нас смогу греха.

Душа взыскует и находит,
Как птица, Божьи семена.

Когда предаются, признается она, то «свет умирает во мне» и жизнь дробится на осколки, словно «тонкий лед». Трудно нести в себе непокорство и «гонор Антигоны» в вязкой паутине повседневного быта — это одна из главных тем поэзии С. Ляшовой. Любовь, охлаждение, измены и обманы, напрасность ожиданий, страшное слово «никогда», от которого настаивает какое-то промежуточное состояние, на преодоление которого нет ни сил, ни желания.

Неволи непрочная нить
И воли суровая нить.
И некому верность хранить,
И не с кем неверность делить.

Спасение от подобного состояния — «в терему стихов», в пространстве вымысла, «где сливаются тьма и свет», но куда прорываются только «ушибленные» словом.

Моя пожизненная радость:
Склоняться к малому ростку
И знать — все подлинное рядом
Живет и просится в строку.

А подлинное у женщины, живущей не просто в доме, а в тереме стиха, — вся жизнь. Вся она в труде и хлопотах, в вымытых полах, в новом платье «с солнечной каймой», в стихах и песнях об Отчизне, с которыми она выдюжит, а вот «под причитанья — никогда». Стихи С. Ляшовой проникнуты духовным и нравственным здоровьем, потому что крепко связаны с родной землей, с ее животворящими силами. Она

Меня держит все прочнее,
Я с ней еще по прадедам в родстве.

И с каждым вдохом чувствую сильнее,
Как прирастаю сердцем к Калитве.

Спасется и будет богат тот, кто любит не только себя, кто готов «поделиться краюхой ржаной и последней рубахой», кто по весне сажает сад — для красоты и пользы.

Как хорошо, когда труды по силам,
Когда есть хлеб и слово про запас.
Как хорошо, что мы живем в России,
Где труд и бедность не оставят нас.

Редкие в нынешнем стихотворном море строки, и идут они из «почвы», из глубины русской души, для которой труд и бедность — извечные синонимы, и отчуждению они не подлежат. Понять это и не отчаиваться, все видеть, все испытать и при этом не потерять доброго путеводного слова не каждому дано.

Но женщина по имени Светлана
Еще напишет светлые стихи.

Добрым участием к братьям, ласковостью ко всему на свете, благодарностью к царице Небесной дышат стихи О. Лукьяновой. Они говорят о том, что православные мотивы уже свободно проникают на печатные страницы, возжигая свет надежды и спасения. Они не решают собственно творческих задач и не гарантируют высокие эстетические качества стиха, но просветляют горизонты бытия.

Хорошо, что я просто живу.
Хорошо, что иду по дороге.
И такая отрада в груди.
И босые несут меня ноги.
И не знаешь, что там — впереди.

(О. Лукьянова)

Что бы там ни было, но только не тупики и пропасти, а живая жизнь. Ее деревенские бабы, их «сухие, как поле», лица напоминают древние новгородские иконы — иными в суровейшем XX веке они и не могли быть. У них «руки с мужицкой ухваткой», они знавали и трактор, и конную упряжку, и коровью, и сами впрягались в плуг и борону, и детей растили и «отправляли в ученье».

И какое-то Божье свечение
излучали сухие их лица.

Усыхают не только лица стареющих деревенских женщин. Истаивают, а то и начисто исчезают хутора, деревни и села, опустевает, зарастает травой и кустарником русская провинция — эта минорная нота преобладает в музыкальной палитре современной воронежской поэзии. Быть может, это не вполне соответствует сельским реалиям, может быть, это чисто литературные печали переселившихся в город, но об этом пишут и те, кто не был связан с деревенской жизнью. Земля, о которой столько мечтали, за которую так боролись, на которой столько пролито пота и крови, отчуждена от сеятеля, и он легко снимается с насиженного места вслед за детьми.

Время напрочь смело
И людей, и село, —
А глубинка была золотом...
Ни девчат, ни парней,
Ни телят, ни гусей,
Даже Бабы Яги нет с метлою.

(Н. Малашич)

Конечно, жизнь продолжается, но ведь она совсем другая — без тех песен и сказок, игрищ и забав, без незабвенной учительницы Анны Андреевны, которая отогревала ребятшек в крещенские морозы.

Жизнь быстро меняет оснастку, вокруг складывается научно-техническая среда, в которой молодежь плавает, как рыбка в воде. Однако по стихам не чувствуется, чтобы всяческие новшества радовали, их просто принимают как должное, все ими пользуются, а душою тянутся в прошлое.

А мне хочется напиться дня вчерашнего
По-над пропастью, где кони привередливые.

(В. Аневалов)

Более того, за всеми подвижками и нововведениями видится нечто роковое и гибельное.

Говорят, через десять лет
По велению злобной силы
Не останется на земле
Даже памяти о России.

(В. Аневалов)

И хотя поэт не особенно верит в столь мрачную перспективу, но ведь «говорят». А уж когда старый дед проворчит: «Без души не живут», то поневоле задумаешься, тут уже не до шуток...

Редко кто с радостью, с расположенной душой встретит новый век. Он только-только переступает порог, а от него уже ничего хорошего не ждут. У многих такое ощущение, будто уперлись в стену и дальше шагу не ступить — глуши мотор, распрягай коней, выпускай на волю крылатых Надежду и Веру. Лермонтовская «Дума» витает надо всеми, кто пытается рассказать о судьбе своего поколения («Наша биография» Ю. Копысова, например). «Слеза несбывшихся надежд» выкатывается из признаний многих поэтов, родившихся после войны. Отцы погибли, спасая страну от супостата, «но как нам выжить при своих?» (В. Куликов-Ярмонов). Все как один боролись с врагом, а в итоге образовалось два народа:

Мы — селяне, вы — кремляне,
Две России, жизни две.

Возникла патовая ситуация: либо вымирать, либо побеждать.

Переспелым, пустым горохом
Годы ссыпались ни во что.
На чего же я жизнь угрохал —
Эту воду сквозь решето?

(В. Куликов-Ярмонов)

Выход один: надо трубить сбор и общими силами выбираться из тупика. Однако Родина будто ослепла и оглохла, стала равнодушна ко многому, что было ее сокровенными знаками и символами: к березам и василькам во ржи, к вербам у колодца, дымку над деревенской крышей, к стиху и подвигу. Возникает новая, впрочем, отмеченная еще О. Мандельштамом, ситуация: «Мы живем, под собою не чуя страны». Отчуждение ото всего, на что ранее устремляли все порывы, все помыслы — от Отчизны, от родной земли. Каково чувствовать себя оброненной монетой во льду, не зная, что весной она растворится в ручье?

Чья монета? Чей дождь? Эта радуга чья?
Чья страна? Чей народ? Время чье?

(А. Бунеев)

Слабеет притяжение родного, единственного дома, зато родным становится «любой уютный дом»:

Пригреют нас, и мы своими станем,
И продаваться вовсе не устанем,
Хотя и покоряемся с трудом.

(А. Бунеев)

Кого не озадачит этот приспособительный комплекс? И кто не поймет, что порожден он годами выживания в распавшейся стране?

У поэтов старшего поколения не утихают фантомные боли от «лихих девяностых», когда все было «расхищено, предано, продано». Один из главных мотивов подъёмовской подборки В. Беликова — чувство вины за былую несправедливую жизнь, за то, что был счастлив «веселый, пустой человек», когда все рушилось. Печальные итоги приходится подводить, выпав из «телеги жизни», чувствуя себя лопухом при дороге, мимо которого, обрызгивая грязью, проносятся новые хозяева. Стоит ли спрашивать после этого: «Кто я на этой земле?» Надо признать, комплекс потерпевших и потерявших, униженных и оскорбленных весьма актуален в нынешней поэзии. Комплекс неосуществленности и распада заворожил оба ее крыла: и постмодернистское, и реалистическое. Но если вторые больше поглощены распадом страны, то первые — самораспадом человека, мутацией его сознания. Многим словно вменили в обязанность пожаловаться на всякие лишения, неудачи, поруганные мечты, порушенную правду, оболганную честь, преданную любовь. Болевые точки прошлого, кровоточащие раны войны и ГУЛАГа не уходят из памяти пишущих, но как больно, как трудно говорить о них, потому что не впервые, потому что лучше других, да и всего все равно не скажешь.

И даже самый лучший стих
не передаст последней боли.

(Л. Бахарева)

Муки невоплощенности всего, что накопилось в душе, предвещают глубокие прорывы на фронтах поэзии, быть может, появление большого Поэта...

Многие, размашисто рисуя прошлое темными красками, как ни странно, жаждут его возвращения, нового рождения. «Время надежд» — так назвала одну из своих поэтических книг И. Глушкова. Эти надежды обращены назад, в пройденное: «Все вернуть. Понять. Начать. Спасти». Ясно, что это неосуществимые мечты, что не возродить исчезнувшее село, не воскресить любимую бабушку, ни за какую цену не вернуть минувшего. Но так хочется прибежать в детство по розовому лучу, заглянуть в родное окошко, увидеть старенькую мать за прялкой, схватить горячую картошку из чугунка и не верить «ни разлуке, ни беде». Хочется... Но издалека, из суетного и чужого города.

Надо сказать, рецидивы многих мотивов деревенской прозы довольно заметны в современной воронежской поэзии. Но они звучат уже по-иному. Исчезновение деревни — знак большой беды, перерождения страны, народа, оскудения души. Потому и прогресс утратил привлекательность, ибо он несет в себе банальность и отчуждение. Придать новый характер движению времени — вот нынешнее содержание проблемы «деревня — город». Новое не лучше и не легче прошлого, но единственно верно не отдалять их, не разрывать, а сближать и породнять.

Нас новое время сечет по хребтам батогами, —
Очнись от бездонного сна, господин и слуга:
Нам нужен не мост, чтоб на Пасху дружить берегами,
А братские руки, чтоб крепче связать берега...

(Ф. Григорьев)

Редкий здравомыслящий голос в разливанном море переживаний, но возможно ли примирение между господами и слугами, нищими и богатыми? Одна надежда на братские руки, протянутые с обоих берегов, иначе нам не выбраться на новые пути.

В. Жилиев всей душой и помыслами там, в деревне, в «тихой, светлой» родине, в «золотых годах» детства, о которых умильно вспоминают многие. Память о прошлом так жива и неотступна, что заслоняет реальность, и в нее легко погрузиться, словно в летучий сон. Он весь там,

Где журчит в подойник
Теплое молоко.
Там, где пасутся кони,
Где на душе легко.
Там, где родные лица,
Говор не режет слух.
Там, где к твоим ресницам
Льнет тополиный пух.

Но стоит очнуться — и все видится по-другому, все там иначе: земля кому-то продана, чужие люди кругом, «род мой славянский вымер», а оставшиеся доживают кое-как последние дни.

Покаяние перед покинутым краем детства обязывает вечно туда возвращаться — и не возвратиться. От этого чувствуешь себя еще виноватее, и еще больнее любовь к покинутому.

Как много дней прошло не там,
Как много слов застыло горьких.
Приходим к милым старикам
Лишь в тихий праздник Красной Горки.

(О. Головинёва)

Поэты, кажется, готовы вынуть сердце и отдать его своей деревенской родине, но ей нужен весь человек, и руки, и разум его. Вот бы все мы, когда-то сбежавшие от нее, тоскующие и любящие, вернулись бы к родным полям и хатам — как бы ожили и расцвели наши просторы! Или все же удобнее тосковать по «печалью опоенным равнинам» в отдалении? И вообще «не о чем плакать», заявляет Д. Зайчикова, потому что реальная жизнь «наше прошлое туго вплела» во все наши дела, во все, что нас окружает. А это значит, что «все продолжается» в беге времени.

Не о чем плакать: ведь будет века
Помнить земля под следом башмака
Всю нашу жизнь — от истока до устья.

Лирика воспоминаний преобладает почти у всех авторов «Подъёма». То ли это свойство души — подогреть все, что в нее запало, то ли от убеждения, что золотой век всегда позади, то ли от неприятия настоящего и боязни будущего. Обращение к детству и юности — не блажь, не приятное щекотание нервов, но прежде всего стремление осознать пути и судьбы своего поколения, сомкнуть начала и концы, итоги и замыслы, ожидания и результаты. Ведь у многих детство было трудным, даже трагическим, но прекрасным, где было все, чему теперь не бывать, куда «обратной дороги нет» (М. Каменецкий). А. Кобзев вспоминает горячо и страстно, словно в жарком споре, доказывая единственность и неповторимость жизненного опыта своего поколения.

Из какого мы времени родом?
И какую бедой рождены?
Пацаны сорок пятого года,
Недородные дети войны?

И такая вся наша порода,
Мы недаром на свет рождены,
Пацаны сорок пятого года,
Всенародные дети войны!

Тут самые значимые слова вынесены в рифменные окончания, они, словно венки, скрепляют все строки стихотворения: война, род, год, порода, рождены и т.п. В нем высокое единство переживания, единство спасенного матерями поколения — недородных и всенародных детей войны, детей Победы. Они горды не привилегиями и благополучием, а одолением страданий и бед. И во все времена лишения и муки для них — не самое страшное, страшно, когда человек опускает руки, когда колодец, поивший людей ключевой водой, превращается в сливную яму. Не так ли наше славное прошлое пытаются забросать мусором лжи и выдумок? Кобзев не положил ни одного черного мазка на то, что согревало и возвышало нас, не посыпал соль ни на одну рану. Многие хорошо помнят его знаменитое стихотворение, которое он не раз читал под бурные аплодисменты в разных аудиториях:

Нацветовавшись, уходило лето,
Несло душистой пылью тишины.
И напоследок так игралось детям,
Что в играх забывались до луны.

Что-то кольцовское слышится в его строках, венчающих трудовое лето (кстати, очень редких по своему пафосу для современной поэзии).

Тянулись с сеном под вечер подводы.
Возы качало силой наливной

(Вспомните: «От возов всю ночь / Скрыпит музыка»). Как не радоваться, как не торжествовать: поработало лето, поработали люди.

Хороша была на свете жизнь!
Нацветовавшись, уходило лето...

Однако преклонение перед теми, кто прошел «на судьбу впереди», порой приводит к неожиданным исходам: все ими сделано, так что можно расслабиться.

В край, где светло и покой,
Плыть бы да плыть затихающей
Теплой молочной рекой.

(В. Колесниченко)

Все, достойное внимания и памяти, там, в ушедших временах «тогда», «было», все в глаголах прошедшего времени. Мир вышел из привычных берегов, стал пугающе сложным, а человек непредсказуемым в чувствах и поступках, и поэт мучительно ищет новое слово, чтобы все это выразить в своем переживании. На выручку приходит картинка в потрепанной книжке, на которой дети, бегущие от грозы.

Такое случилось на свете
Со мной и страной моей!
Бегущие в ужасе дети
Несутся быстрее и быстрее.

(В. Колесниченко)

Однако случилось другое, и его той картиной не выразить, она скорее перетянет на себя, чем откроет тайну случившегося. То же самое и с очередными строками:

Как повязка на ране, заря
Кровянится сквозь снежные струпыя.

Воронежский читатель тут же вспомнит жигулинское «И сквозь белую марлю снегов /Просочилась, пробилась рябина» [6, 45]. У Жигулина, повидавшего войну и Колыму, сказано правдивее и поэтичнее, без излишней крови и струпьев. Кстати, в «Современной воронежской поэзии» немало стихов, на которых одежды с чужого плеча, причем не по размеру. С. Луценко к своему стихотворению «Век родной, враждебный...» ставит эпиграф из О. Мандельштама: «Век мой, зверь мой». Однако по своей обвиняющей однозначности оно никак не соотносится с широким гуманистическим подходом Мандельштама. У Луценко читаем:

Помню сгибших, помню всех...
Что же делаешь ты с нами,
С дочерьми и сыновьями,
Век родной, враждебный век!

Тут инвектива и жалоба потерпевшего, а Мандельштам, напротив, жалеет этот век, сломавший свой хребет в прыжке в новое время. Прыжок неудачный, много жертв, много крови, но эта кровь — строительница. И дело поэта — связать полуманные позвонки своим стихом, но не жаловаться, не проклинать.

Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.

[7, 145]

Этот трепет не творческого порядка, он от впечатлительности и страха соглядатая, но не участника роковых событий. В школе стреляют, в храме убивают, бездны разверзаются, и дух Апокалипсиса витает над миром — оплотом тьмы. Что же остается поэту? Страдать и плакать.

Что же так долги слезы,
Что же так злы тревоги?..

(С. Луценко)

Неоспоримые, веками выверенные истины часто предстают в классических, можно сказать, старомодных одеждах. Однако мы их не отвергаем и не переделаем, потому что ничего не можем найти взамен — ни слов, ни смыслов. Таковы притчи, пословицы и поговорки. Подобное наблюдается и в поэзии. Наполненный энергией стиля и правдой вымысла, даже старомодный стих звучит современно и неповторимо, как будто мы услышали его впервые. Так называемые новаторские стихи, как и классические, порождают инерцию подражания, и оно даже более заметно, чем в стихах традиционных. Дело в том, что содержание и форма неразрывны и одновременно самостоятельны.

Я первый раз живу на свете,
иначе б знала, где и как,
среди разговоров и бумаг
мне отыскать мой главный знак, —

пишет Л. Бахарева. Стих традиционный, а смысл новый: не все ли мы стараемся докопаться до своего «главного знака», озаряющего наш путь и наше призвание?..

Истинная поэзия ищет и побеждает на многих путях: реалистических, модернистских, авангардных. И куда бы она ни устремляла свой взор — в прошлое, настоящее, будущее, она всегда будет искать таинственную Атлантиду, а вместе с ней и неравнодушный читатель...

Виктор АКАТКИН

ЛИТЕРАТУРА

1. Мнацаканян С. Толпа метавшихся метафор. Несколько штрихов к портрету Павла Антокольского // Литературная газета. — 2016. — 6–12 июля. — № 27.
2. Микушевич В. «Для меня поэзия — разновидность магии и сказки» // Литературная газета. — 2016. — 6–12 июля. — № 27.
3. Блок А. «Ночь, улица, фонарь, аптека...» // Стихотворения. Поэмы. Театр. — Л., 1936.
4. Кожин В. В. Классицизм, модернизм и авангардизм в XX веке // Теоретико-литературные итоги XX века. Т. II. Художественный текст и контекст культуры. — М., 2003.
5. Житенев А. Воронежская поэзия второй половины XX века: учеб. пособие. — Воронеж, 2010.
6. Жигулин А. Прозрачные дни. Стихи. — М., 1970.
7. Мандельштам О. Сочинения. В двух тт. Т. 1. Стихотворения. Переводы. — М., 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

Виталий АПЕВАЛОВ. Заклинание	3
Виктор БАТРАЧЕНКО. Источается нить, ускользает из рук...	8
Людмила БАХАРЕВА. Я в первый раз живу на белом свете...	13
Виктор БЕЛИКОВ. Синие выюнки	17
Валентина БЕЛЯЕВА. Курилась пыль над придорожьем...	20
Михаил БОЛГОВ. Небом поймав одинокую птицу...	23
Виктор БУДАКОВ. Забывтая родина	32
Александр БУНЕЕВ. Время тихо прильнуло к земле	35
Ирина ГЛУШКОВА. Уже так близко холода	39
Ольга ГОЛОВНЁВА. До первой звезды	42
Федор ГРИГОРЬЕВ. Берега	45
Николай ДОЛИНСКИЙ. Речные острова	50
Елена ЕРЁМИНА. Горит осенняя заря	52
Василий ЖИЛЯЕВ. Чтобы светом наполнилась память	57
Александр ЗАЙЦЕВ. Бусинка	63
Дарья ЗАЙЧИКОВА. День и вечер	67
Николай КАЛИНИН. Шипов лес	69
Михаил КАМЕНЕЦКИЙ. За далью дорог	74
Анатолий КОБЗЕВ. Пацаны сорок пятого года	79
Зоя КОЛЕСНИКОВА. Корабельные сосны	83
Алексей КОЛЕСНИЧЕНКО. Город	87
Виктор КОЛЕСНИЧЕНКО. Там, где цвел незабудкой зенит	93
Юрий КОПЫСОВ. Лист невесомый упадет	97
Юрий КОРЧАГИН. Вьюга	100
Лев КОСЬКОВ. Свободно дышит ночь земная	103
Наталья КОСЯКИНА. Беглец	109
Артур КТЕЯНЦ. Тонкий холст	112
Людмила КУЗНЕЦОВА. Тонкая верба	116
Василий КУЛИКОВ-ЯРМОНОВ. Горицвет	120
Зинаида ЛАВРОВА. Рябиновая кисть	124
Игорь ЛУКЬЯНОВ. На талом снегу	128
Ольга ЛУКЬЯНОВА. За белой горой	131
Сергей ЛУЦЕНКО. Благословение бездны	133
Светлана ЛЯШОВА. На поводке уходящего солнца	137
Екатерина МАКУШИНА. Дом из бумаги	140
Николай МАЛАШИЧ. Предрассветные облака	144
Александр МАЛЬЦЕВ. Мельницы	146
Сергей МАТЫЦИН. Научите меня забывать о плохом	152
Наталья МИЛЯКОВА. Женщина, икона и свеча	158
Валентин НЕРВИН. Мы не одни	161
Александр НЕСТРУГИН. Мой век изнутри выгорает...	166

Владимир НЕФЁДОВ. Неведомый город	171
Станислав НИКУЛИН. Шелест деревьев	174
Александра НИКУЛИНА. Негреющее солнце	182
Евгений НОВИЧИХИН. «Дышать с тобою воздухом одним...»	189
Рита ОДИНОКОВА. Второе рождение	193
Эльвира ПАРХОЦ. Ветер в лицо	196
Татьяна ПОВАЛЮХИНА. Вдоль берега Дона	201
Борис ПОДГАЙНЫЙ. Чайная церемония	206
Игорь ПОКОТИЛОВ. Немного правды о любви	210
Ольга ПОМЕРАНСКАЯ. Среди вселенской пустоты	215
Сергей ПОПОВ. Призрачная птица	218
Аркадий ПРЕСМАН. Путевой дневник	223
Ирина ПРЕСНЯКОВА. Я всегда хотела тебя любить...	229
Родион ПРИЛЕПИН. Рыба, камень и снежный барс	232
Светлана РЕДЬКО. На пяточке земли	237
Светлана РУДЕНЧЕНКО. Я слышу вечность в каждом звуке	240
Иван РУСАНОВ. Плачущая ива	244
Алексей РЯСКИН. Старая мельница	248
Николай САМОЙЛОВ. Для нас главное жить в ладу	253
Иван САФОНОВ. Колючий снег в горсти	256
Роман СЕРГЕЕВ. Сердца слепок	259
Юрий СИЛАНТЬЕВ. Человек, вернувшийся с войны	262
Полина СИНЁВА. Годовые кольца	266
Елена СМОЛИЦКАЯ. Простые вещи	272
Анатолий СМЫШНИКОВ. Среди морозных облачных прорех	274
Сергей СОКОЛОВ. В садах разлившаяся ночь	279
Мария СОКОЛОВСКАЯ. Если б только могла отводить беду...	282
Александр СУХОВ. Багровый свет, разлившийся над миром	285
Михаил ТИМОШЕЧКИН. Голубые снега, окропленные кровью	289
Владимир ТУЛУПОВ. Детская память	299
Нина ТЮРИНА. Не забывай дышать	301
Галина УМЫВАКИНА. Ангел летящий	308
Наталья ХАРИТОНОВА. На семи ветрах	311
Станислав ХАТУНЦЕВ. Война миров	315
Наталья ХАУСТОВА. Рыжеволосая осень	320
Вера ЧАСОВСКИХ. Птица солнечного лета	323
Дмитрий ЧУГУНОВ. Запах черемухи	326
Алексей ШАПОВАЛОВ. Воспаленными губами	329
Владимир ШУВАЕВ. Стремнина	332
Иван ЩЁЛОКОВ. Три дня в Ялте	337
Джабраил ЯХЪЯЕВ. Пей зарю и думай о хорошем	340
Виктор АКАТКИН. «Какая эпоха была...» Заметки о поэтических страницах «Подъёма»	343

Литературно-художественное издание

СОВРЕМЕННАЯ ВОРОНЕЖСКАЯ ПОЭЗИЯ

*По страницам журнала «Подъём»
2009–2016 годов*

Руководитель издательского проекта *И.А. Щёлоков*

Составитель *В.Д. Лютый*

Редактор *В.Е. Новохатский*

Корректор *Л.В. Кобелева*

Компьютерная верстка *И.К. Вовчаренко*

Дизайн обложки *В.Е. Новохатский*

Подписано в печать 25.10.16. Формат 70х100^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,2.
Тираж 400 экз. Заказ

ГБУК ВО «Журнал «Подъём».
394036, г. Воронеж, пр. Революции, 3а.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Воронежская областная типография —
издательство им. Е.А. Болховитинова».
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.